RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

RUSSIA:
THE NEW SOCIAL REALITY

SOCIAL
AND SOCIO-POLITICAL
SITUATION IN RUSSIA
- 2010 year

Edited by
G.V.Osipov, V.V.Lokosov

MOSCOW
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЯ:
НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ в 2010 году

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

МОСКВА
2011

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0448-2

Россия: новая социальная реальность. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз.* – М.: ИСПИ РАН, 2011. – 422 с.

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

Настоящий научный доклад является продолжением реализации фундаментального научно-исследовательского проекта ИСПИ РАН комплексного изучения основных тенденций и закономерностей изменения социальной и социально-политической ситуации в постсоветской России. Идейный вдохновитель и руководитель проекта – академик Г.В.Осипов.

Данная монография «юбилейная»: она является двадцатым по счету научным докладом, в которых собран и систематизирован уникальный концептуальный, статистический, эмпирический материал, раскрывающий подлинную сложность *последствий* трансформации российского общества в 1991–2010 гг. Особенность данной монографии состоит в намерении авторов проанализировать результаты реформ, показать и объяснить новую социальную реальность 20 лет спустя. Тексты научных докладов позволяют из мозаичности и фрагментарности меняющихся событий и общественного мнения создать целостную научную картину поворотных для истории России преобразований.

Авторы рассматривают широкий круг вопросов социального и социально-политического развития российского общества, создания субъективных и объективных условий для инновационного выхода из системного кризиса, проблем консолидации российской нации. Работа построена на базе материалов теоретических и прикладных исследований, проведенных подразделениями ИСПИ РАН, многие из которых публикуются впервые. Мы выражаем глубокую признательность академикам В.Л.Макарову, С.Ю.Глазьеву, членам-корреспондентам М.К.Горшкову, Ж.Т.Тощенко, другим ведущим российским исследователям, с которыми Институт тесно сотрудничает многие годы, за предоставленные материалы, вошедшие в научный доклад.

Тенденции, выводы, прогнозы, изложенные в научном докладе, могут быть использованы учеными, политиками дипломатами, специалистами, чьей областью деятельности является выработка конкретных управленческих решений и выбор социальных технологий. Книга также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся развитием российского общества и судьбой России.

ISBN 978-5-7556-0448-2

© Институт социально-политических исследований РАН, 2011

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Акад. РАН **Осипов Г.В.** – Введение. От социально-философского к социально-научному знанию; акад. РАН **Глазьев С.Ю.** – Упущенные возможности и условия экономического роста; д.э.н. **Богданов И.Я.** – Экспортно-сырьевая экономика: исчерпание развития; д.ф.н., проф. **Староверов В.И.** – Реформа 1861 года и 20-летие современных реформ: сходство и различие; д.с.н. **Локосов В.В**. – Предельно критические показатели развития общества; Восемь походов против Российской академии наук; чл.-корр. РАН **Иванов В.Н.,** к.ф.н. **Кублицкая Е.А.,** д.п.н. **Назаров М.М.** – Территориально-государственное устройство и стабильность федерации; к.ф.н. **Мерзликин Н.В.** – Неэффективность модели регионального управления; д.э.н. **Дискин И.Е. ,** к.п.н. **Федоров В.В.** – Запросы граждан и реакция государства: о респонсивности современной российской политической системы; к.ф.н. **Ковалева Т.В.,** к.с.н. **Селезнев И.А.** – Дисбаланс высшей школы и рынка труда; чл.-корр. РАН **Горшков М.К.** – Социальная структура пореформенной России; акад. РАН **Макаров В.Л.** – Социальный кластеризм; д.с.н., проф. **Левашов В.К., Новоженина О.П., Афанасьев В.А.,** к.с.н. **Шушпанова И.С.** – Динамическое равновесие общества; д.с.н., проф. **Зубок Ю.А.,** д.с.н., проф. **Чупров В.И.** – Социальное развитие молодежи: тенденции и противоречия общественного воспроизводства**;** д.э.н., проф. **Рыбаковский Л.Л.,** к.э.н. **Кожевникова Н.И.** – Демографическое падение России; д.э.н.**,** проф. **Рязанцев С.В.** – Трансформация миграционных процессов и построение миграционной политики; к.и.н. **Стрельцова Я.Р.** – Влияние этнической миграции на рост популярности правых в Европе; чл.-корр. РАН **Тощенко Ж.Т.** – Тенденции и новые характеристики общественного сознания; д.ф.н., проф. **Орлова И.Б.** – Новые социальные утопии; д.х.н., проф. **Кара-Мурза С.Г.** – Причины и проявления социальной аномии; д.с.н. **Синелина Ю.Ю.** – Динамика религиозности россиян; д.с.н., проф. **Дзуцев Х.В.** – Ваххабизм на Северном Кавказе.

Введение

ОТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО К СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

На стыке XX–XXI веков произошли качественные изменения в жизни планеты Земля. Сегодня не растения и не животные, а *человек* и создаваемые в процессе его деятельности *техносфера* и *социосфера* детерминируют состояние и будущее не только физического мира – *атмосферы и биосферы*, но и общества и самого человека. От анализа, подчас несовместимых явлений окружающего мира, наука переходит к их синтезу.

С вступлением в стадию экосистемы, которая является совокупностью всего живого и органических ресурсов, человек превратился в крупнейшую *«геологическую силу»,* стихийные разноплановые действия которой выходят за пределы рационального контроля. *Антропогенные* воздействия на компоненты экосистемы возрастают, стремительно приближаются к критическим показателям и неизбежно ведут к возникновению *синергетического эффекта* в системе. Включились механизмы адаптации, направленные на самосохранение планеты и человечества, но об их действии современники не имеют должного представления.

Поэтому научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, – «наиболее насущная задача, стоящая сегодня перед человечеством» (Ян Тимберген). По подсчетам специалистов, человечеству отводится от 30 до 60 лет, чтобы выработать качественно новый эффективный путь развития. Чтобы выжить, человечество должно сменить свои социальные и социально-политические и духовно-нравственные приоритеты.

Коэволюция как новый социально-экономический приоритет. Современная ***система управления*** экосистемой Земли основана на вненаучных концепциях, субъективизме и методе «проб и ошибок». Она превратилась в анахронизм и фактор дестабилизации, порождающий безответственность и социальный хаос.

Человек – вот мера всех явлений окружающего мира. Поэтому в сложившейся ситуации на рубеже XX–XXI веков *только социальные науки и гуманитарное знание, объектом исследования которых является человек, его социальные действия и создаваемая им социальная реальность,* способны внести научную рациональность в разнонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека и привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы и риски.

Альтернативой стихийному, гибельному развитию экосистемы является ***коэволюция.*** Выбор этого социального приоритета позволит создать такой способ существования человеческого общества, когда все компоненты экосистемы будут приведены в состояние гармонии не только друг с другом, но и с социальной деятельностью человека.

Концепция коэволюции включает два императива:

– решение проблемы экосистемы с позиций *социальных наук*, что означает их включение в систему научного управления обществом;

– развитие *гуманитарного*, в том числе научного знания, которое позволило бы определить цели и направления дальнейшего развития экосферы и соответствующего метода и способа использования социальных наук с нравственных позиций.

Социально значимые решения, принимаемые существующими системами управления на основе субъективизма или так называемых дискурсов, затрагивают судьбы огромного количества людей и означают не что иное, как *социальные эксперименты* над человеком. И это всё происходит в то время, когда в некоторых странах из соображений гуманности уже запрещены эксперименты над животными. Социальные эксперименты над человеком и человечеством тем более надо прекратить. Необходимо признание того, что высшей социальной ценностью современного мира является человек, его нравственность и индивидуальность, социальные и моральные ценности, а также национальные традиции и этнонациональная идентичность народов земной цивилизации, их равноправие вне зависимости от численности.

В общественном сознании должны утвердиться *новые* критерии развития обществ, социальных структур и организаций. Не ВВП, не среднеста-

тистические данные, не «среднестатистический человек» характеризуют положение дел в той или иной сфере жизнедеятельности глобального или национального сообщества, а ответственная личность, социальные действия которой измеряются *социальными показателями и индикаторами.* Они и позволяют конкретно измерять и реально оценивать с позиций интересов общества и человека социальную и экономическую эффективность систем управления, ставить вопрос о персональной социальной ответственности и профессионализме лиц, включенных в эти структуры, о социальном контроле над их деятельностью.

Социальные науки и гуманитарное знание как коэволюционный императив. Огюст Конт первым обосновал идею отделения социологии от философии, ввел для обозначения науки об обществе понятие «социология». Социология по Конту – наука об обществе без какой-либо ее дифференциации – не вышла за пределы социально-философского мышления**.** Так же, как другие социальные науки, институционализированные в XX веке, в значительной степени продолжали функционировать и развиваться в рамках социально-философского мышления**,** что, впрочем, не умаляет их известных достижений.

Социологами была создана научная структура социологического знания, сделаны серьезные научные открытия, связанные с пониманием роли и места социального фактора в жизнедеятельности человеческого общества, а также сформулирован ряд научных понятий и категорий, как в области социологического знания, так и социальных наук в целом. Были разработаны научные основы методики и техники социологических исследований, созданы специальные математические методы научного обоснования и решения социальных проблем, а также методы измерения социальных явлений и социальных последствий принимаемых на различных уровнях управления обществом решений. Более того, с применением социальных наук и социологии практически решены некоторые жизненно важные социальные проблемы как на национальном, так и глобальном уровнях человеческой цивилизации.

К сожалению, *культура власти и культура науки оказываются несовместимы друг с другом.* Культура власти в современном обществе все еще основывается не на социально-научном, а на социально-философском мировоззрении и соответствующему этому мышлению методе «проб и ошибок».

*Социальные науки в XXI веке выполнят свою историческую миссию, если культура власти будет интегрировать культуру социальных наук, а социальные науки будут переходить от социально-философского мышления к мышлению социально-научному***.** Практически это означает и её социально значимые действия, включение социальных наук в систему научного управления обществом и в социальную практику властных структур, чья деятельность будет основываться на данных этих наук.

Социальная ответственность как властных структур, так и социальных наук значительно возрастет, и с объективной необходимостью должна быть поставлена под *контроль* общества. Длительный период человеческая цивилизация развивалась на базе априорного мышления. Произошли два «великих водораздела» между философией и наукой. Первый «великий водораздел» произошел между философией и естественными науками. Второй – между философией и социальными науками. Для дальнейшего развития социальных наук это только начало процесса.

Научное и априорное мышление выступают как две составляющих одного процесса, конструирующего социальную реальность с позиции коэволюции. Многие факты свидетельствуют о том, что социальные науки в их социально-философском аспекте не только не способствовали решению назревших социальных, глобальных угроз современной эпохи, но и в значительной степени обострили их, доведя экономики некоторых государств до катастрофы.

Старательно «раскрученные» в период новой российской смуты «теория перестройки и нового мышления для нашей страны и всего мира», «теория единого европейского дома», «теория перехода к рынку в течение 500 дней», «теория неолиберализма», «теория шоковой терапии», «теория всемирной демократии», «теория глобализации и мономира во главе с США», «теория западной культуры как высшего этапа в развитии человеческой цивилизации», «теория превентивной безопасности США» и т.п. – примеры неудачного и чрезвычайно разрушительного по своему воздействию теоретизирования. Они и подобные им теории создавали и продолжают создавать *виртуальную реальность*, которая порабощает и парализует сознание людей, негативно мотивирует их социальное поведение и наносит огромный вред человеку и обществу. Тезис «Credo, quia absurdum» сопровождается реальными социальными действиями, последствия которых оказываются непредсказуемы.

Виртуальная реальность, создаваемая на базе социально-философского мышления, не имеет ничего общего с социально-научным мышлением и прокладывает *дорогу в никуда*.

Материальные и человеческие потери России в процессе перестройки и реформирования, спровоцированными виртуальными реальностями, созданными не без участия властных структур, по подсчетам специалистов, превышают потери в период Великой Отечественной войны. Как следствие, развал СССР вывел США на лидирующую роль в современном мире. Запад оказался единственным реальным центром принятия глобальных решений Им был сделан выбор модели «неограниченного экономического роста». Исторические последствия этого выбора стали сказываться уже в первом десятилетии XXI века. Разразился финансово-экономический кризис, который все более и неукротимо перерастает в кризис системный и глобальный.

Элементы перехода к коэволюционному мышлению *стихийно* складываются в недрах традиционной практики. Снижается значение традиционных технологий и возрастание нетрадиционных: информационных, социальных, интеллектуальных. Определяющими факторами развития мировых и национальных сообществ становятся *человеческий потенциал, социальный капитал, научные и гуманитарные знания,* а основным продуктом нового управления – интеллектуальная собственность. Прибавочная стоимость дополняется вновь создаваемым интеллектуальным капиталом. Осуществляется *переход к обществу, основанному на знаниях, с учетом глобальных и национальных тенденций и традиций.*

Основной тенденцией развития современного мира принято считать глобализацию. Но это, на наш взгляд, односторонняя концепция. Современное развитие человеческой цивилизации включает два неразрывно связанных друг с другом процесса – глобализацию и деглобализацию. *Глобализация* предполагает включение в современную цивилизацию лучших достижений национальных сообществ и переход к системам управления с позиций коэволюции, а также сохранение традиций, обычаев, менталитета. *Деглобализация* – это восстановление образа жизни национальных сообществ, противодействие попыткам свести все к единым образцам и шаблонам, будь то коммунистический, американский или иной образ и стиль жизни. Никогда, например, мусульманские народы не откажутся от своих традиционных устоев во имя «демократии» по американскому или некоему обобщенно западному образу и подобию.

Возврат к «абсолютной идее». До сих пор некоторые философы и экономисты пытаются объяснить негативные явления и процессы социального мира непредвиденным стечением обстоятельств. Примером может служить мнение руководителя Высшей школы экономики Евгения Ясина,

который считает, что: «Весь негатив современного мира – это не обязательно последствия чьих-то действий, недоработок и непрофессионализма, ошибок или преступлений. Тот факт, что могут существовать факторы, находящиеся вне управления, возникшие в силу случайного стечения обстоятельств, или являются последствиями того, что происходило раньше, это людьми не ощущается».

Если следовать этой логике, то общество практически обречено постоянно преодолевать катастрофы и кризисы, вместо того, чтобы придти к новым, основанным на знании, позитивным методам управления, исключающим само возникновение кризисных ситуаций.

В таких условиях некоторые философски ориентированные социальные мыслители пытаются найти выход в очередной абсолютной идее, которая, подобно «волшебной палочке», спасет мир. Социальная реальность, создаваемая воздействием реальности виртуальной, и сама виртуальная реальность воспринимаются ими как объективный факт, а не как объективизация социальных действий человека при определяющем воздействии властных структур.

Поиски общей социологической или социальной теории имеют своим истоком поиски «абсолютной идеи», от которых отказались философы, что и позволило им выйти из тупика и, следуя своей исторической традиции, пойти по пути постановки ряда проблем, решение которых осуществляется в ряде конкретные науки (семантика, семиотика, математическая логика и т.д.). В поисках общей социологической теории обычно апеллируют к естественным законам – физике, химии, биологии и т.д., но кто может назвать или обозначить общую теорию физики, химии или бесконечного множества других естественных наук? В биологии до середины XX века общей биологической теорией считалась теория «эволюции» Чарльза Дарвина, но и она вступила в противоречие с фактами.

Социология и социальные науки в целом *ничем* по принципиальным вопросам не отличаются от естественных наук. И те, и другие опираются на научно обоснованные структуры, изучают законы физического мира (физика), социальные законы социального мира (социология), в котором человек – объект и субъект социальной реальности, равно как и реальности виртуальной. Таким образом, социальная реальность – это не что иное, как объективизация субъективной деятельности человека. Став объективным фактором, социальная реальность начинает функционировать по своим собственным объективным социальным законам, в равной степени способным порождать добро и зло.

Понятия «добра» и «зла» не существует объективно. Это субъективный продукт человеческого разума, продукт априорного мышления, отражающий расстановку и взаимодействие разных социальных сил данного общества**.** Важно определиться, как именно необходимо изучать социальную эффективность гуманитарного знания, способного выработать желаемые нормы и ценности. Именно социология как наука позволяет установить социальную эффективность создаваемых человеком норм и ценностей с позиций добра или зла.

Социальная реальность и самосознание человека. Нависшая над человечеством опасность социального хаоса и социальной безответственности, техногенных угроз и необоснованных управленческих рисков трактуется как закономерный этап в развитии человеческой цивилизации и именуется *постмодерном,* утверждающим дестабилизацию и даже исчезновение объективной реальности. Этот взгляд наиболее ярко представлен в концепции Жана-Франсуа Лиотара, констатировавшего «атомизацию» социального в эпоху «расслабленности», и в концепции Жана Бодрийяра, провозгласившего «конец социального» в эпоху «инертности» и «меланхоличности».

Нарочито метафоричные концепции постмодернистов Лиотара и Бодрийяра могут рассматриваться как своего рода идеология нового интеллектуального и эстетического течения. Однако и представитель академической социологии Ален Турен фиксирует ту же тенденцию «исчезновения» социального, когда утверждает, что общество ныне предстает не как «институционально регулируемое целое», а как «арена конфликтов из-за использования символических благ».

С позиций современных социальных и гуманитарных наук концепции Лиотара, Бодрийяра, Турена симптоматичны. Рассмотренные в совокупности, они позволяют сделать вывод, что социальная реальность исчезает, а на смену ей приходит реальность виртуальная. В действительности теории постмодерна, создаваемые философски ориентированными социальными мыслителями, прокладывают дорогу к разрушению человеческой цивилизации и её культурных норм и ценностей, обосновывая объективный характер вступления человеческого общества в стадию неопределенности, непредсказуемости и хаоса.

Чтобы вырваться из тисков постмодерна и с позиций современных социальных и гуманитарных наук определить *специфику* происходящей трансформации, в том числе столь характерную ее черту как *виртуализацию,* пред-

полагается вместо абстрактно-теоретических размышлений решение нескольких задач.

Во-первых, необходимо определить феномен и генезис современной социальной реальности как таковой, проанализировать ее возникновение и изменение в ходе модернизации общества и парадоксальной трансформации в условиях социокультурного сдвига социальной реальности XX века к социальной реальности XXI века.

Во-вторых, необходимо обобщение разнообразных эмпирических тенденций, описаний процессов, наблюдаемых в разных институциональных сферах общества рубежа XX–XXI веков и представляющих виртуализацию как единый принцип-образец общественных изменений. Речь идет о соотношении или даже взаимодействии социальной и виртуальной реальности.

В-третьих, для того чтобы определить теоретический статус концепций, отражающих социальную реальность, необходимо сопоставить их с используемыми в современной социологии моделями трансформации общества.

При обзоре современных социологических теорий не наблюдается признаков «смерти» социального, сопровождаемой, вопреки мнению некоторых философов, *отмиранием социологии*. Вместо этого налицо расширение разнообразного спектра теоретической и эмпирической работы. Современная цивилизация выработала основополагающие принципы научного знания, которые в равной степени распространяются на исследования в области неорганической и органической природы, в социальной и гуманитарной сферах жизнедеятельности человеческого общества.

Важнейшими особенностями социальных наук, равно как и науки в целом, являются релятивизм и антиэссенциализм**.** *Релятивизм* утверждает, что каждый феномен вещественной среды является тем, чем он является, вследствие того, что существующие между ними отношения и факторы сделали их такими. Стоит изменить эти отношения и воздействующие факторы – возникает совершенно другая вещественная реальность**.** Например, каждое конкретное число определяет его позиция во множестве операций и отношений между числами. Число определяется именно такими отношениями, а не каким-либо его «истинным, сущностным значением».

С позиций *антиэссенциализма* – вещь (социальный факт) представляет собой не что иное, как временное равновесие сил, воздействующих на нее. Вещь не обладает органически присущими ей свойствами. Не существует «вещи в себе». Все, что реально существует, существует и познается эмпири-

чески; т.е. до тех пор, пока новые факты не докажут, что могут существовать и другие, связанные с ними отношения.

Наука выступает против миропонимания с позиций признания «сущностей», «абсолютных законов», «абсолютных идей», лежащих в основе социальной реальности или ее конкретных компонентов, утверждаемых эссенциализмом. Поиски возможностей «открыть» или «создать» общую социальную или социологическую теорию (абсолютную идею), которая бы объяснила и позволила бы привести социальную жизнь в «порядок», – это погоня за призраком.

Всё бесконечное многообразие явлений и процессов социального мира сводится к четырем основным видам взаимодействия: экономическому, социальному, политическому и духовно-нравственному. Каждый из перечисленных видов взаимодействия имеет свои специфические особенности, структуру и соответственно выработанные в процессе их познания специфические методы исследования и измерения. В совокупности все основные виды взаимодействия составляют то, что в социологии обозначается понятием социальная реальность. Понятие «социальная реальность» не тождественно понятию «общество». Социальная реальность – это важнейший компонент экосистемы, сложившаяся во всем ее бесконечном многообразии как объективизация субъективной деятельности человека.

Вне социальных действий человека нет, и не может быть никакой социальной реальности. Человек создает социальную реальность и социализирует абиот и биосферы, воздействуя на них и изменяя их. Этим и характеризуется современная эпоха в жизни планеты Земля. Человек – это продукт экосистемы в целом, так и социальной реальности конкретных структур и систем, в рамках которых протекает его жизнедеятельность. Человек – субъект и объект социальной истории, творец и продукт созданной им социальной реальности в ее бесконечном многообразии.

Социальные структуры и системы как составные элементы социальной реальности воздействуют и формируют социальное индивидуальное поведение человека не непосредственно, а преломляясь через его собственное самосознание. Самосознание человека – результат его социальной наследственности и приобретенного опыта.

Индивидуальное и коллективное социальное поведение человека реализуется в процессе удовлетворения определенных потребностей и достижения определенных целей, которые конкретизируются в форме ценностных ориентаций и социальных установок. Ценностные ориентации и социальные

установки формируются у человека под воздействием его собственного Я в разных жизненных обстоятельствах, социальных структурах и системах и носят разноплановый характер. В социальную реальность постоянно вносятся, с одной стороны, угрозы и риски; с другой стороны, хаос с его непредвиденными последствиями.

Социальная реальность функционирует не по абсолютным законам, а по законам человеческой деятельности и по законам социальной реальности, создаваемой и изменяемой человеком. В сходных условиях при наличии одинаковых структур, систем, жизненных обстоятельств действуют одни и те же законы и закономерности. У людей, находящихся в одинаковых условиях, вырабатываются общие ценностные ориентации и социальные установки.

Весь спектр различных экономических, политических, социальных видов взаимодействия не нечто, данное свыше, вечное и абсолютное, а результат человеческой деятельности. Общество может ставить перед собой разные цели, добиваться их реализации и сознательно конструировать социальную реальность как в глобальном, так и национальном масштабах**.** Социальная реальность должна порождать законы добра, а не зла, законы процветания, а не психической и физической деградации.

С позиции разума и науки, развитие человеческой цивилизацией в стадии экосистемы, создает объективную необходимость отказа от субъективизма и волюнтаризма (индивидуального или коллективного) в управлении человеческим обществом. Это и означает переход к коэволюционному мышлению.

Как невозможно построить на основе разноплановых действий и отсутствия научного обоснования архитектурное сооружение (оно обязательно разрушится), так же невозможно принимать разноплановые решения и реализовывать их на практике как на глобальном, так и национальном уровнях без *социального конструирования* путей достижения поставленной цели с учетом синергетического эффекта.

I Бесперспективность сложившейся в России: системы управления

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Идеология либеральной глобализации. Выбор стратегии перехода к рынку был сделан в конце 1991 г. в форме «шоковой терапии», представляющей собой радикальный вариант крайне либерального подхода к вопросам экономической политики, основанного на идеологии рыночного фундаментализма. Этот выбор был сделан вопреки мнению научной общественности страны, сопротивлению парламента и отторжению государственного аппарата. Необходимостью осуществления этого выбора новая российская власть мотивировала повлекшие экономическую и демографическую катастрофу в России преступления против государства и общества, включая фактическую конфискацию сбережений граждан, замороженных в Сбербанке в период гиперинфляции 1992 г., антиконституционный государственный переворот и расстрел съезда народных депутатов в 1993 г., разграбление государственного имущества под видом его приватизации узурпировавшей власть олигархией в 1994–1997 гг., подмену президентских выборов манипуляциями в 1996 г., банкротство государства в 1998 г.

Последовательно реализованная в России и большинстве бывших союзных республиках стратегия «шоковой терапии» представляет собой разновидность разработанной Международным валютным фондом для слаборазвитых стран третьего мира доктрины так называемого «вашингтонского консенсуса». Она отличается примитивизацией экономической политики и сведением ее к трем постулатам: либерализации, приватизации и стабилизации через жесткое формальное планирование денежной базы. Эта концепция

предусматривает максимальное ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и ограничение его функций контролем за динамикой показателей денежной массы, хотя последние обычно задаются «с потолка».

Смыслом политики «вашингтонского консенсуса» является демонтаж национального суверенитета стран-заемщиков в интересах международного капитала, осуществлении жесткого контроля за действиями их правительств, обеспечении соответствия проводимой ими политики потребностям иностранных «инвесторов». Содержание концепции «вашингтонского консенсуса» есть ни что иное как технология такого контроля. Этим объясняется и выбор примитивных, но удобных для внешнего контроля методик планирования экономической политики. Задавая жесткий план прироста денежной массы, приватизации госимущества, либерализации цен и внешней торговли, МВФ одновременно блокирует свободу действий во всех других вопросах экономической политики становящегося таким образом подконтрольным правительства.

Международному валютному фонду отводилась руководящая роль в формировании экономической политики государств. Фактически после расстрела Верховного Совета и осуществления государственного переворота в 1993 г. вплоть до осени 1998 г. в России действовало внешнее управление экономической политикой государства, основные параметры которой разрабатывались экспертами МВФ и затем формально утверждались правительством и Центральным банком в форме соответствующих заявлений (меморандумов) об экономической политике.

Как многократно предупреждали специалисты, основными результатами политики «вашингтонского консенсуса» в России стали: дезинтеграция и деградация экономики, резкое ухудшение благосостояния населения, снижение эффективности и конкурентоспособности производства, примитивизация, глубокое разрушение научно-производственного потенциала страны. Обладая квалифицированной рабочей силой и значительным научно-технологическим потенциалом, а также огромными природными ресурсами, в результате проводившейся экономической политики Россия стала бедным государством, оказавшись по величине ВВП на душу населения между Ливаном и Филиппинами, а по индексу развития человеческого потенциала скатившаяся в число слаборазвитых стран.

Вопреки многочисленным декларациям и обещаниям проводников политики «вашингтонского консенсуса» в России, ее осуществление не привело к экономическому подъему. И не могло привести вследствие глубокого

разрушения основных воспроизводственных контуров и хозяйственных связей, составляющих каркас экономической системы. Игнорирование структурных особенностей российской экономики в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации спровоцировало процессы дезинтеграции экономики. Попытки применения традиционных для состояния рыночного равновесия методов макроэкономической стабилизации путем ограничения денежной массы не могли дать адекватный результат. В условиях характерных для российской экономики диспропорций применение этих методов неизбежно повлекло за собой ее распад на автономно функционирующие секторы, сопровождавшийся резким снижением экономической активности, обесценением значительной части производственного и интеллектуального потенциала, ставшего убыточным в новой системе экономических оценок и отношений.

Анализ содержания концепции «шоковой терапии» и обстоятельств ее «принятия на вооружение» российским руководством однозначно свидетельствует о ее навязывании извне в чужих интересах. Вместе с тем последние совпали с интересами формировавшейся российской олигархии, рвавшейся к сверхдоходам и стремившейся закрепить свое привилегированное положение у власти обладанием богатства и международным признанием. Главной преградой на этом пути было государство как система институтов, реализующих общественные и национальные интересы. Доктрина «вашингтонского консенсуса» предоставила для его разрушения необходимые идеологические основания. Замещая полноценные институты государственной власти суррогатами коррумпированной администрации, формирующаяся олигархия приватизировала государственные функции и контроль за национальным богатством страны.

Проводившаяся политика официально преподносилась как рыночная трансформация экономики, ее либерализация и стабилизация. Хотя она привела к разорению и глубокому упадку хозяйства всей страны, погрузившейся в беспрецедентный кризис, для правящей олигархии она оказалась успешной, обеспечив ей перераспределение в свою пользу огромного национального богатства. И в то же время эта политика имела вполне респектабельное идеологическое обоснование, позволявшее искусно камуфлировать разграбление национального богатства, незаконную узурпацию власти, подавление прав человека и геноцид основной части населения страны под прогрессивную экономическую реформу и демократические преобразования.

Неизменная приверженность российского руководства доктрине «вашингтонского консенсуса» предопределяла содержание проводившейся эко-

номической политики все постсоветские годы за исключением непродолжительного периода эффективной политики стабилизации экономики после финансового краха и банкротства государства в августе 1998 г. Как только экономика вошла в режим устойчивого роста и восстановились предкризисные объемы производства, прагматичное правительство Е.Примакова было отправлено в отставку, а начатая им политика модернизации и развития экономики была свернута. Вскоре последовала отмена введенных им ограничений на валютные спекуляции, прекращен валютный контроль, началась еще более масштабная, чем прежде кампания по дерегулированию экономики, отказу государства от выполнения своих социальных обязательств и ответственности за экономическое развитие. Вернувшись к доктрине рыночного фундаментализма, Правительство не смогло распорядиться сверхприбылями, поступившими в страну в результате бурного роста цен на экспортируемые из России сырье и энергоносители, направив большую часть нефтедолларов на кредитование финансовой пирамиды долговых обязательств США. Тем самым был упущен уникальный шанс модернизации российской экономики на передовой технологической основе и не реализованы возможности опережающего развития за счет стимулирования роста нового технологического уклада.

Состояние российского производственно-технологического потенциала. Период замещения технологических укладов (ТУ) в лидирующих странах, отягощенных избыточными мощностями устаревшего ТУ, создает для отстающих стран окно возможностей для технологического рывка[1]. Происходящий сегодня процесс замещения пятого технологического уклада шестым открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста на гребне новой длинной волны экономического роста. Необходимым для этого условием является своевременное создание заделов для становления ключевого фактора и ядра нового технологического уклада, а также опережающая модернизация его несущих отраслей.

Проведенный межстрановый количественный анализ траекторий технико-экономического развития[2] показал, что техническое развитие нашей эконо-

[1] *Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992.
[2] *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

мики проходило по той же траектории, что и других стран. Относительно более низкие темпы технического развития советской экономики объяснялись ее воспроизводящейся технологической многоукладностью, затруднявшей своевременное перераспределение ресурсов в освоение новых технологий.

Как следует из полученных результатов измерений, в отличие от развитых капиталистических стран, где с середины 80-х гг. быстро расширялся V технологический уклад, темпы его роста в экономике СССР оставались умеренными, не намного превышавшими общий темп экономического развития.

После распада СССР вследствие политики шоковой терапии произошло разрушение имевшегося в стране научно-производственного потенциала. Вчетверо сократился объем производства машиностроительной продукции. Произошла деградация и самой этой ведущей отрасли современной экономики. По оценкам специалистов, доля современного технологического уклада в структуре производства российской машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 г. до 21% в 1998 г.[1], а в экономике в целом в первой половине 90-х гг. его доля снизилась с 6% до 2%[2]. Начавшийся после дефолта 1998 г. подъем практически не затронул производства современного технологического уклада. За исключением экспортно-ориентированной части ВПК и информационных технологий, они продолжали деградировать.

Доля России на мировом рынке электронной техники и ее компонентов составляет 0,1–0,3%. Такую же долю (0,2%) имеет Россия и на рынке информационных услуг, что в 25 раз меньше Китая и в 15 раз меньше Индии[3]. Вклад информационно-коммуникационных технологий в экономический рост в России втрое ниже развитых стран и уступает даже Таиланду[4].

В то же время по уровню развития одного из несущих направлений пятого технологического уклада – ракетно-космических технологий – Россия занимает одно из ведущих мест в мире. В частности, доля российских фирм

---

[1] *Борисов В.Н.* Машиностроительный комплекс в воспроизводственном процессе: методология и инструментарий анализа и прогнозирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2001.

[2] Стратегия научно-технологического прорыва. Сборник научных трудов. М., 2001.

[3] *Сухарев О.* Информационный сектор экономики: проблемы развития // «Инвестиции в России». 2006, №8.

[4] *Вальяно Д.* Информационные технологии: расходная статья или фактор роста? // «Межрегиональная группа ученых. Институт проблем новой экономики». 2006, №2–3.

на рынке космических запусков достигает трети[1]. Правда, доля доходов российских кампаний на мировом рынке космических технологий составляет всего около 2%[2].

Российская промышленность сохраняет передовые позиции в атомной авиастроительной, обороной промышленности. Достаточно динамично развивается информационно-коммуникационный сектор. Однако вес его в российской экономике составляет всего 5–7% ВНП по сравнению с 30–45% в развитых странах[3]. Несмотря на передовые позиции российских ученых в математике и относительную развитость сферы производства программных продуктов, при объеме мирового рынка программного обеспечения в 400–500 млрд долл. в год отечественное участие в нем составляет чуть больше 200 млн долл., т.е. 0,04%.

Как следует из результатов измерений и имеющихся оценок, в отраслях, относящихся к ядру пятого технологического уклада, таких, как «производство изделий микроэлектроники и электронной техники, радиотехники, оптоэлектроники, гражданского авиастроения, высокосортной стали, композитных и новых материалов, промышленного оборудования для наукоемких отраслей, точного и электронного приборостроения, приборов и устройств для систем связи и современных систем коммуникаций, компьютеров и других компонентов вычислительной техники, по сравнению с уровнем 1990 – 1991 гг. произошел значительный спад», – констатирует академик Е.А.Федосов. – Отставание от мирового уровня в этих технологиях преодолеть очень трудно, даже при условии внушительных инвестиций»[4].

В фазе зрелости доминирующего технологического уклада преодоление технологического отставания в области его ключевых технологий требует колоссальных инвестиций, в то время как приобретение импортной техники позволяет быстро удовлетворять имеющиеся потребности. Соответственно это и происходит в нашей стране, о чем свидетельствуют показатели роста парка персональных компьютеров, числа пользователей Интернет и другие

[1] Стратегия научно-технологического прорыва. Сборник научных трудов. М., 2001.

[2] *Сорокин Д.Е.* Россия перед вызовом. М., 2003.

[3] Проблемы информационной экономики. Вып. 5. Национальная инновационная система России: проблемы становления и развития. Сборник научных трудов. М., 2006; *Сухарев О.* Информационный сектор экономики: проблемы развития // «Инвестиции в России». 2006, №8.

[4] *Федосов Е.А.* Инновационный путь развития как магистральная мировая тенденция // «Вестник Российской академии наук». 2006, №9.

показатели расширения использования технологий пятого технологического уклада в его несущих отраслях с темпом около 20–50% в год[1].

Из этого следует, что расширение пятого технологического уклада в России носит догоняющий имитационный характер. Расширение несущих отраслей пятого технологического уклада происходит на импортной технологической базе, что лишает шансов на адекватное развитие ключевых технологий его ядра. Это означает втягивание российской экономики в ловушку неэквивалентного обмена с зарубежным ядром этого технологического уклада, в котором генерируется основная часть интеллектуальной ренты.

Судя по анализу распространения нового (шестого) технологического уклада в разных странах, его развитие в России также идет с отставанием. Но это отставание происходит в начальной фазе развития и может быть преодолено в фазе роста. Для этого нужно до крупномасштабной структурной перестройки мировой экономики освоить ключевые производства ядра нового технологического уклада, дальнейшее расширение которого позволит получать интеллектуальную ренту в глобальном масштабе. Российская наука имеет достаточный для этого потенциал уже полученных знаний и весьма перспективные достижения, своевременное практическое освоение которых может обеспечить лидирующее положение российских предприятий на гребне очередной длинной волны экономического роста. Российским ученым принадлежит приоритет в открытии технологий клонирования организмов, стволовых клеток, оптикоэлектронных измерений. Обзор имеющихся научных результатов позволяет сделать вывод о том, что российский научно-технический потенциал располагают необходимыми предпосылками опережающего развития нового технологического уклада[2].

Проблемой остается своевременное практическое освоение имеющихся научно-технических заделов в ключевых направлениях становления нового технологического уклада. Хотя российская наука и образование имеют достаточный для этого кадровый потенциал, недостаток финансирования приводит к утечке умов и технологических знаний за рубеж. За время реформ уехало около 5 млн специалистов – это больше, чем во время и после Граж-

---

[1] *Голиченко О.Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М., 2006.

[2] *Раткин Л.* Нанотехнологический потенциал российской экономики // «Инвестиции в России». 2006, №11.

данской войны[1]. По имеющимся данным, до половины выпускников российских вузов, специализирующихся в области входящих в число ключевых факторов нового ТУ молекулярной биологии и генетики, уезжают за рубеж. Приходится констатировать, что за исключением ядерной и авиакосмической промышленности, обладающих накопленными конкурентными преимуществами, российская промышленность не располагает производствами нового технологического уклада. Их скорейшее создание является решающим фактором будущего развития страны.

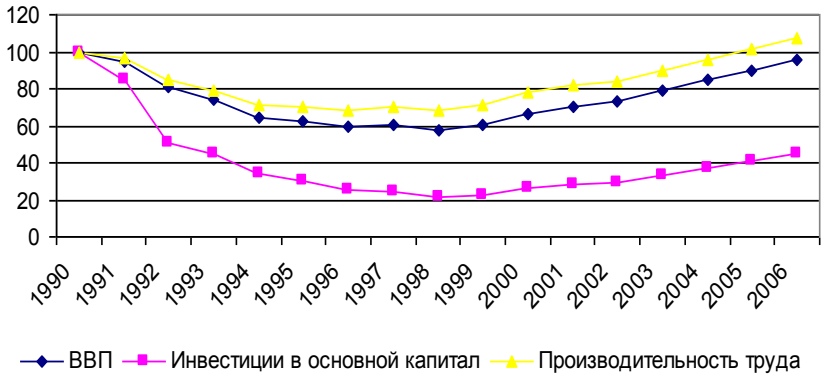
Состояние российского производственного потенциала. Несмотря на происходящее в последние годы оживление экономики, ее общее состояние определяется последствиями предшествующего продолжительного и резкого падения производства и инвестиций. К 1998 г. уровень производства в России сократился по сравнению с 1990 г. на 42%, а инвестиции в основной капитал – на 79%. Хотя с 1999 г. наблюдается рост ВВП, сегодня его объем едва дотягивает до дореформенного уровня (рис. 1) и остается меньше, чем в любой стране «восьмерки», вдвое меньше, чем в Индии и вчетверо меньше, чем в Китае.

[1] *Мясникова Л.* Смена парадигмы. Новый глобальный проект // «Мировая экономика и международные отношения». 2006, №6.

Рисунок 1

Темпы роста основных экономических показателей

В % к 1990 г.



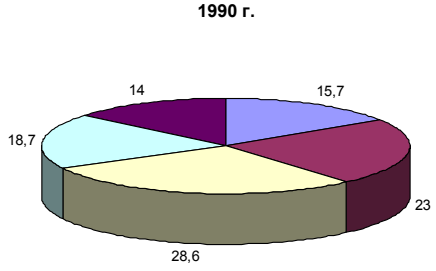
Источники: Российский статистический ежегодник-2003. Стат. сб. Росстат. М., 2003. С.30–31; Российский статистический ежегодник-2005. Стат. сб. Росстат. М., 2005. С.149, 323, 661; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2007 г. С.203.

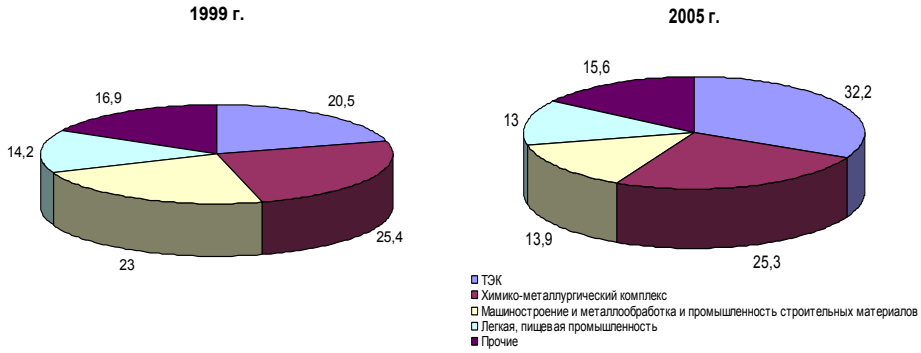
При этом существенно ухудшилась структура производства – в отличие от других успешно развивающихся стран, наращивающих производство товаров с высокой добавленной стоимостью, в России увеличение ВВП обеспечивалось главным образом экспортом энергоносителей и ростом торговли. В структуре промышленного производства резко выросла доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения (рис. 2) – характерная черта стран сырьевой периферии. Отрасли с высокой добавленной стоимостью продолжали деградировать. Наибольшие разрушения произошли в наукоемкой промышленности, инвестиционном и сельскохозяйственном машиностроении, в легкой промышленности и производстве промышленных товаров народного потребления, где уровень производства упал во много раз, а также в отраслевой науке.

Рисунок 2

Структура промышленного производства

В %





Источники: Промышленность России. Стат. сб. Росстат. М., 2000. С.97; Промышленность России-2005. Стат. сб. Росстат. М., 2006. С.128; Россия в цифрах. 2005. Крат. стат. сб. Росстат. М., 2005. С.372–373.

Падение объемов производства пока не сопровождалось столь же масштабным выбытием основных фондов. Вместе с тем вследствие четырехкратного сокращения производственных инвестиций степень их износа приблизилась к 50%[1]. При этом коэффициент обновления составил 3,4%, предопределяя нарастающее технологическое отставание российской экономики. Средний возраст оборудования превысил 20–30 лет, что вдвое больше, чем в развитых странах. Наиболее серьезный регресс охватил самые современные производства и, на фоне продолжающегося в мире НТП, выразился в отставании России на 15–20 лет по уровню развития ключевых технологий современного технологического уклада. Большинство производств ядра современного ТУ, практически свернуто, произошло практически полное их вытеснение с внутреннего рынка импортными аналогами.

На мировых рынках высокотехнологичной продукции Россия занимает менее 0,3% – это более чем на 2 порядка меньше, чем США, на порядок

[1] Российский статистический ежегодник. Федеральная служба государственной статистики, 2007.

меньше, чем Мексика, втрое меньше, чем Филиппины[1]. По оценкам экспертов, производства высокотехнологической бытовой электроники, приборостроение и станкостроение оказались в зоне «некомпенсируемого технологического отставания»[2]. Стремительное разрушение ядра современного технологического уклада означает разрушение технологической основы устойчивого экономического роста, закрепление отсталости российской экономики.

Экономический кризис в России кардинально отличается от классического механизма обновления технологической структуры экономики и носит патологический характер. Спад производства в высокотехнологичных отраслях оказался намного больше среднего по промышленности. При этом спад производства тем больше, чем выше технический уровень отрасли. Резко снизилась инновационная активность предприятий. Если в конце 80-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то к настоящему времени она снизилась до 10% (в развитых странах их доля превышает 70%)[3]. Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности упала до 1%, а уровень инновационности продукции снизился до 10%[4].

Самые серьезные разрушения произошли в научно-техническом потенциале страны, который является главным источником современного экономического роста. При этом наибольшему разрушению подверглась прикладная наука, ставшая жертвой приватизации, уничтожившей большую часть отраслевых НИИ и КБ[5].

Состояние научно-технического потенциала России. Одной из основных причин краха советской экономики стало ее нарастающее технологическое отставание от мировых лидеров, обусловленное бюрократизацией процессов централизованного планирования и загниванием ведом-

[1] Материалы к заседанию Совета по конкурентоспособности. МЭРТ. М., 2006.

[2] *Сальников В.А., Галимов Д.И.* Конкурентоспособность отраслей российской промышленности: текущее состояние и перспективы // «Проблемы прогнозирования». 2006, №2.

[3] Инновационный путь развития для новой. Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. М., 2005.

[4] *Голиченко О.Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М., 2006.

[5] *Лейрих А.А.* Масштабы и динамика показателей формирования сектора «новой» экономики // Межрегиональная группа ученых. Институт проблем новой экономики. 2006, №2–3.

ственных монополий. Ожидалось, что с переходом к рыночной экономике под влиянием процессов конкуренции будут созданы условия для полной реализации накопленного в обществе интеллектуального потенциала, по уровню развития которого СССР по праву считался второй державой планеты[1].

Вопреки ожиданиям, вследствие ошибочной стратегии реформирования российская экономика лишилась большей части своего научно-технического потенциала. Расходы на НИОКР в постоянных ценах, по разным оценкам, упали в 5–12 раз. К настоящему времени их доля в ВВП остается на недопустимо для передовых стран низком уровне 1,1% ВВП[2] (в 1990 г. – 2,03%). Если в 1990 г. по величине данного показателя Россия находилась на уровне, сопоставимом с ведущими странами ОЭСР, то в настоящее время она ближе к группе стран с низким научным потенциалом. Сегодня величина затрат в расчете на одного занятого исследованиями и разработками (с учетом профессорско-преподавательского состава вузов) в России в 8 раз меньше, чем в Южной Корее и в 12 раз меньше, чем в Германии[3].

В последние годы происходит определенное изменение отношения государства к науке. Однако, «хотя с 1999 г. по 2002 г. расходы на науку возросли на 48,6%, этот рост, по сравнению с многократным спадом в период 1992–1998 гг., еще далек от восстановительного. В настоящее время объем расходов на НИОКР в России в 3–5 раз ниже уровня 1990–1991 гг. Не соблюдается даже рекомендация Международного академического совета (InterAcademy Council) для развивающихся стран относительно необходимости повышения финансирования НИОКР до 1,5% ВВП»[4].

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за период 1990–2007 гг. снизилась более чем вдвое (с 1943,4 тыс. человек до 801 тыс. человек). При этом наибольшему сокращению подверглись непосредственные участники научного процесса – исследователи (на 59,6% за 1990–2004 гг.) и техники (на 70,2%)[5]. Наблюдается резкое падение престижа профессии ученого. По данным социологических

[1] Наука на пороге рынкаа. М., 1992.
[2] Наука России в цифрах. М., 2008.
[3] Научный потенциал России за 1995–2005 годы. Аналит.-стат. сб. М., 2007.
[4] Теория и практика экономики и социологии знания. Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М., 2007. С.151.
[5] Научный потенциал России за 1995–2005 годы. Аналит.-стат. сб. М., 2007.

опросов, профессия ученого является престижной в оценках только 9% жителей страны. В то же время в США в 2002 г. профессия ученого была самой престижной. Вследствие утечки умов из российских научных организаций в другие страны и другие виды деятельности произошло вымывание наиболее продуктивных возрастных когорт: «средний возраст ученого в России составляет 48 лет, кандидата наук – 52 года, а доктора наук – 60 лет. Такая возрастная структура создает угрозу для преемственности знаний в российской науке и в конечном счете ведет к замедлению перехода к новой экономике»[1].

По экспертным оценкам, с 1989 по 2002 гг. Россию покинуло более 20 тыс. ученых и около 30 тыс. работают за границей по временным контрактам. Хотя это составляет около 5–6% кадровой численности научного потенциала страны, уехавшие являются, как правило, наиболее конкурентоспособными учеными, находящимися в самом продуктивном возрасте. Главной причиной для подавляющего большинства (90%) уехавших жить и работать за границу является низкая оплата труда ученых на родине. Хотя к настоящему времени она возросла, но остается недостаточной для обеспечения притока молодежи в масштабах, необходимых для восполнения образовавшегося разрыва поколений.

В развитых странах корпоративными промышленными структурами выполняются 2/3 НИОКР, в то время, как в России всего 6%[2]. «Удельный вес инновационно активных предприятий в России в последние три года находится на уровне 9%[3], что значительно ниже, чем не только в странах ОЭСР (там этот показатель составляет около 60%), но и в странах Восточной Европы (Румыния – 28%, Словения – 32%, Польша – 38%[4]).

Обследования показывают, что на большинстве промышленных предприятий отсутствуют какие-либо систематизированные и упорядоченные мар-

---

[1] Теория и практика экономики и социологии знания. Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М., 2007. С.141.

[2] *Лейрих А.А.* Масштабы и динамика показателей формирования сектора «новой» экономики // Межрегиональная группа ученых. Институт проблем новой экономики. 2006, №2–3.

[3] Наука России в цифрах-2003. Статистический сборник. М., 2003.

[4] *Radosevic S.* Patterns of Innovative Activities in Countries of Central and Easten Europe: an Analysis based on Comparison of Innovation Surveys // Comparative Economic Research. Central and Easten Europe. Lodz., 1999. Vol. 2. No.2. P.126.

кетинговые процедуры по выбору и постановке на производство новой продукции, поэтому 85–90% вновь осваиваемых продуктов не имеют желаемого объема сбыта. На 85% российских предприятий инвестиционные процессы не являются рационально управляемыми и осуществляются либо по очевидной необходимости, либо случайно[1]. Пока корпорации предпочитают финансировать прикладные краткосрочные проекты, которые могут окупиться за 2–3 года. А в среднем 65% российских организаций расходуют на исследования и разработки менее 1% своего оборота[2]. При этом в структуре затрат на технологические инновации в промышленности доминируют маркетинговые исследования и производственное проектирование (50%), в то время как затраты на НИОКР составляют лишь 10% (в развитых странах соотношение обратное)[3] – освоение новой техники приобретает явно имитационный характер. В то же время мировая практика свидетельствует о том, что расходы крупных корпораций на НИОКР достаточно высоки и составляют 3–20% их бюджетов при среднем показателе 8–10%[4].

Приведенные данные **характеризуют неспособность сложившейся в России хозяйственной среды к использованию изобретений и новых технологий.** Само же их генерирование со стороны научно-технического потенциала продолжается: «по показателю изобретательской активности, измеряемому как число отечественных патентных заявок (в том числе и поданных за рубежом) в расчете на 10000 населения, Россия остается на среднем уровне (2,62), опережая страны Центральной и Восточной Европы – Чехию, Польшу, Венгрию (0,6–0,7), но, отставая от государств-лидеров, где соответствующие значения достигают 4,5–5,5. Доля России в общем количестве патентных заявок, подаваемых за год иностранными заявителями в государствах ОЭСР, не превышает 0,5%, однако в динамике число российских патентных заявок, поданных за рубежом, растет»[5].

---

[1] *Кудинов А.* Реформирование промышленных предприятий. Результаты и перспективы. BKG. 29.12.2003.

[2] *Дежина И.Г., Салтыков Б.Г.* Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок. М., 2004.

[3] *Карачаровский В.* Конкуренция капитала и новая экономика // «Экономист». 2006, №12.

[4] Innovation, Patents and Technological Strategies. Paris: OECD, 1996.

[5] *Дежина И.Г., Салтыков Б.Г.* Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок. М., 2004. С.6.

Дезинтеграция российской экономики. С середины 90-х гг. сложился и воспроизводится сырьевой перекос российской экономики – на долю ресурсных отраслей (нефтегазовой, металлургической, лесохимической промышленности) приходится около 5% занятых, 10% фонда заработной платы, трети добавленной стоимости и свыше половины экспорта отраслей российской экономики[1]. Последняя, становится все более примитивной, беря на себя функции сырьевого придатка Евросоюза и Китая и лишаясь механизмов самостоятельного воспроизводства.

Примитивизация экономики стала следствием процессов перераспределения национального богатства через приватизацию, финансовые пирамиды, экспорт природных ресурсов. Интенсивность этого перераспределения была чрезвычайно высокой, ежегодно составляя до половины всего фонда накопления страны, присваивавшегося олигархическими кланами и вывозимого из страны. В свою очередь, взвинчивание цен на топливные и сырьевые товары повлекло вымывание капитала из обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и строительства. Эти отрасли лишились оборотного капитала, «ушедшего» через «ножницы цен» и завышенные процентные ставки по привлекаемым кредитам. В результате только предприятия сырьевого экспортно-ориентированного сектора имели доступ к ресурсам финансового рынка. При этом сверхприбыли от экспорта энергоносителей и сырьевых товаров не трансформировались в прирост инвестиций и оставались, в основном, за рубежом.

Дезинтеграция экономики усилилась в процессе воспроизводства сложившихся контуров перераспределения добавленной стоимости между секторами. По имеющимся оценкам[2], через «ножницы цен» и заниженный курс национальной валюты внутренне ориентированный сектор передавал экспортно-ориентированному сектору и торговле большую часть создаваемой им добавленной стоимости. В свою очередь, денежные власти изымали из экспортно-ориентированного сектора около 7% ВВП в Стабилизационный фонд, размещая его за рубежом. Более чем пятикратное превышение нормы прибыли в экспортно-ориентированном секторе по сравнению с внутренне

[1] *Михеева Н.Н.* Ресурсный сектор Российской экономики: масштабы и межотраслевые взаимодействия // «Проблемы прогнозирования». 2006, №2.

[2] *Белоусов А.Р.* Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 г. М., 2005.

ориентированным постоянно воспроизводит и усиливает их разрыв, отражаясь в более чем двукратном различии интенсивности обновления основных фондов, возможностях привлечения трудовых ресурсов и инвестиций.

Вместе с резким сокращением производства наукоемкой продукции эти тенденции обрекают российскую экономику на неэквивалентный внешнеэкономический обмен и нарастающее технологическое отставание. Экспортируя сырье и импортируя готовые изделия, Россия теряет невоспроизводимую природную ренту, обменивая ее на интеллектуальную ренту и финансируя, таким образом, научно-технический прогресс и экономический рост за рубежом.

Хаотическая ломка структуры российской экономики в ходе радикальных реформ привела к ее дезинтеграции и распаду некогда целостных технологических цепочек на автономные элементы, частично встроившиеся во внешние воспроизводственные контуры. Игнорирование структурных особенностей российской экономики и линия на самоустранение государства от ответственности за ее регулирование спровоцировало разрушение технологически сложных видов хозяйственной деятельности и нарастания хаоса.

Преодоление тенденций деградации научно-производственного потенциала требует резкого наращивания инвестиционной и инновационной активности. Согласно оценкам Л.И.Абалкина, «для реальной модернизации экономики отечественные инвестиции в течение ближайших 15 лет должны расти примерно на 18% к предыдущему году. Такова первая и решающая предпосылка создания благоприятного инвестиционного климата»[1]. По нашим оценкам, для выхода в режим расширенного воспроизводства основного капитала объем производственных инвестиций должен быть увеличен вдвое, а НИОКР – втрое. Сделать это надо в ближайшие два-три года вследствие запредельного износа устаревших производственных фондов.

Имеющиеся механизмы инвестиционной деятельности не способны решить эту задачу. Ни фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулированию сбережений и их трансформации в инвестиции. Главными инвесторами являются сами производственные предприятия, на долю которых приходится более 60% всего объема инвестиций в промышленности. При этом в отсутствие реальных механизмов рефи-

[1] *Абалкин Л.* Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // «Вопросы экономики». 2006, №12.

нансирования Центральным банком трудно рассчитывать на то, что банковская система сможет обеспечить необходимый уровень инвестиционной активности. Ограниченность финансовых возможностей обновления производства сохраняется, занимая первое место среди факторов, которые мешают развитию 4/5 общего числа предприятий[1]. При этом совокупный вклад банков в финансирование инвестиций в основной капитал не превышает 10%. Еще меньше инвестиционный вклад фондового рынка, который в России обслуживает главным образом финансовых спекулянтов.

Вместе с тем финансовые возможности предприятий, несущих основную нагрузку поддержания инвестиционной активности в экономике, весьма ограничены. Объем амортизационных отчислений, являющихся главным источником финансирования инвестиций, составляет 2,2% к объему основных фондов (в 1990 г. – 14%) при необходимости их обновления наполовину. Как отмечается А.Сысоев[2], «ежегодный износ фондов в промышленности составляет 5–7%, а их восстановление – 1–1,5%. Фактически имеется постоянный дисбаланс «износ-восстановление» в пропорции примерно 3:1, что делает неизбежным полную изношенность всех основных фондов. Так, износ энергетического оборудования большинства крупнейших тепловых электростанций превышает 60 %.

Невелики и возможности финансирования инвестиций за счет прибыли. За исключением экспортно-ориентированных отраслей топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов, в которых объем прибыли остается высоким благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, рентабельность во внутренне ориентированных отраслях промышленности в среднем составляет около 6–8%, не позволяя финансировать расширенное воспроизводство основного капитала.

Треть предприятий обрабатывающей промышленности, строительства, сельского хозяйства являются хронически убыточными[3]. Как констати-

---

[1] *Иовчук С.М.* Инновационные факторы повышения международной конкурентоспособности российской промышленной продукции. // Сборник ИМЭПИ РАН. М., 2004.

[2] *Сысоев А.В.* Амортизационная политика как фактор инвестиционного развития экономики // «Проблемы прогнозирования». 2006, №1.

[3] *Рогов С.М.* Функции современного государства: вызовы для России. Научный доклад. М., 2005; Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации за 2006. М., 2007; Российский статистический ежегодник. Федеральная служба государственной статистики, 2007.

рует Г.Господарчук, «анализ рентабельности активов нефинансовых корпораций показывает, что предлагаемые на макроуровне финансового рынка условия кредитования доступны только организациям, занимающимся добычей полезных ископаемых, производством кокса и нефтепродуктов, химическим и металлургическим производством, а также организациям связи»[1].

Анализ конкурентоспособности отраслей российской экономики свидетельствует о неопределенности дальнейшего развития даже передовых по техническому ровню производств оборонного, авиакосмического и электротехнического машиностроения[2]. Вырваться из сырьевой ловушки с каждым годом становится все сложнее вследствие нарастающей глобальной конкуренции, в которой Россия явно проигрывает. Необратимо упущены возможности встраивания в ядро пятого технологического уклада, имевшиеся предпосылки которого не были использованы. Перспективы своевременного формирования ключевых направлений развития шестого технологического уклада сужаются по мере его структурирования в масштабах мировой экономики и соответствующей страновой специализации.

Недофинансирование развития – главный барьер подъема российской экономики. В условиях постоянного превышения ставки рефинансирования над уровнем рентабельности обрабатывающей промышленности для того чтобы реализовать имеющийся научно-технический и производственный потенциал должны заработать специализированные кредитные институты, обеспечивающие целевое финансирование перспективных и социально значимых сфер экономики под приемлемые для них процентные ставки: банки развития, инвестиционные, инновационные, венчурные и научно-технические фонды. Наряду с ними необходима развитая инфраструктура поддержки инновационной активности: научно-технологические центры, технопарки, специализированные госкорпорации. Хотя в последние годы создан ряд таких инсттутов, большая их часть до сих пор пребывает в летаргическом состоянии, разместив полученные от государства деньги на депозитах. Их малочисленность и маломощность, на порядок уступающая стандартам передовых стран, усиливается низким качеством ме-

[1] *Господарчук Г.Г.* Деньги для российской экономики // «Деньги и кредит». 2006, №12.
[2] *Сальников В.А., Галимов Д.И.* Конкурентоспособность отраслей российской промышленности: текущее состояние и перспективы // «Проблемы прогнозирования». 2006, №2.

неджмента. Многие из недавно созданных инновационных институтов скорее имитируют, чем ведут реальную работу по продвижению нововведений. Едва ли десятая их часть соответствует международным стандартам[1].

Парадоксы проводившейся в предкризисный период в России денежной политики войдут, наверное, в экономическую историю как самые нелепые курьезы. Как, к примеру, объяснить здравомыслящему человеку сложившуюся в российской экономике ситуацию, при которой чем больше валютные поступления от экспорта нефти, тем меньше кредитных ресурсов остается в распоряжении российских предприятий. Чем больше приток иностранных инвестиций, тем меньше возможности внутренних накоплений. Чем больше профицит бюджета, тем выше государственный внутренний долг.

Попробуем разобраться в этих парадоксах. Проводившаяся российскими денежными властями политика исходила из известного тождества монетарной теории, согласно которому произведение количества денег на скорость их обращения эквивалентно произведению объема обращающихся на рынке товаров на их цены. Эта простенькая формула является символом веры для исповедующих монетаризм вульгарных либералов. Вульгарных в том смысле, что они предельно упрощают экономическую реальность, исходя из предпосылок свободной конкуренции, абсолютной рациональности хозяйствующих субъектов, их полной информированности об имеющихся технологических возможностях и других, не существующих в действительности, но удобных для теоретизирования абстракций.

Ошибочность постулата о некотором предельном с точки зрения инфляционной безопасности уровне монетизации российской экономики опровергается как многочисленными исследованиями, доказавшими отсутствие статистически значимой зависимости между инфляцией и уровнем монетизации экономики[1], так и курьезными последствиями необоснованной политики количественного ограничения прироста денежной массы. В той мере, в которой правительство изымало деньги налогоплательщиков из российской экономики и вывозило их за рубеж, они направлялись туда же, чтобы занять недостающие им денежные средства. Величина этого кругооборота составляла более 50 млрд долл. в год. При этом правительство ссужало деньги россий-

---

[1] *Дежина И.Г., Салтыков Б.Г.* Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок. М., 2004.

[1] Обучение рынку. М., 2004.

ских налогоплательщиков зарубежным заемщикам под 2–3%, а они вынуждены были там же занимать изъятые у них денежные ресурсы под 8–15% годовых. Чистый ущерб от такой политики составляет около 5 млрд долл. в год.

Бесполезными оказываются и иностранные инвестиции. Ведь согласно этой логике, чем больше капитала вложат в приобретение акций российских предприятий иностранные инвесторы, тем больше будет прирост валютных резервов и денежная эмиссия под их увеличение, и тем больше денег будет стерилизовано денежными властями.

При такой политике в России не могла сложиться полноценная банковская система. Поскольку Центральный банк жестко ограничивает денежное предложение и не занимается созданием должной системы рефинансирования коммерческих банков, рост последних жестко ограничен общим пределом роста денежной массы, устанавливаемым денежными властями. Фактически денежные власти выдавливали отечественные банки из финансового пространства страны, чтобы освободить место для их иностранных конкурентов. В результате коммерческие банки не могли удовлетворить растущий спрос на кредиты. Их наиболее благополучные клиенты, достигая уровня международной конкурентоспособности, переходят на кредитование за рубежом. И без того небольшой объем операций отечественного банковского сектора сужался.

Причины всех этих парадоксальных глупостей заключены в самой технологии планирования денежного предложения, навязанной МВФ и остающейся без изменения с 1992 г., несмотря на чудовищный ущерб от ее применения. Суть этой технологии сводится к ежегодному планированию прироста денежной массы исходя из целевых установок по ограничению инфляции, экзогенно задаваемого прироста ВВП и предположений о неизменности скорости обращения денег. При этом никаких сколько-нибудь обоснованных моделей, позволяющих рассчитать зависимость между приростом денежной массы и уровнем инфляции, ни у Центрального банка, ни у правительства нет. Используемые же аналитиками денежных властей линейные регрессионные зависимости между темпом роста денежной массы и инфляцией отягощены высокой автокорреляцией и не имеют содержательного смысла. Сведение всех факторов, генерирующих инфляцию, к приросту денежной массы – грубей-

шее и ошибочное упрощение[1], приводящее к хронической недомонетизации российской экономики, следствием которой становится искусственное снижение инвестиционных возможностей и сдерживание экономического роста.

В структуре источников финансирования капиталовложений российских предприятий доля банковских кредитов остается по сравнению с развитыми странами незначительной – 8–10%. Для сравнения, в США этот показатель составляет 40%, в ЕС – в среднем 42–45%, в Японии – 65%. По оценкам, 93% российских банков не могут выдать ни одного кредита объемом более 10 млн долл. Неразвитость системы кредитования предпринимательской деятельности и практически полное отсутствие механизмов долгосрочного кредитования производственной сферы – прямое следствие ограничительной политики финансовых властей, не выполняющих свою главную функцию в рыночной экономике – организацию кредита.

Все докризисные годы Банк России выполнял свою главную функцию организации денежного предложения с точностью до наоборот – вместо создания денег занимался их изъятием из экономики. По сути, Центробанк свел свою миссию к поддержанию курса доллара, скупая его на внутреннем рынке и перекачивая затем приобретенную валюту в кредитование дефицита бюджета США. Правительство дополняло эту политику перекачиванием туда же около четверти налоговых доходов.

Между тем смысл самого существования Центробанка заключается в осуществлении монополии государства на организацию денежного обращения и денежной эмиссии в целях обеспечения благоприятных условий для экономического развития. В числе этих условий, помимо стабильной валюты, входит наличие доступного кредита, механизмов аккумулирования сбережений и их трансформации в долгосрочные инвестиции, технологий устойчивого рефинансирования расширенного воспроизводства, а также обеспечение своевременного создания и освоения новых знаний и технологий.

В результате проводившейся полтора десятилетия монетаристской денежно-кредитной политики мы лишились значительной части производственного и инвестиционного потенциала, вывоз капитала превысил полтриллиона долларов, произошла деградация экономической структуры страны с закреплением доминирующего положения сырьевых и монополизиро-

[1] *Глазьев С.Ю.* О практичности количественной теории денег, или сколько стоит догматизм денежных властей. // «Вопросы экономики». 2008, №7.

ванных отраслей. Мы могли бы иметь сегодня вдвое больший объем ВВП и втрое больший объем инвестиций, гораздо более прогрессивную структуру экономики, если бы политика Центрального банка соответствовала ее главной цели – использованию монополии государства на денежное предложение для кредитования экономического роста.

Основной причиной низкой инновационной активности российских организаций был и до сих пор остается острый недостаток источников финансирования. После резкого слома системы централизованного планирования, обеспечивавшей необходимые для развития экономики НИОКР, рыночные институты их финансирования до сих пор не сложились.

При этом государство самоустранилось от компенсации отсутствующих рыночных институтов, оказавшись неспособным к проведению активной политики поддержки инновационной активности.

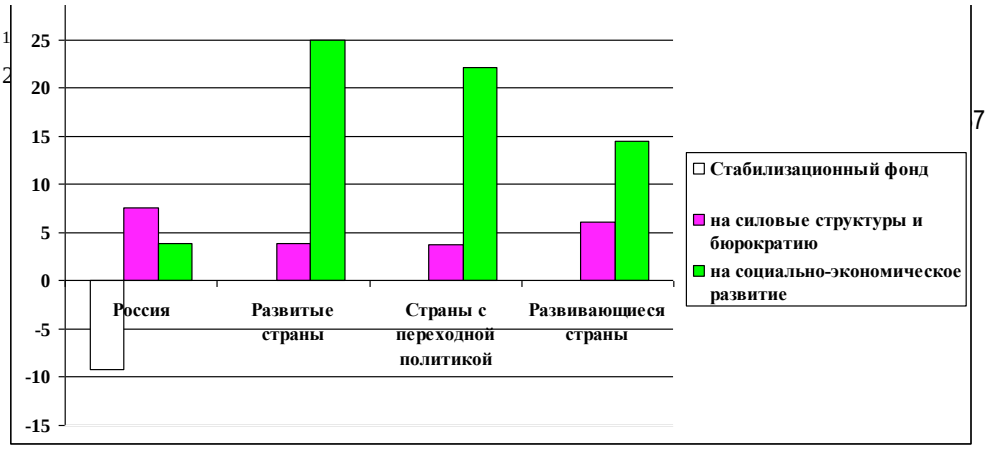
Согласно введенному С.М.Роговым[1], разделению функций государства на традиционные (оборона, правопорядок и госуправление) и современные (развитие интеллектуально-человеческого потенциала – расходы на образование, здравоохранение, науку и экономическое развитие), можно видеть, что сегодня в мире через государственные бюджеты тратится, в среднем, на современные функции 17,8% ВВП, а на традиционные – 5,3%. Соотношение между этими статьями расходов – 3,4:1. В развитых странах эти показатели составляют 25,0% и 3,9% (соотношение – 6,4:1), в странах с переходной экономикой – 22,1 % и 3,8% (соотношение – 5,8:1).

В противовес мировой закономерности, в России бо́льшая часть государственных расходов шла до финансового кризиса на выполнение традиционных функций. Расходы на эти цели из федерального бюджета превышали 7% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. При этом наше государство тратило на современные функции в три раза меньше (4,7% ВВП). То есть у нас соотношение расходов на традиционные и современные функции составляло 2:1, подобно государству образца XIX века (рис. 3).

Рисунок 3

Расходы центральных органов управления

В % от ВВП, докризисный период



Источник: Институт США и Канады РАН.

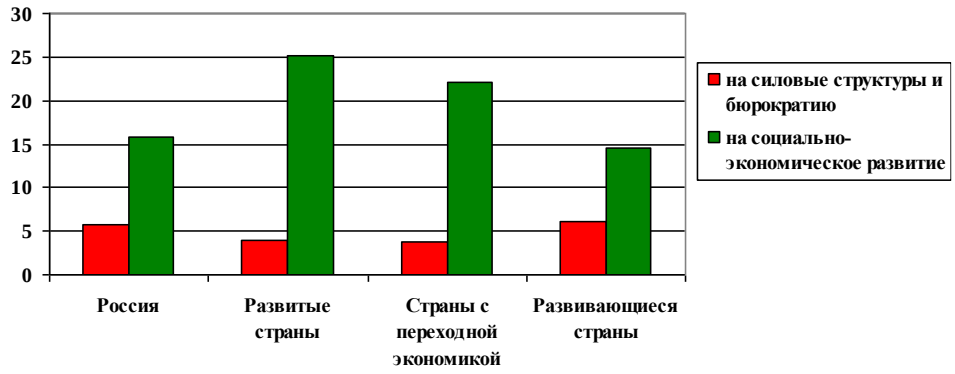
Уровень расходов государства на социально-экономическое развитие в России все «тучные» годы притока нефтедолларов был одним из самых низких в мире, он не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала. Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, российскому государству их следовало увеличить примерно на 5% ВВП. Эта величина соответствовала профициту в федеральном бюджете в годы благополучной внешнеэкономической конъюнктуры. Это означало бы удвоение расходов на образование и здравоохранение, и утроения расходов на науку и стимулирование НТП.

Сегодня кризис заставил отказаться от догм бездефицитного бюджета и количественных ограничений денежного предложения. После резкого сокращения бюджетных доходов в период кризиса российское правительство не только попыталось сохранить ранее запланированные расходы на социально-экономическое развитие, но и увеличило их в рамках антикризисных мер. Вслед за развитыми странами Россия перешла на дефицитное финансирование государственных расходов. Структура расходов федерального бюджета приблизилась к общемировым стандартам, выйдя на средний уровень развивающихся стран (рис. 4).

Рисунок 4

Расходы центральных органов управления

В % от ВВП, 2009 г.



Источник: Институт США и Канады РАН, ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» №204-ФЗ.

Эти изменения произошли как следствие сокращения доходов при сохранении и даже увеличении социальных расходов и появлении расходов на поддержание обанкротившихся крупных корпораций. Они не стали следствием перехода к активной политике развития. Напротив, в отличие от передовых стран, увеличивающих в рамках антикризисных мер ассигнования на научные исследования и поддержку инновационной активности, в России эти расходы сокращаются.

Неэффективность системой управления экономикой. В отличие от либеральной доктрины, не требующей от управленцев ничего, кроме красивых фраз и навязчивого «пиара», политика развития невозможна без научно обоснованных решений, квалифицированного менеджмента, ответственной и творчески активной бюрократии. Следует признать, что **неэффективность сформировавшейся в России системы управления хозяйством и коррумпированность бюрократии несовместимы с требованиями инновационной экономики.** Произошедшая в последние годы массовая замена директоров предприятий как в частном, так и в государственном секторах не

способствовала повышению качества менеджмента – новые руководители уступают прежним как в понимании производственных технологий, так и в умении организовать производство высокотехнологической продукции. Назначаемые в силу личных связей, многие топ-менеджеры российских предприятий не несут ответственности за результаты своей деятельности.

Особой проблемой является сверхбюрократизация системы госрегулирования. К примеру, сбор налогов на одного занятого в налоговой службе, скорость обработки таможенных деклараций, объем ВВП на одного госслужащего в России на порядок ниже, чем в США или в ЕС. Переходу на инновационный путь развития препятствуют административные барьеры на пути распространении новых технологий, основанные на непрофессиональном применении и произвольном толковании норм технического и налогового регулирования, экспортного и таможенного контроля.

Типичным примером может служить многолетнее игнорирование со стороны Росздравнадзора заявки российских ученых на проведение клинических испытаний использования собственных стволовых клеток организма из жировой ткани в регенеративной медицине. В результате некомпетентности чиновников Россия лишается возможности опережающего развития одного из наиболее перспективных направлений развития медицины.

Коренной порок выстроенной в России системы управления, несовместимый с культурой инновационного управления – кланово-корпоративный принцип кадровой политики на всех уровнях властной иерархии. Назначенные по принципу личной преданности и защищенные круговой порукой чиновники ориентируются на соблюдение субординации, сохранение статус-кво и минимизацию карьерных рисков. Они не склонны брать на себя ответственность за принятие решений, не мотивированы на решение сложных задач восстановления и развития экономики. А задачи эти весьма масштабны, требуют высокой квалификации, обширных знаний и недюжинных организационных способностей. Опыт последних лет заставляет усомниться в способности нынешней правящей элиты не только к их решению, но и к правильной постановке.

Характерным примером является провал попыток восстановления отечественного гражданского авиастроения, которое является важной составной частью нового технологического уклада. Для этого в наследство от советского авиапрома России досталось все необходимое: современный производственно-технологический комплекс, передовая научно-технологическая база, отработанная система подготовки специалистов, обширный регулируемый государством спрос и уже готовые вполне конкурентоспособные новые модели

самолетов всех типов. За полтора последних десятилетия так и не удалось решить задачу элементарного освоения этого научно-производственного потенциала. Наши современные модели остаются невостребованными, а управляемый государством «Аэрофлот» перешел на лизинг импортных самолетов, грубо нарушая постановления самого же правительства по приобретению отечественных машин. При этом дискредитировавшие себя руководители продолжают управлять отраслью и получать астрономические зарплаты, не неся никакой ответственности за срыв государственных заданий.

Провал гражданского авиастроения является, к сожалению, типичным для сложившейся в России практики управления хозяйством, как в государственном, так и в частном секторах. Аналогичная ситуация в станкостроении, судостроении, автомобилестроении, атомной, электротехнической и других отраслях высокотехнологической промышленности. Неэффективное управление в газовой, нефтяной, металлургической и других сырьевых отраслях экономики до кризиса камуфлировались сверхблагоприятной ценовой конъюнктурой. Некомпетентные «топ-менеджеры», назначенные на руководящие посты по принципу личной преданности, не несут ответственности за провалы в работе. Поэтому, в лучшем случае, они предпочитают ничего не делать, в худшем – используют служебное положение в корыстных целях. Достаточно вспомнить вопиющие примеры катастрофических последствий некомпетентных управленческих решений: банкротство государственной финансовой системы в 1998 г., аферу с сооружением высокоскоростной железной дороги Москва–Петербург, от которой остался только котлован в Питере, реформу РАО ЕЭС, после которой цены на электроэнергию и тепло выросли пятикратно и пошла череда техногенных катастроф, а экономика стала захлебываться из-за дефицита электроэнергетических мощностей. Ответственные за эти провалы «топ-менеджеры» не только не были наказаны за нанесенный государству и стране ущерб, но получили новые высокие должности. **При таком стиле управления страна обречена на деградацию.**

Основным барьером, препятствующим каким-либо совершенствованиям сложившейся системы управления, является ее неспособность к объективной оценке последствий принимаемых решений и, соответственно, исправлению ошибок. Количество и последствия последних создают угрозы экономической безопасности страны, очевидные специалистам, кроме самих руководителей, принимающих решения. Характерным примером ошибочного решения с крупномасштабными негативными последствиями является отмена валютного контроля спустя два года после банкротства государства в 1998 г.,

повлекшая легализацию вывоза за рубеж сотен миллиардов долларов, в то время как нуждающиеся в кредитах на модернизацию российские предприятия остались без доступа к кредиту или были вынуждены прибегать к заимствованиям за рубежом. Вследствие этого решения Россия оказалась чрезвычайно уязвимой по отношению к спекулятивным атакам иностранного капитала и пострадала больше других в ходе глобального финансового кризиса.

За полтора десятилетия вследствие разрушения экономики и деморализации населения наши совокупные человеческие и материальные потери превзошли ущерб, понесенный страной в ходе Великой Отечественной войны. Деградация российской экономики и разрушение духовной матрицы российской цивилизации зашли слишком далеко. Для успешного развития России в условиях структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада необходима иная система управления страной.

Нужная для мобилизации сил консолидация общества требует изменения отношений государственной власти с обществом. Граждан страны нужно допустить к участию в управлении, дать им возможность контроля за власть предержащими. Для этого необходимо не только восстановление реальных избирательных прав, но и введение механизма обратной связи, позволяющей гражданам добиваться отставки любого недобросовестного чиновника. Необходимо разорвать административно-коррупционное сращивание бюрократии и бизнеса, призвав его к открытому и ответственному сотрудничеству в целеполагании и реализации государственной политики. Следует кардинально увеличить участие авторитетных ученых в принятии стратегических решений. Услужливых прикормленных зарубежными фондами правительственных аналитиков следует заменить признанными учеными и специалистами, придав Российской академии наук функцию основного института научной экспертизы и поддержки принимаемых решений в системе государственного управления.

Перспективы роста. По природно-ресурсным, военно-политическим, производственно-технологическим и иным материальным параметрам вес России в мировой экономике выглядит намного больше, чем по финансовым. Поэтому объективно она менее уязвима по отношению к финансовому кризису, чем страны с развитым финансовым рынком.

Имеющиеся заделы в атомной, ракетно-космической, авиационной и других наукоемких отраслях промышленности, в молекулярной биологии и генной инженерии, нано- и био- и информационных технологиях дают России конкурентные преимущества для опережающего развития нового техно-

логического уклада и неплохие шансы на лидерство в ряде направлений формирования новой длинной волны экономического роста. Но для реализации этих шансов необходимо быстрое многократное наращивание инвестиций в соответствующих направлениях.

В рамках прежней либеральной и монетаристской макроэкономической политики реальная антикризисная стратегия выработана быть не может. Задачи преодоления кризиса невозможно, как показывает мировая практика, решить только через свободный рынок капиталов, тем более столь маргинальный. Как указывает Я.М.Миркин[1], российские рынки капиталов не обладают достаточной емкостью, спекулятивны, зависят от финансирования нерезидентов, крайне волатильны и недоступны для большинства производственных предприятий. Внутренний рынок, находящийся под давлением внешней конкуренции, не способен без целенаправленной государственной политики развития решить проблемы модернизации экономики и подъема ее высокотехнологических отраслей. Коммерческие банки не могут самостоятельно нарастить свой капитал до уровня, адекватного потребностям реального сектора. Поэтому объективно возникает необходимость в государственных программах финансовой поддержки приоритетных отраслей, регионов, малого предпринимательства, в государственном стимулировании спроса на товары внутреннего производства[2]. Необходимо также создание системы рефинансирования коммерческих банков под кредитные обязательства производственных предприятий.

Для выхода на траекторию опережающего инновационного развития государство должно создать условия, при которых:

– каждое предприятие, обладающее возможностями освоения новых технологий в перспективных направлениях экономического роста, могло бы получить доступ к долгосрочному кредиту;

– любой научно-исследовательский коллектив, создающий новые технологии, мог бы получить финансирование на проекты их практической реализации;

– ученые, работающие в ключевых направлениях становления нового технологического уклада, и вузы, готовящие специалистов соответствующего

[1] *Миркин Я.М.* Посткризисная стратегия развития финансового сектора России. http://www.econorus.org.

[2] Там же.

профиля, получали бы достаточное финансирование для полной реализации своего творческого и образовательного потенциала;

– каждая фирма, осваивающая новые технологии, могла бы получить доступ к кредитам на проведение необходимых НИОКР и к регулируемым государством рынкам сбыта своей продукции;

– потребители были бы заинтересованы в приобретении новой высокотехнологической продукции отечественного производства;

– субъекты хозяйствования имели бы удобный доступ к научно-технической информации и могли видеть перспективы развития своей сферы деятельности и своевременно осваивать передовые технологии.

При правильной политике Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись:

1) опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста;

2) многократного повышения мощности отечественной банковско-инвестиционной системы;

3) экономической стабилизации и создания зоны устойчивого развития в регионе ЕВрАзЭС и, при наличии политических условий, в СНГ.

При всех сценариях глобального кризиса возможности развития российской экономики будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической политики. Для разработки эффективной антикризисной стратегии, ориентированной на решение этих трех задач и вывод российской экономики на траекторию опережающего роста, необходимо понимать возможности и ограничения, а также закономерности развития российского производственно-технологического потенциала.

ЭКСПОРТНО-СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА: ИСЧЕРПАНИЕ РАЗВИТИЯ

Радикальное изменение старой экономической системы в начале 1990-х гг. привело (совместно с другими факторами) к самой глубокой рецессии в истории мировой экономики. Переход России от плановой системы к рыночной сопровождался не только изменением основных принципов хозяйственной деятельности, но и кардинальной перестройкой структуры экономики. В первую очередь это проявилось в быстром росте доли частных предприятий и в изменении соотношений между отдельными отраслями. Доминировавшие в советское время военная и тяжелая промышленность, как и вся обрабатывающая индустрия, оказались в глубочайшем кризисе, в то время как их место в экономике заняли бурно развивающаяся торговля и другие отрасли сферы услуг.

Неподготовленность большинства предприятий к ведению бизнеса в новых условиях, неспособность руководства адаптироваться к методам рыночной экономики, проблемы с кредитованием, напряженная криминальная и политическая ситуация в стране привели к банкротству или остановке значительного числа предприятий. Так, доля промышленного производства в ВВП снизилась с 48,4% (1990) до 36,9% (1995) и, несмотря на кратковременные периоды незначительного роста доли промышленности в валовом выпуске после кризиса 1998 г., тенденция к его сокращению сохранялась вплоть до 2004 г. (когда доля промышленности в ВВП опустилась до 35,2%)[1].

Особенно тяжелым для советской/российской экономики было изменение внешнеторговых условий обмена, которое началось в 1980-х и продолжалось в 1990-х гг., что, непосредственно, послужило причиной для поиска внешнего финансирования социально-экономического развития страны. Если

[1] Динамика основных факторов экономического роста России в 1990–2004 гг. // «Проблемы современной экономики». №1 (25).

индекс цен на сырье в мировой торговле в 1981–1995 гг. снизился в 1,66 раза, то индекс цен на готовую продукцию за тот же период вырос в 1,41 раза[1]. В 1990–1992 гг. в РФ произошло резкое увеличение доли экспорта в ВВП – с 18,2% до 62,3%. Оно было обусловлено снижением объема ВВП, гиперинфляцией и кризисом неплатежей, приведшим к развитию трудно учитываемых бартерных отношений и к остановке многих предприятий. Экспортные контракты были в тот период одной из редких возможностей получить наличные деньги.

Экономический кризис, политическая нестабильность, отсутствие рыночных институтов и традиционных механизмов инвестирования привели к тому, что вплоть до 1993 г. в России практически не было притока прямых иностранных инвестиций. В 1990-х гг. российская экономика испытывала как нехватку национальных сбережений, так и иностранной валюты, что привело к девальвации российского рубля по отношению к мировым валютам. Эти ограничения на пути экономического развития можно было преодолеть только при помощи импорта иностранного капитала. По оценке министра экономики РФ в середине 1990-х гг. Е.Г.Ясина, для структурной перестройки российской экономики, выведения ее на уровень 1990 г. за 15 лет требовались инвестиционные ресурсы на сумму 2 трлн долл. Россия сможет мобилизовать внутренние инвестиционные ресурсы на сумму 1,2–1,4 трлн долл. Дефицит между внутренним инвестиционным потенциалом и потребностью в инвестициях должен быть покрыт за счет иностранных инвестиций[2].

В 1990-х гг. (лучший период привлечения инвестиций 1995–1997 гг.) иностранные инвесторы вышли на российский рынок и свои предпочтения отдали некапиталоемким отраслям с быстрой окупаемостью инвестиционных проектов[3]. В 1995 г. в такие отрасли были привлечено 35,5% инвестиций, в 1996 г. – 57,8%, в 1997 г. – 63,4%, однако с 1998 г. величина этого показателя существенно падает до 22,5% в 2000 г. Что касается отраслевого распределения иностранных инвестиций в России, то поток иностранных инвестиций

---

[1] *Гельвановский М.И.* Основные тенденции в изменении мировых иен в послевоенные период и специфика их анализа. М., 1998. С.6–7.

[2] *Ясин Е.Г.* Как поднять экономику России. М., 1996. С.36, 40.

[3] Под некапиталоемкими отраслями с быстрой окупаемостью имеются в виду торговля и общественное питание, финансовый сектор и общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка.

был направлен в финансовую сферу и в сферу, близкую к ней (общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка).

Дефолт 1998 г. оказал негативное влияние на деятельность иностранных инвесторов, что отразилось на доле их вложений в ВВП, которая упала в 2 раза. Только в 2003 г. она достигла прежнего значения в условиях политической и экономической стабильности, а также поддерживаемой благоприятной конъюнктурой на сырьевых рынках.

В целом, иностранный капитал, привлекаемый в 1990-х гг. в российскую экономику, не решил ее проблем, внешнее финансирование было малоэффективным. Более того, для привлечения иностранного капитала проводилась экономическая политика, которая деструктивно влияла на российскую экономику, что привело к потерям внутренних ресурсов: материально-вещественных (проедание основного капитала), человеческих (снижение человеческого капитала), финансовых (отток национального капитала из неблагоприятной для него среды, который не компенсировался притоком иностранного капитала)[1].

В начале 1992 г. в стране начала проводиться радикальная экономическая реформа, вступил в силу Указ президента РСФСР «О мерах по либерализации цен»[2]. Рынок стал наполняться потребительскими товарами, но монетарная политика эмиссии денег (в том числе и в бывших союзных республиках) привела к гиперинфляции: резкому снижению реальных зарплат и пенсий, обесцениванию банковских накоплений, резкому падению уровня жизни. В данных условиях экономика страны вышла из-под контроля правительства, финансовые спекуляции и падение курса рубля по отношению к твёрдой валюте, усугубляли положение. Кризис неплатежей и замена денежных расчётов бартером ухудшали общее состояние хозяйства страны.

Результаты реформ стали очевидны к середине 1990-х гг. С одной стороны, в России начала формироваться многоукладная рыночная экономика, улучшились политические и экономические связи со странами Запада, была провозглашена в качестве приоритета государственной политики защита прав

[1] Марцуль В.В. Внешнее финансирование экономики России: тенденции и перспективы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Санкт-Петербург, 2002. С.20.

[2] Указ президента РСФСР от 3 декабря 1991г. №297 «О мерах по либерализации цен»; Постановление Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 г. №55 «О мерах по либерализации цен», http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1218248.

и свобод человека. С другой, – в 1991–1995 гг. ВВП и промышленное производство упали более чем на 20%, уровень жизни большинства населения резко снизился[1]. Либерализация ценообразования сняла проблемы товарного дефицита, но вызвала гиперинфляцию и ликвидацию сбережений населения. Ряд крупнейших сырьевых предприятий были приватизированы на залоговых аукционах и перешли в руки новых владельцев по ценам, в десятки тысяч раз заниженным по сравнению с их реальной стоимостью. **Сто сорок пять тысяч государственных предприятий было передано новым владельцам по общей стоимости всего около одного миллиарда долларов[2].**

Под влиянием гиперинфляции произошла глубокая деформация всех стоимостных пропорций и соотношения цен на продукцию отдельных отраслей, изменившая стоимостные основания финансовой, бюджетной и кредитно-денежной системы. Индекс потребительских цен с 1992 г. по 1995 г. увеличился в 1187 раз, а номинальная зарплата – в 616 раз. Тарифы на грузовые перевозки увеличились за те годы в 9,3 тыс. раз, а индекс цен реализации продукции сельского хозяйства производителями продукции повысился всего в 780 раз, в 4,5 раз меньше, чем в промышленности. Неравновесие доходов и расходов достигало такого уровня, что механизм неплатежей перестал справляться с его сбалансированием[3].

Структура промышленного производства также изменилась. Произошло снижение наукоемких производств, техническая деградация экономики, свертывание современных технологий[4]. Падение производства в России по своим масштабам и длительности значительно превысило все известные в истории кризисы мирного времени. В машиностроении, промышленном строительстве, легкой, пищевой промышленности и во многих других важнейших отраслях производство сократилось в 4–5 раз, расходы на научные исследования и конструкторские разработки – в 10 раз, а по отдельным направлениям – в

---

[1] *Львов Д.С., Овсиенко Ю.В.* Об основных направлениях социально-экономических преобразований // «Экономическая наука современной России». 1999, №3. С.99–114.

[2] *Волконский В.А.* Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. Раздел «Экономические основания многополярного мира» // М., 2002.

[3] *Бабашкина А.М.* Государственное регулирование национальной экономики. Учебное пособие. М., 2005.

[4] *Бендиков М.А.* Некоторые направления повышения российских высоких технологий // «Маркетинг в России и за рубежом». 2000, №5; Теория и практика финансового анализа, инвестиции, менеджмент….. http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/01.shtml.

15–20 раз. Главным источником экспортных доходов являлись сырьевые ресурсы. Удельный вес сферы услуг вырос, однако доля личных услуг сократилась, а доля услуг сферы обращения увеличилась. Экспорт сырья позволял финансировать первоочередные бюджетные нужды, но внешнеэкономические связи выступали скорее как текущий конъюнктурный стабилизатор экономики, а не механизм повышения конкурентоспособности.

Существует ряд экспертных оценок той политики, которую Россия проводила в 1990-е гг. Так, профессор Колумбийского университета и лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц отмечал: «Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искажёнными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит»[1]. Академик Глазьев С.Ю. считает, что страна за годы реформ по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям – в дореволюционный период. Никогда за обозримый период, даже после разрушений от гитлеровского нашествия, не наблюдалось столь продолжительного и глубокого снижения уровня производства почти во всех отраслях отечественной экономики[2].

На этапе после дефолта 1998 г. и до 2004 г. экономический рост носил преимущественно восстановительный характер, опирался на активное вовлечение в производство не задействованных в период кризиса производственных мощностей. Особенностью восстановительного роста является его постепенное затухание, происходящее по мере исчерпания свободных и пригодных для использования мощностей. Поэтому начиная с 2004 г. необходимо было проводить политику, которая бы обеспечивала переход от восстановительного роста к инвестиционному, что во многом зависело не столько от дальнейших экономических реформ, сколько от того как успешно будут развиваться политические и правовые институты. Несомненно, что непредсказуемость и изменчивость ключевых макроэкономических показателей служили серьезным препятствием для инвестиций и экономического роста в стране.

---

[1] *Stiglitz J.* The ruin of Russia, The Gardian, 9 April 2003; http://www.guardian.co.uk/ world/ 2003/apr/09/russia. artsandhumanities.

[2] Белая книга. Экономические реформы в России в 1991–2001 гг.

Согласно данным Всемирного банка, Россия в 2005 г. занимала 16-е место в мире по валовому национальному доходу, и лишь 97-е – по доходам на душу населения. В 2003 г. среднестатистический россиянин создал 2610 долл. США национального дохода при среднемировом показателе в 5510 долл. США.

Затоваривание рынка частично нейтрализовалось за счет сокращения избыточных остатков в банковской системе. Однако преувеличивать значение этого фактора не следует. Условия кредитования ужесточались, а у предприятий и населения не было намерений залезать в долги. Динамика денежной базы была крайне вялая, а изменения в структуре свелись к массовой конвертации депозитов банков в Банке России в облигации ЦБ – «бобры», объем которых только за март 2005 г. увеличился с 16,5 до 60,6 млрд руб. Однако, несмотря на сверхжесткую денежную политику, спрос на деньги и соответственно процентные ставки практически не росли. Уровень монетизации ВВП, т.е. насыщенности экономики деньгами составил 25%. Условная норма этого показателя в мире 70–100%. Российский же бюджет только в первом квартале 2005 г. вычерпал из экономики больше половины и без того недостаточной денежной массы, не достигнув при этом какой-либо ценовой стабильности. Наращивая финансовые диспропорции, бюджет, таким образом, «шел» на поводу у неэффективной и структурно несовершенной экономики.

Однако 2006 г. оказался удачным для экономики страны. Прирост ВВП составил 6,7%, что заметно выше уровня 2005 г. (6,4%). Отметим, что экономический рост в 2006 г. в значительной степени сформировался на повышении производительности труда (на 7,2%, что более чем в полтора раза выше показателя 2005 г.).

Экономическое развитие в 2006 г. происходило под знаком существенного расширения притока в российскую экономику доходов, связанных с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой (цены на нефть марки Urals достигли 61,1 долл./барр. по сравнению с 50,6 долл./барр. в 2005 г.). Были решены следующие задачи: предотвращение «инфляционной раскачки» российской экономики и обеспечение последовательного снижения инфляции; трансформация притока нефтяных доходов в расширение рынков и экономический рост. Замедление роста цен стало следствием стерилизации денежной эмиссии, вызванной притоком «нефтедолларов», в Стабилизационном фонде, укрепления рубля в номинальном выражении по отношению к доллару США (на 8,5%) и сдерживания немонетарной инфляции через введение региональных лимитов на рост тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Сохранилось быстрое расширение внутренних потребительских и инвестици-

онных рынков, которое в значительной степени зависит от притока в экономику доходов, связанных с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой[1]. Несмотря на то, что конкурирующий импорт продолжал расти опережающими темпами – в ряде важных сегментов российские производители стали усиливать свои позиции. Рост импорта в 2006 г. отчасти сыграл позитивную роль для российской экономики – в результате принятого решения об обнулении ставок таможенных пошлин по широкому спектру неконкурирующего производственного оборудования его импорт существенно возрос, что содействовало модернизации российских предприятий. Приток прямых иностранных инвестиций почти удвоился и составил 28,7 млрд долл. по сравнению с 12,8 млрд долл. в 2005 г.[2].

Не удалось решить две стратегические задачи. **Во-первых,** трансформировать экономический рост в улучшение социальных показателей. На фоне общего повышения реальных доходов населения рост дифференциации продолжился, а существенного снижения уровня бедности не наблюдается. **Во-вторых,** изменить ситуацию, связанную с недоинвестированием отраслей инфраструктуры. В результате дефицит мощностей, например, в электроэнергетике, строительстве автодорог становился все более негативным фактором, сдерживающим общие темпы экономической динамики[3].

Развитие российской экономики в 2007–2008 гг. характеризовалось ускорением темпов экономического роста. Причем, несмотря на сохраняющийся высокий вклад сырьевых отраслей, обеспечивающих существенную часть расширения спроса, все более заметной становится роль обрабатывающих производств (см. табл. 1).

Общая сумма государственного долга России продолжала сокращаться, при этом устойчиво возрастали объемы внешних заимствований частного сектора. Внешний долг России на 1 октября 2007 г. составил 47,1 млрд долл., задолженность перед странами-членами Парижского клуба по новому российскому долгу составила 2,2 млрд долл. В 2007 г. ведущими международными рейтинговыми агентствами были повышены суверенные рейтинги России (см. табл. 2).

---

[1] Отметим, что экономический рост происходил в условиях быстрого укрепления рубля, стимулировавшего импорт готовой продукции, что обостряет перед российскими компаниями проблему конкурентоспособности выпускаемой продукции.

[2] По данным платежного баланса, по методологии Банка России.

[3] *Абрамова А.Е., Белоусов Д.Р., Михайленко К.В.* Экономические итоги развития российской экономики в 2006 г. и прогноз на 2008–2010 гг.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели 2002–2009 гг.[1]

Экономические индикаторы	2002	2003	2004	2005	2006	2007П	2008П	2009П
Темп роста ВВП, %	4,7	7,3	7,2	6,4	6,7	7,3	6,1	6,0
Золотовалютные резервы, млрд долл. США	47,7	77,8	124,5	182,2	303,0	470	507,4–538,4	516–584,7
Внешнеторговое сальдо, млрд долл. США	6,3	59,9	85,8	118,3	141,6	121,6	83,6	27,4
Профицит бюджета, % от ВВП	1,4	1,7	4,3	7,5	7,4	7,4	0,2	0,04
Инфляция, %	15,1	12,0	11,7	10,9	9,7	12	6–7	5,5–6,5
Рост инвестиций в основные средства, %	2,6	12,5	10,9	10,7	13,5	13,2	10,9	12
Прямые иностранные инвестиции, млрд долл США	4,0	6,8	9,4	13,1	31,0	40	45–50	45–50
Рост реальных доходов населения, %	9,9	14,9	9,9	11,1	10,0	12,5	10	9,1
Темп роста индекса РТС, %	38	58	8,25	83,29	70,75	33,34	14,6	-

Таблица 2

Суверенные рейтинги России

По данным международных рейтинговых агентств[2]

Наименование рейтингового агентства	В инвалюте	Прогноз	В нацвалюте	Прогноз	Дата последнего изменения
Standart & Poor`s	«BBB+»	Стабильный	«A-»	Стабильный	25.03.08
Fitch Ratings	«BBB+»	Стабильный	«BBB+»	Стабильный	16.08.07
Moody`s Investors Service	«Baa2»	Стабильный	«Baa2»	Стабильный	25.03.08

Таким образом, к началу глобального финансово-экономического кризиса 2009 г. российская экономика продолжала стабильное развитие. Благоприятная макроэкономическая ситуация на сырьевом рынке обусловила успешность большинства осуществленных инвестиционных проектов и оказала влияние на решения о реализации многочисленных новых проектов во всех сегментах рынка коммерческой недвижимости.

[1] Центральный Банк РФ, Министерство экономического развития и торговли, Министерство финансов, Росстат.

[2] http://www.deltarealty.ru/art/156.

В условиях мирового кризиса, когда происходит падение стоимости нефти, экспортные доходы России снизились, что, в свою очередь, изменило ситуацию с бюджетом и динамикой ВВП. Стоимость нефти в конце 2008 г. стала снижаться и составила в декабре менее 40 долл. за баррель. Падение промышленного производства отмечалось, прежде всего, в экспортоориентированных сырьевых областях: химическом комплексе (74,2% – ноябрь 2008 г. к ноябрю 2007 г.); металлургическом (86,7%); обработке древесины и производстве изделий из дерева (81,4%); целлюлозно-бумажном производстве (85%)[1]. Главными причинами снижения ВВП было падение доходов населения и инвестиций в экономику страны. При этом многие эксперты убеждены, что притормозить снижение ВВП в декабре 2008 г. удалось только за счет бюджетных расходов[2]. По оценкам экспертов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, именно в 2008 г. России вступила в период стагфляции, когда спад в промышленности и снижение ВВП сопровождаются ростом потребительских цен и безработицей. По словам, министра экономического развития России Эльвиры Набиуллиной, макроэкономический прогноз на 2009 г. формировался исходя из среднегодовой цены на нефть в 41 долл. США за баррель и спада в мировой экономики в 0,3%[3].

Сокращение штата рабочих рядом компаний в 2008 г. стало проявление того, что финансовый кризис перерос в экономический. По данным Минздравсоцразвития с октября 2008 г. общее количество уволенных работников достигло 1,4 млн человек. Из числа уволенных 429 тыс. человек были трудоустроены, в том числе 230 тыс. человек – в прежней организации. Сокращения коснулись работников отраслей с высокой долей заемных средств в оборотном капитале компаний: строительство, машиностроение, торговля, банковская и финансовая сфера и др. Большинство российских экспертов утверждали, что значительного увеличения безработицы в России не предвидится благодаря особенностям отечественного рынка. Кроме того, оптимистичные прогнозы Всемирного Банка показали уровень безработицы в России в 6,6%, что характеризует умеренные темпы роста безработицы. Согласно данным ФСГС за октябрь 2008 г. наблюдался рост задолженности по выплате заработной

[1] Основные параметры уточненного прогноза социально-экономического развития на 2009 г. от Минэкономразвития.

[2] «Экономика РФ вступила в рецессию. Сокращение ВВП, инвестиций и зарплат приведет к массовым увольнениям». 27.01.2009, http//www/alebedev.ru/daytheme/index.php?daytheme7079.

[3] «Правительство огласило новый прогноз по падению курса рубля». 19.01.2009, http// www.lenta.ru/news/2009/01/19/mert.

платы, этот показатель увеличился на 33% до 4 млрд руб. Эти данные говорят скорее о скрытом характере безработицы, при котором происходит сокращение заработных плат, ликвидация бонусов, уменьшение рабочего времени.

В конце 2010 г. МОТ относила Россию к списку стран с достаточно высоким уровнем безработицы – около 7% от экономически активного населения. По данным МОТ уровень безработицы в странах с наиболее развитыми экономиками варьируется от 5% до 25% при среднем показателе – 7,8%. Для примера в ЕС и США в октябре 2009 г. уровень безработицы составлял 9,6%. Некоторые эксперты считают, что поддержать нынешний уровень занятости населения в мире удастся, если ежегодно создавать 44 млн рабочих мест в течение 10 лет.

По мере улучшения ситуации на рынке внутреннего кредитования, можно ожидать восстановление внутреннего спроса. В целом, ожидается рост экономики России, но темпы этого роста будут ниже, чем в докризисный период (см. табл. 3).

Если цены на сырье стабилизируются в нынешних пределах и глобальный кризис достигнет низшей точки, то российская экономика, скорее всего, восстановиться в 2012 г. По некоторым данным, российский ВВП уже сегодня является вторым по величине в Европе[1]. Данный факт объясняет показатель паритета покупательной способности России, который отличается от рыночных обменных курсов валют, так как учитывает различия в уровне цен в разных странах. По данному показателю Россия в последние годы обогнала Великобританию, Францию, заняв второе место после Германии. Прогнозируемые темпы роста в Германии, особенно с учетом старения населения, являются скромными (в среднем менее 2% в год). Экономика России должна расти более высокими темпами. При этом цены на природные ресурсы будут оставаться высокими, из-за спроса на них в Индии и Китае, что в свою очередь должно обеспечить экономический рост. Прогнозируется, что к 2020 г. Россия обгонит Германию по величине ВВП, исчисляемом в ППС.

В настоящее время и в среднесрочной перспективе богатство природными ресурсами для России является основным ее экономическим преимуществом, но по результатам ряда исследований, в дальнейшим данное преимущество может перерасти в тормоз экономического развития, так как произойдет формирование поведения рантье[2].

[1] По данным ООО «Центр оценки и консалтинга Санкт-Петербурга» и http//rosfincom.ru/.
[2] Там же.

Таблица 3

Основные показатели России и прогноз[1]

	2007	2008	2009	2010*	2011*
Реальный рост (изменение за год, %)					
ВВП	8,1	5,6	-7,9	3,6	4,6
Потребительские расходы	13,7	11,3	-8,1	1,9	5,0
Государство	3,4	2,5	1,9	4,5	3,8
Инвестиции	21,1	10,0	-18,2	4,0	7,9
Экспорт	6,3	0,5	-4,8	-10,3	8,3
Импорт	26,5	15,0	-30,9	-2,4	11,4
*Вклад в обеспечение роста ВВП (%)***					
Потребительские расходы	7,7	6,7	-3,9	1,2	3,1
Государство	0,5	0,4	0,4	0,7	0,6
Инвестиции	4,6	2,5	-5,1	0,9	1,8
Экспорт	2,3	0,2	-3,9	-3,3	2,7
Импорт	-9,0	-5,9	16,0	0,7	-3,7
Внутренний спрос	12,9	9,5	-8,6	2,8	5,5
Чистый экспорт	-6,7	-5,8	12,0	-2,7	-1,0
Структура экономики (% от ВВП)					
Потребительские расходы	59,1	62,3	63,0	61,9	62,2
Государство	14,5	14,1	15,6	15,7	15,3
Инвестиции	24,6	25,7	22,1	22,2	23,5
Экспорт	36,0	34,2	32,7	28,3	34,3
Импорт	39,6	43,1	29,2	27,5	34,9
Инфляция					
ИПЦ (среднее изменение за год)	9,0	9,0	14,1	7,0	7,2

* Прогноз.

** Компоненты ВВП в сумме могут не составлять 100% в силу накопления запасов и статистической погрешности

Экономический успех России будет зависеть от внедрения в российскую экономику новых технологий или другими словам от высокотехноло-

[1] Федеральная служба государственной статистики, Международный валютный фонд, Pricewaterhouse Coopers.

гичных отраслей, чтобы Россия смогла конкурировать с такими странами как Китай или Вьетнам, с точки зрения низкой стоимости производства. России необходимо будет использовать свое преимущество в области высокого уровня образования населения в целом, особенно в таких областях как математика и естественные науки. Уже можно говорить о том, что реализуется ряд инициатив на уровне регионов по развитию центров высоких технологий.

По данным Минэкономразвития, позитивные тенденции развития макроэкономической ситуации в России в 2010 г. сохранились. ВВП вырос на 4,5% по сравнению с прошлым годом. Таким образом, Россия становится лидером по так называемому эффекту отскока. По предварительным данным Росстата, инвестиции в основной капитал увеличились на 2,3%. Положительное сальдо внешней торговли России выросло в апреле 2010 г в 2 раза по сравнению с апрелем прошлого года. Причем увеличение стоимости экспорта вызвано повышением контрактных цен на товары российского экспорта (в первую очередь на нефть)[1]. Инфляция осталась на высоком уровне, составив более 8%. Центробанк вел политику снижения ставки рефинансирования (с апреля 2009 г. ставка рефинансирования снизилась с 13% до 8%), что свидетельствует о целенаправленном стремлении государства оживить отечественную экономику через регулирование финансовых рынков.

Материалы Агентства экономической информации[2] подтверждают, что экономика России в течение 2010 г. продолжала выходить из кризиса. Оживление экономики в России поддержано высокими ценами на нефть, налоговыми стимулами, увеличением размеров пенсий и предоставлением ликвидных средств банковской системе. Также показателем позитивного развития событий в экономике России стало размещение в апреле 5-летних и 10-летних облигаций РФ на 5,5 млрд долл. под рекордно низкие проценты. В опубликованном докладе Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР)[3] говориться о том, что лучшие перспективы экономического роста сложились в России, Германии и Японии.

Между тем в российской экономике существуют определенные риски, главный из которых – колебания цен на мировом товарном рынке, в част-

[1] «Российская газета». Федеральный выпуск. 2010, №5192(113), 27 мая.
[2] http://www.prime-tass.ru/news/17.11.2010 Ежегодный «Переходный доклад» Европейского банка реконструкции и развития /ЕБРР/ за 2010 г.
[3] http://oecdru.org/oecd_rf.html.

ности, на нефть. Сырьевая и долларовая зависимость России от мировой экономики остается высокой. Есть риски увеличения инфляции вслед за снижением цен на нефть, если таковое будет (в условиях нестабильной мировой экономики возможен обвал цен на сырье). Кроме того, замедление роста доходов населения снижает его покупательскую способность и, как следствие, замедляет темпы роста ВВП и всей экономики. Правительству РФ необходимо срочно предпринимать меры по увеличению внутреннего спроса, а это будет возможно только через существенный (на 20–30%) рост реальных доходов населения. В настоящее время стремительно растут риски, которые связаны с глобализацией и, прежде всего, с экономическими последствиями глобальных международных взаимоотношений. Российские экономические амбиции по некоторым направлениям (например, по газу и нефти) входят в противоречие с интересами других стран (например, в части газотранспортных систем).

В целом, экономика России сегодня находиться ниже предкризисного максимума примерно на 5,0%, что на наш взгляд пока не говорит о преодолении последствий кризиса. По данным некоторых исследований[1], достижение предкризисного уровня ВВП потребуется еще около двух лет, а об ускорении говорить вообще рано. На фоне снижения объемов экспорта продолжающийся быстрый рост импорта превращает внешнюю торговлю в отрицательный фактор в динамике ВВП. Кроме того, сегодня прослеживается проявление последствий политики бюджетной консолидации, при которой происходит сокращение бюджетных расходов в реальном выражении.

До сих пор объем инвестиций в основной капитал и строительство ниже предкризисного максимума на 13% и 22%, соответственно. Однако объем инвестиций в основной капитал в России в октябре 2010 г. составил 956 млрд руб., что на 10,7% превышает показатель октября 2009 г. За январь–октябрь 2010 г. объем инвестиций вырос по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 4,7%. Отметим, что по итогам 2009 г. инвестиции в основной капитал в России сократились на 17% до 7,5 трлн руб.

В 2010 г. чистый отток капитала из России достигал 22 млрд долл.[2]. В следующем году показатель чистого оттока капитала может оказаться немного лучше. Банк России заложил в проект цифру 15 млрд долл. при цене на

[1] Экономика России: итоги третьего квартала 2010 года, 26.10.2010 http://www.finansy.ru/t/post_1288093669.html

[2] Банк России, проект «Основные направлений денежно-кредитной политики на 2011 год и период 2012 и 2013 годов».

нефть 60 долл. за баррель. Если же цена нефти в 2011 г. в среднем будет 75 или 90 долл. за баррель, то ожидается нетто-приток капитала в 10 и 20 млрд долл., соответственно.

Ряд экспертов ставят под сомнения прогнозы Центрального банка России и, по нашему мнению, у них на это есть веские основания. Так, аналитик компании «Тройка диалог» Антон Струченевский, поясняет, что даже при сегодняшних ценах на нефть 85 долл. за баррель наблюдается отток капитала из страны и падение рубля, инвесторы убегают, потому что инфляция разгоняется и темпы роста экономики остаются не очень высокими. Аналитик «Альфа-Банка» Ангелина Генкель, в меньшей мере связывает современную макроэкономическую ситуацию в стране с ухудшением в целом ситуации в России. «Причины скорее объясняются позитивными процессами в странах-конкурентах Бразилии и Турции, которые обеспечили себе высокий приток капитала – произошло перераспределение ресурсов в их пользу. Хотя если бы стратегия менеджмента в отношении иностранных инвесторов была мягче, результат мог бы быть лучше» – полагает Ангелина Генкель[1].

Существует ряд внутренних и внешних предпосылок, которые обуславливают пусть не быстрый, но устойчивый экономический рост России. Можно ожидать, что положительная динамика по росту инвестиций в основной капитал сохраниться, однако не следует ожидать быстрого возврата объема инвестиций к предкризисному уровню, поскольку долговая нагрузка компаний остается чрезмерно высокой, банки по-прежнему не готовы рисковать, на мировых рынках сохраняется высокая волатильность, а перспективы восстановления мировой экономики остаются неопределенными. Тезис о том, что будущий рост российской экономики должен и будет опираться на растущие инвестиции, не подкрепляется действиями правительства, а сформированная модель поведения населения, ориентированная на потребление и плохой инвестиционный климат становятся тормозом в современной ситуации. Наибольший интерес у инвесторов вызывают отрасли, которые являются для России стратегическими и требуют особого разрешения правительственной комиссии. Однако процесс получения разрешений для инвестиций в эти отрасли слишком сложный, поэтому интерес к ним, в последнее время снижается[2].

---

[1] «Капитал не удержался». http://www.gazeta.ru/financial/2010/11/16/3438036.shtml.

[2] Почему мировые потоки обходят Россию стороной // «Российская бизнес-газета». 2010, 19 января, №735 (2). http://www.rg.ru/2010/01/19/investicii.html.

Основными источниками финансирования экономического роста России на перспективу выступают значительные внутренние сбережения, а также сокращение масштабов оттока национального капитала. Несомненно, иностранные инвестиции являются также основным источником финансирования, однако ощутимый приток иностранного капитала будет возможен только после того как активность отечественных инвесторов приобретет устойчивый характер и снимет общесистемные ограничители (а значит и риски) экономического развития России. В сложившихся условиях важнейшей задачей становиться диверсификация экономики, уход от повышенной зависимости от сырьевого сектора и расширение инновационной составляющей, а также формирования и наращивания инвестиций в человеческий капитал. Необходимо заботиться не о курсе рубля и ограничении инфляции, а об изменении макроэкономического поля в целом, которое должно быть направленно на развитие инфраструктуры страны. **Российская экономика, пережив за 20-летие неолиберальных реформ три кризиса, практически исчерпала возможности экспортно-сырьевого роста.** России нужны радикальные социально-экономические инновации, которые сформируют вектор развития на долгосрочную перспективу.

РЕФОРМА 1861 ГОДА И 20-ЛЕТИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

На исходе зимы 2011 г. российские, а отчасти и мировые СМИ, обществоведы и политики активно отметили 150-летие со дня Манифеста императора Александра II об отмене в России крепостного права и прочие его реформы. Юбилей Манифеста осветили многочисленные публикации, конференции, интервью историков и политиков. Поскольку он открыл, по словам «независимого экономиста» Н.Вардуля, «одну из самых светлых страниц российской истории»[1]. Славили царя освободителя Александра II, олицетворявшего «исторический прогресс», противопоставляя его носителям «исторического регресса», коими маркировались защитники российской державной самости, они же злостные «диктаторы» Иван Грозный, Петр I, Сталин.

Президент Д.Медведев на состоявшейся в Мариинском дворце научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России» сказал: «Эпоха великих реформ началась с отмены крепостного права… открыв России путь к прогрессу и развитию», ибо Александр II и его единомышленники «сделали шаг в будущее». Заместитель директора Института истории РАН В.Лавров утверждал: «"Старый экономист" Ленин скрывал от мужиков, что почти вся земля им передана за десятилетия рыночно-буржуазной модернизации России». Некоторые историки снисходительно упрекали советский агитпроп, что 100-летие реформы было скромно отмечено лишь несколькими публикациями. Отсутствие помпы наивно объясняли недооценкой коммунистами крестьянства, хотя «это была Великая крестьянская реформа». Впрочем, такая, расхожая некогда у российских обществоведов, аттестация ее на сей раз употреблялась редко. Президент недвусмысленно дал

[1] Вардуль Н. Александр II или Петр I? // «МК». 2011, 19 февраля. С.3.

понять, что дела полуторавековой давности не просто история России. Они напрямую завязаны на проблемы ее капиталистической современности. Выразив надежду, что «Россия 21 века будет свидетельством безусловной правоты реформаторов века 19-го, – он заявил. – По сути, мы продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад».

Заявление Медведева позволяет увидеть в манифесте одно из ключевых звеньев серии российских либеральных реформ, в эволюционном алгоритме *неудачно* выполнявших в нашей стране задачи, осуществленные на Западе благодаря его «великим буржуазным революциями».

Мифология эпопеи крестьянского «освобождения». В юбилейной суете еще раз проявился живучесть мифа, будто *отмена крепостного права свершилось чуть ли не моментально, «по мановению царя»* Александра II. На самом деле это феномен длительного действия. Уже в 1803 г. Александр I указом о вольных хлебопашцах рекомендовал крепостникам отпускать крестьян с землей. Но за полтора десятилетия отпущено было всего 0,2% крепостных. Отмена крепостного права по воле Александра I началась с Прибалтики в 1816–1819 гг., то активизируясь, то затухая. К 1861 г. крепостными оставались по разным источникам 25–40% крестьян и «освобождались» они 31 год: крепостничество в Калмыкии было отменено только в 1892 г.

Другой миф связан с представлениями о *преемственности либеральных реформ Александра II, в том числе его Манифеста, с антикрепостнической политикой Романовых*. В действительности же между характером последней и либеральных александровских реформ были принципиальные различия. Давление на российскую экономику необходимости антикрепостнических преобразований ощущается уже в допетровские времена. Первым уловивший эти потребности фаворит Софьи князь В.В.Голицын начал убеждать ее в целесообразности освобождения крестьян с землей, соблазняя увеличением «с лишком половиною доход царский». Начиная с петровских реформ, давление это нарастало. Сдерживать его становилось год от года все труднее. Уже в 1736 г. дворянам-фабрикантам была разрешена покупка крепостных для работы не на земле, а в промышленности. Но подневольный труд на «посессионных фабриках» оказался малопроизводительным. Все сильнее назревала необходимость отмены крепостного права, оказавшегося главным препятствием первоначальному накоплению капитала как экономическому основанию буржуазного строя.

Тем не менее Романовы, видя воочию непривлекательные для самодержавия политические, а для масс социальные плоды первоначального накопления капитала на Западе, всемерно сдерживало это давление. Даже Екатерина II не решалась ослабить сопротивление этому давлению, а наоборот, усиливала противодействие. Ее законоположения об усилении крепостной зависимости крестьян от помещика, имели объективно антикапиталистическую направленность. То же можно сказать о манифесте вольности дворянству Павла I. Александр I Указом о вольных хлебопашцах 1803 г. распространил право покупки земли на купцов, мещан, поденных крестьян и освобожденных от крепостной неволи. Но подготовленные по его поручению проекты отмены крепостного права по всей России не обеспечивали простор ее капиталистическому развитию. Они обещали крестьянам выкуп личной свободы без земли (Мордвинов), личное освобождение, но с минимальным наделом земли, выкуп ее крестьянином (Аракчееев); освобождение с неограниченным наделом, но с выкупом его за свои средства в течение 60 лет (проекты Сперанского и Канкрина). Но даже в этом виде порождали недовольство основной массы дворянства. А по донесениям тайных агентов полиции не устраивали они и потенциальных буржуа, не говоря уже о жаждавшем «земли и воли» крестьянстве. А потому были положены под сукно.

Неудачная попытка западников открыть дорогу буржуазно-демократическим преобразованиям России вылилась в восстание декабристов 1825 г. Оно еще более насторожило Николая I. Опираясь на поддержку крупных крепостников, он придушил все, в том числе буржуазно-демократические, свободолюбивые веяния. В аграрно-крестьянском вопросе, особенно. Тем не менее нараставшее давление промышленного прогресса колебало даже Николая I. В частности, в 1842 г. он поручил графу П.Киселеву осуществить подготовку к раскрепощению крестьянства. Такой проект был подготовлен. Однако разразившаяся в Европе буржуазная революция 1848 г. напугала и побудила царя отказаться от намерения освободить крестьян, чтобы не спровоцировать революцию и в России. К тому же Запад в эту пору еще в большей степени, чем прежде, отвращал Россию следовать его примеру. В частности, тем, что его население жило хуже российского. Вот что писал в 1839 г. англичанин-путешественник, отнюдь не благоволивший России:

«В целом... по крайней мере, что касается просто(!) пищи и жилья, русскому крестьянину не так плохо, как беднейшему среди нас. Он, может быть, груб и темен, подвергается дурному обращению со стороны вышестоящих, несдержан в своих привычках и грязен телом, однако он никогда не

знает нищеты; в которой прозябает ирландский крестьянин. Быть может, его пища груба, но она изобильна. Быть может, хижина его бесхитростна, но она суха и тепла. Мы склонны воображать себе, что если уж наши крестьяне нищенствуют, то мы можем, по крайней мере, тешить себя уверенностью, что они живут во много большем довольстве, чем крестьяне в чужих землях. Но сие есть грубейшее заблуждение. Не только в одной Ирландии, но и в тех частях Великобритании, которые, считается, избавлены от ирландской нищеты, мы были свидетелями убогости, по сравнению с которой условия русского мужика есть роскошь, живет ли он средь городской скученности или в сквернейших деревушках захолустья. Есть области Шотландии, где народ ютится в домах, которые русский крестьянин сочтет негодным для своей скотины».

Свидетельство это было со стороны иностранцев не единственным. Что рождало естественные вопросы, стоит ли от плохого российского идти к худшему западному, и тем мирило с язвами крепостничества.

Крымская война 1853–1856 гг. обнажила технологическую отсталость России, обострила необходимость промышленной революции. Вместе с тем стало ясно, что она невозможна, пока не будут разбиты оковы крепостничества. Зондажи тайных агентов полиции, обследования организуемых министерством внутренних дел по стране экспедиций и комиссий фиксировали нарастание всеобщего недовольства и даже революционной ситуации. Со смертью Николая I появилась возможность снять препоны этому. Воспитанный идеологом западного просвещения Ф.С.Лагарпом в либеральном духе Александр II начал отход от традиционной для его предшественников политики. Он попытался перевести развитие России в русло буржуазной западноевропейской цивилизации.

Третий миф вокруг деяний царя-освободителя составляют утверждения, будто его *реформы облагодетельствовали крестьянство*. На деле он облагодетельствовал класс крепостников, обложив крестьянство выкупными платежами и привязав их к земле на срок, пока эти платежи не будут выплачены, причем с лихвой. Крепостникам были выплачены суммы в несколько раз превышавшие средства, которые потребовались бы крестьянам для выкупа из крепостной кабалы в дореформенные годы. По Манифесту о реформе, без согласия общины, крестьянин не мог получить паспорт и переселиться. Если же паспорт выдавался, то община была обязана выплачивать с большими процентами помещикам деньги за перешедшие от них в ее собственность общинные земли. Естественно, община этому противилась, ей невыгодно было отпускать сообщинника. Таким образом, помещикам удавалось через пра-

вительство удерживать систему «кабального социализма» в пределах бывших своих владений, сохранять значительные элементы барщины, поскольку при недостатке денег община вынуждена была компенсировать задолженность «отработками». Таким образом, крестьяне были превращены в источник дешевой силы для «вольной» работы на помещика. К тому же последний освободился от ответственности за их благосостояние, которую он нес согласно крепостному праву.

Проиграла и многочисленная разночинная российская интеллигенция. Основу ее составлял многомиллионный отряд разорившихся дворян, однодворцев. Не имея крепостных, они от «освобождения» крестьян ничего не получили. Сомнительной оказалась выгода и «третьего сословия». Основным источником рабочей силы для них стала освобожденная от крепости без земли дворня. А это были не те трудовые ресурсы, которых требовал процесс промышленной модернизации страны.

Анализируя реформу 1861 г., писатель А.Салуцкий заметил: «Главный вопрос – о выборе между общинным и индивидуальным крестьянским землевладением – не был решен окончательно, он был лишь отложен на будущее. Пример Европы по-прежнему склонял верховные симпатии к принципу единоличного владения, противоречившему народному правосознанию. И это постоянное раздвоение власть предержащей верхушки между сиюминутной выгодой, насущной политической надобностью и желанием следовать примеру передовой Европы стало своего рода заклятьем русского «крестьянского вопроса».

Еще один миф составляют мнения российских либералов, будто *реформы Александра II дали толчок быстрому экономическому развитию России и она стала возрождаться в качестве ведущей державы мира*. Некоторый рост темпов экономического развития ее действительно обозначился. Усиление материальной заинтересованности вчерашних крепостных в форме «работы на себя», осознанная частью бывших крепостников необходимость «зарабатывать» свое благополучие более умелым хозяйствованием на земле привело к хорошим практическим результатам: если среднегодовое производство зерна в России в предреформенное десятилетие составило 141 млн четвертей, то в первое пореформенное десятилетие – 216 млн, т.е. прирост составил 46%. Но в неаграрной сфере «прогресс» был сомнительным. Во-первых, выплаты государства крепостникам, а они составляли 80% выкупной цены, которые крестьяне должны были постепенно возвращать казне с немалыми процентами, превышали возможности государства, и оно взяло ссуды в банках. Чтобы расплатиться с банками, царское правительство продало Аляс-

ку и вынуждено было предоставить небывалые в отношениях равных стран преференции в России для деятельности западноевропейского капитала. Приток последнего особенно усилился в период управления министров-монетаристов Бунге, Рейтерна, Вышнеградского, Витте. В итоге стремившаяся стать великой державой Россия стремительно превращалась в полуколонию, основная часть промышленности ее стала принадлежать англичанам, немцам, французам, бельгийцам.

Альтернатива либеральным реформам Александра II. Ее необходимо рассмотреть в связи с еще одним мифом, будто *у либеральных александровских и продолжающих их реформ не было никакой альтернативы*, поскольку потребности в промышленной модернизации России были не только срочными, но и императивными.

Ядром исторической альтернативы могла стать способная на тот момент обеспечить традиционно самобытный путь державного развития России общинно-кооперативная форма его организации. С середины XIX в. она становится одним из основных объектов внимания среди феноменов идейной и общественно-политической жизни России. Царизм и его идеологи видели в общине, сохранившей православную традиционность и консерватизм, социальную опору самодержавия. С другой стороны, демократические силы (А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский, народники), напротив, видели в ней хранителя цивилизационной традиционности и почти готовую ячейку организации возможного социалистического строя, способную обеспечить безболезненный, некапиталистический путь развития России. Их поддержал К.Маркс, рассмотрев в «Письме к В.И.Засулич» социально-культурный и политэкономический потенциал российской общины. Он показал и то, почему, в силу стечения каких исторических условий, Россия оказалась на перекрестке судеб, допускающем такой выбор.

Причем, речь шла не только о развитии крестьянского сообщества, но о кооперативно-общинном переустройстве всей общественной жизни страны, включая ее политический строй. Для этого у основной массы российского населения был тысячелетний опыт общинно-коллективистского взаимодействия, в том числе не только в форме сельской общины, но и организованной по установлениям Сергея Радонежского монастырской жизни (киновии), казацкого товарищества, основанных на вере сообществ раскольников и т.д. Россияне ментально и духовно тянулись к основанному на такой организации образу жизни, о чем свидетельствовал бурный успех ее артельных и коопера-

тивных форм. За несколько десятилетий Россия вышла на первое-второе (совместно с объединенной англо-шотландской кооперацией) место в мире по массовости кооперативного движения. Кооперативный опыт, в совокупности с общинным обеспечивал возможность развития социалистического народовластия на принципах трудового и общественного, локального, регионального и общероссийского самоуправления. При определенных условиях это обстоятельство могло обеспечить эволюционный путь развития России, без террора и классовых революций.

Такое некапиталистическое развитие не игнорировало бы неизбежность промышленно-городского развития российского общества и урбанизацию российской деревни. Зато императивная потребность страны в историческом повороте от земледельческих (биологических) производительных сил к индустриально-техническим была бы осуществлена, можно полагать, более мягко для российской цивилизации. К сожалению, на тот момент в России не нашлось необходимых политических сил, чтобы воспользоваться уникальной и кратковременной возможностью для страны избежать капиталистического развития в худшем западноевропейском варианте.

Русская средневековая община фактически являлась одним из вариантов азиатской формы, развивавшейся в условиях относительного многоземелья, территориальной оторванности, распыленности, низкой концентрации населения. Позднее община в России претерпевает существенные изменения, становится нормой проведения в ней уравнительных переделов земли. Крестьянская семья получает определенную долю в общем землепользовании, которая меняется по размеру и местоположению. Эти и другие меры усиливали финансово-административные права общины по отношению ее членов, что затрудняло выход из общины и консервировало сложившиеся общинные производственные отношения и образ жизни крестьян. Община и ее выборные представители выступали органом, регулирующим хозяйственную и бытовую жизнь крестьян.

В ходе реформы 1861 г. на первых порах власти покровительствовали общине. Но именно тогда уже под положение общины как социального института были заложены законодательные мины, обеспечивавшие превращение ее в послушное звено системы самодержавного управления. На нее возложили задачи фиска и контроля за благочинием общинников. Были закреплены аналогичные права и обязанности сельского схода как собрания глав крестьянских дворов, домохозяев, которые избирали сельского старосту.

Но община неожиданно для реформаторов стала бороться за сохранение и развитие у нее функций самоуправления. Историки свидетельствуют,

что сельский сход стремился выступать одновременно и в *качестве избирательного собрания*, назначая должностных лиц и указывая кандидатов для исполнения обязанностей волостных судей; и в качестве *органа хозяйственного управления*, производя разверстку податей и определяя способы взыскания недоимок; и как *контрольное учреждение*, производя учет сборщику податей и сельскому старосте; и в *качестве учреждения, обладающего судебной властью*, лишая, в виде наказания, права голоса отдельных сельчан и постановляя приговоры об отдаче «порочных однообщественников» в распоряжение правительства; и в *качестве опекунского учреждения*, назначая опекунов и попечителей над личностью и имуществом малолетних сирот и производя учет и проверку действий этих лиц; и в *качестве сословного учреждения с «государственным значением»*, возбуждая перед правительством ходатайство о местных нуждах.

Обнаружив, что либеральные реформаторы пытаются деформировать ее сущность и откровенно грабят её, община перешла в оппозицию к власти. Последняя отреагировала на это усилением бюрократического контроля над общинным самоуправлением, введением земских участковых начальников.

В связи с этим, начиная с 80-х гг. в российской деревне стала явственно нарастать социально-политическая напряженность. В ходе революции 1905–1907 гг. община была активно использована крестьянами как «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы», что повлияло на коренное изменение политики самодержавия и помещиков по отношению к ней. Они перестали покровительствовать ей, взяв курс на уничтожение общины как демократического института крестьянства.

Попытка либералов трансформировать крестьянство в класс мелкобуржуазных товаропроизводителей. Уничтожить общину можно было только путем замены общинного землевладения единоличным, участковым, перевода земледельцев на последовательно капиталистический путь развития. Эти цели и преследовала Столыпинская аграрная реформа, являвшаяся логичным звеном в серии начатых реформой 1861 г. либеральных трансформаций традиционной России и вместе с тем реакцией верхов на участие крестьян в революции.

В соответствии с указом Николая II от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», подготовленном П.А.Столыпиным, крестьянам разрешалось получать паспорта без согласия «мира», т.е. общины. Отменялись и

ограничения в приеме крестьян на работу, им разрешалось свободное избрание места жительства и профессии, давались и другие права. В соответствии с другими указами царя, разрешался выход крестьян из общины с закреплением находящейся в фактическом их использовании надельной земли в качестве частной собственности. При этом за отделившимися крестьянами сохранилось право пользоваться общинными сенокосами, лесом, равно как и неперераспределяемыми угодьями: мирской усадебной землей, выгонами, пастбищами. Поощрялось хуторское расселение. Выдавались льготные ссуды «Крестьянским банком» для покупки из казны свободных земель. Предоставлялись льготы для переселения крестьян из Европейской части России в Сибирь и т.п.

Безусловно, Столыпинская реформа имела под собой определенное основание: развивавшийся в России капитализм не мог не затронуть крестьянина. Укрепившийся в городах и промышленных и полупромышленных селах капитализм, индустриальное развитие создавали уже иное, внеобщинное, городское умонастроение, характерное иным уровнем самосознания и индивидуализации. Зажиточные крестьяне и бедняки после отмены крепостничества меньше всего экономически были заинтересованы в выходе из общины: первые из-за того, что в пореформенной деревне получила огромное распространение внутриобщинная аренда земли, которая перераспределяла пашню и луг в пользу крепких хозяев, а душевое, уравнительное общинное налогообложение было выгодно сильным арендаторам, которые на деле увеличили свои наделы в полтора-два раза, поскольку наряду с этим происходило частичное переложение податей с богатых на бедных; бедняки же не в состоянии были провести обустройство на новом месте, не могли и продать на хуторе свой труд зажиточному крестьянину или сдать в аренду землю. Столыпинская реформа превратила крестьянскую землю в товар, выбросила ее на рынок и заставила бедняков пустить в оборот свой последний, родовой капитал. Около половины бывших общинников выделились только для того, чтобы продать свой надел, освободиться от землепашества и налогообложения и вместе с семьей переселиться в город: 83–85% их из-за спешки даже не успели свести свои наделы к одному месту.

Несмотря на активно проводимую Столыпиным и либералами аграрную реформу разрушить общину не сумели. Именно община со своим мирским самоуправлением обеспечила в значительной мере установление Советской власти, а впоследствии – проведение коллективизации. Так получилось потому, что община оставалась законодателем образа жизни, исторически сложившихся сельских отношений и их структуры, установок и ценностей.

Насколько завязана реформа 1861 г. на проблемы российской современности? По словам выступления президента Д.Медведева на конференции в Санкт-Петербурге дела либеральных реформ 150-летней давности завязаны на проблемы российской современности *напрямую.* Президент знает, что проводимые им и его либеральными коллегами преобразования уничтожают остатки российского крестьянского сословия и в этом смысле преемственность нынешнего государственного курса по отношению, скажем, к столыпинской политике несомненна. Можно согласиться и с тем, что нынешние либералы продолжают проложенный полтора века назад и прерванный советской эпохой курс на неоколониальное подчинение нашей страны западному капиталу, ибо доля его в современной российской экономике и зависимость ее от зарубежного импорта год от года растут. Тем не менее, опрометчиво говорить, что «по сути, мы продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад». Принципиально несхожего в этих курсах не меньше, чем исторических аллюзий их преемственности.

Начать с того, что встав на путь либеральных реформ, дореволюционные реформаторы брали у Запада образцы лучшего, наиболее эффективного опыта. Современные же либеральные российские реформаторы берут у него то, от чего развитые страны уже отказались: ту же неолиберальную парадигму преобразований, которая ими навязывается развивающимся странам, но осторожно применяется у себя; пресловутый «Болонский процесс», ЕГЭ и экономическая прагматизация образования и т.д.

Далее, проложенный александровскими реформами курс либеральных преобразований при всех его изъянах выражал переход от менее высокой стадии социально-экономического состояния российского общества к более высокой, т.е. характеризовался качествами его исторического прогресса. Тогда как современный курс их знаменуется системной и устойчивой социально-экономической деградацией страны.

Царское правительство при всем его покровительстве буржуазно-экономическим веяниям ограничивало либеральный подрыв цивилизационных основ культуры, образования и других ее сфер, в результате чего в России развились великая литература, музыка, театр. Современная либеральная политика в этих сферах, отдав их шоу-бизнесу, породила лишь бездуховную масс-культуру, массу невежественной образованщины.

Даже при ошибочной экономической политике дореволюционные либеральные реформаторы реально проводили политику обеспечения национальной безопасности России, повышения ее веса в мировых делах. Знамени-

тая фраза Горчакова «Россия сосредотачивается» имела существенное позитивное наполнение. Международная и внутренняя политика современных либеральных модернизаторов характеризуется цепочкой акций сдачи геополитических позиций и ослабления оборонной мощи страны.

Можно еще долго перечислять принципиальные отличия практики дореволюционных либеральных реформ и практического курса буржуазного передела России современными либералами. Этот курс хаотичнее, бестолковее, пагубнее и эти *различия* являются следствием управленческой некомпетентности и социально-политической ущербности правящей ныне либеральной элиты.

Тупики российского либерализма и выход из него. Обращаясь снова к форме исторического прогностического анализа, заглянем в наш современный день, который могла бы обеспечить «советская Россия, которую мы потеряли». Не будем брать период горбачевской перестройки, он уже характеризовался развалом социализма. Но за предшествовавшую четверть века развитие России примечательно ее последовательным (даже в пору «брежневского застоя») ростом экономики, в том числе сельской, благосостояния людей, социальной инфраструктуры, образования, культуры. Происходил успешный переход от мобилизационного, обусловленного военными и иными объективными обстоятельствами, алгоритма развития российского общества к самоуправлению не только в общественных, но и в производственных делах. Поскольку предыдущий опыт советского развития свидетельствовал, что, несмотря на те или иные просчеты, в главном и основном народнохозяйственные социально-экономические планы страной выполнялись, то даже при сохранении темпов роста «брежневского застоя» за последние двадцать лет, к 2010 г. в стране, материальная мощь реального экономического потенциала России выросла бы в 4–5 раз, сегодня она составляет менее 40% к уровню 1990 г., и ее ВВП определяет, в основном финансово-спекулятивный «воздух». Что касается свобод, об успехах обеспечения которых часто говорится, то они в современной России избирательны и во многих областях жизни, в первую очередь в экономике, доступны немногим.

ПРЕДЕЛЬНО КРИТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Методологический подход к исследованию явлений с помощью построения систем предельно критических показателей давно и плодотворно используется в различных областях научного знания. Наиболее успешно он применяется в технических разработках (например, при математических обоснованиях надежности машин), медицине, экологии. В социальных науках этот подход нашел наибольшее применение в экономике, например, при определении порога (черты) бедности. Универсальное в этом подходе составляет представление об исследуемом объекте как о механической, органической или социальной системе, имеющей максимально или минимально допустимые параметры своего функционирования, которые можно измерить определенными показателями. Выход за пределы этих параметров угрожает системе приближением ее деформации к «точке невозврата», полным или частичным разрушением.

Разработка теории предельно критических показателей развития российского общества и построение на основе обобщения отечественного и мирового опыта *шкалы* этих показателей является одним из эффективных методов диагностики общественного развития[1].

Социальная система «имеет по каждому жизненно важному параметру свою энтропическую границу, переход за которую означает гибель рассматриваемой системы как единого целого»[2]. Приближение показателей развития основных подсистем к предельно критическим величинам означает, что общество находится в состоянии кризиса, уровень рисков при этом возрастает и для своего сохранения система объективно нуждается в изменении

[1] Метод разработан в ИСПИ РАН. Инициатор идеи разработки системы предельно критических показателей развития российского общества – В.В.Локосов. Впервые таблица, состоящая из 20 показателей, была опубликована в статье Г.В.Осипова и В.В.Локосова «Пределы падения» (см. *Осипов Г.В.* Социология и политика. М., 1995. С.556–568).

[2] *Горский Ю.М.* Хаос, управление, конкуренция. Якутск, 1991. С.22.

неадекватных механизмов ее функционирования, т.е. в реформах или трансформации.

Терминологически максимально/минимально возможные индикативные параметры функционирования системы обозначаются как предельные, предельно допустимые, критические, предельно критические, пороговые. В случае социальных наук наиболее точно употребление термина «предельно критические показатели», в котором сочетаются три смысловых значения: во-первых, предельная, пороговая величина показателя; во-вторых, экстремальность ситуации; в третьих, критическое понимание величины показателя и экстремальности ситуации, необходимое для принятия адекватных решений.

Для информационно-аналитического обеспечения преобразований важно определить и отслеживать предельно критические величины основных показателей развития общества, чтобы не допустить эскалации деформации – процессов социальной дезорганизации и деградации. Предельно критическая величина показателей не означает полного распада той или иной сферы жизнедеятельности общества. Динамика показателей в сторону предельно критических величин, прежде всего, свидетельствует о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений и о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций.

Предельно критические социальные показатели в силу слабоэкспериментальной специфики исследовательского объекта имеют ряд методологических сложностей построения, это грозит произвольностью выбранных показателей и субъективностью определения пороговых величин.

Существуют несколько способов определения базисных социальных показателей и их предельно критических величин (значений). Наиболее распространенный способ определения предельно критического значения (ПКЗ) показателя – это экспертная оценка, которая иногда принимается официально. Например, уровень бедности в США констатируется, если лично располагаемый доход составляет менее 40% от медианного (среднего) дохода, в большинстве стран Европы – менее 50%, в Скандинавии – 60%.

Наиболее известны и часто используются ПКЗ показателей Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Например, сегодня в российских СМИ популярен предельно критический показатель потребления алкоголя – 8 л чистого алкоголя на душу населения в стране. В докладе ВОЗ за 1975 г. указывалось, что потребление алкоголя более 11 л в год на душу населения приводит к превышению смертности над рождаемостью. Это спорное утверждение, но наличие существенных негативных социальных последствий при чрезмер-

ном употреблении алкоголя не вызывает сомнений. Согласно уставу ВОЗ здоровье человека определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней», следовательно, негативные последствия алкоголизации населения имеют мультисоциальные последствия.

Иное дело – как определить пороговую величину этого показателя. Универсальный показатель 8 л на душу населения дает «точку критического отсчета» и нуждается в дополнительной интерпретации. Во-первых, статистические данные об употреблении алкоголя зачастую расходятся. Например, в РФ статистические данные об употреблении алкоголя в 2007 г. варьировались от 10,2 л до 18,5 л чистого алкоголя на душу населения, и это без учета подпольной продукции и суррогата. Во-вторых, структура потребляемых алкогольных напитков не учитывается при пересчете на условные единицы абсолютного алкоголя. В России доля крепких спиртных напитков составляет 72%, в большинстве других стран – 25–30%[1]

Характерным примером является определение наличия эпидемии гриппа. Основной индикатор един для всех: количество заболеваний в день на 10 тыс. населения. Но конкретная величина эпидемического порога широко варьируется. Так, в Астрахани эпидемия гриппа объявляется, если в городе прибавляется 35 заболевших в день на 10 тыс. горожан, в Калининграде – 113, Москве – 150.

Построение системы предельно критических показателей сталкивается и с другими методическими сложностями, среди которых можно выделить следующие.

Выбор или разработка жизненно важных показателей развития общества. Существует сложность аргументации сделанного выбора: почему конкретный, выбранный исследователем набор показателей дает полную и объективную характеристику «узловых» точек развития той или иной сферы жизнедеятельности общества. Кроме того, перечень показателей желательно свести к допустимому минимуму, но не в ущерб достаточности и достоверности получаемой информации.

[1] См. *Заиграев Г.Г.* Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // «СОЦИС». 2009, №8. С.74–84.

Комплексность подхода и разработка результирующих индексов. При определении предельно критического порога деформации социальной системы следует учитывать совокупность, комбинацию показателей, так как критическое отклонение одного или даже нескольких параметров от нормы далеко не всегда точно характеризует общую ситуацию. Построение результирующих показателей, индексов, в которых была бы интегрирована информация о предельно-критических показателях, дает возможность делать выводы и оценивать ситуацию в целом.

Сложности компаративного анализа. Специфика социально-политического и экономического построения и функционирования каждого общества заставляет с осторожностью использовать унифицированные показатели развития, так как «критические точки», «пределы возможностей», свойственные одной стране, могут иметь иные параметры и интерпретацию в других странах. Помимо этого, в различных государствах приняты свои методы сбора и обработки статистической и социологической информации, что также затрудняет сравнительный анализ сходных социальных процессов.

Прогностические ограничения. Предельно критическая величина показателей развития дает исследователям возможность построения вероятностного сценария развития, приближения объекта к зоне бифуркации, однако не избавляет его от уязвимых сторон. Во-первых, важнейшее, иногда доминирующее влияние на ситуацию оказывает в социетальной системе субъективный фактор, локальный контекст. Во-вторых, прогнозы, как правило, отличаются хронологической неопределенностью, так как точно рассчитать, когда «предельно критическое» развитие приведет социетальную систему к катастрофе или распаду, затруднительно.

Предельно критические значения основных показателей развития общества следует интерпретировать обязательно с учетом интеграционного единства социальной системы. Существуют по крайней мере три важных особенности функционирования общества, которые следует учитывать при построении и использовании системы предельно критических показателей его развития: **компенсаторный механизм взаимодействия структур и элементов социальной системы, синергетический эффект и «принцип домино».**

Для сохранения стабильности социальные системы обладают **защитным механизмом компенсации потерь** за счет привлечения дополнительных ресурсов из устойчиво работающих подсистем в находящиеся в кризис-

ном состоянии. Этот механизм проявляется также в перераспределении функциональных обязанностей с целью временного замещения социальных подсистем, вышедших из нормального режима работы.

«Эффект синергии» наблюдается в ситуации, когда определенное сочетание факторов приводит к тому, что реальная сила их комбинированного воздействия значительно отличается от суммарного воздействия каждого из них в отдельности. В результате получается неожиданно мощное, или, наоборот, слабое воздействие на ситуацию.

Важную роль в развитии социальной системы может сыграть известный **«принцип домино»**, когда процессы в обществе достигают той «критической точки», после которой наступает цепная реакция последствий. Их последовательная и жесткая заданность делает нейтрализацию такой обвальной реакции ресурсоемкой и трудновыполнимой.

Простая экстраполяция негативного влияния предельно критических показателей развития общества, без учета вероятности проявления механизмов «компенсации», «синергии» и «принципа домино» может привести к неточным выводам, сместить аналитические оценки ситуации в катастрофическую или идеализированную крайности. Подсчитать математическими методами эти коэффициенты затруднительно, но аналитикам необходимо принимать во внимание нелинейный характер протекающих в обществе процессов.

Несмотря на указанные сложности в выработке достоверной и надежной оценки состояния общества, его стабильности, методика построения системы предельно критических показателей, определение пороговых значений социальной дезорганизации, по нашему мнению, представляется полезной для проведения мониторинга национальной безопасности и оценки последствий принимаемых управленческих решений. Исходя из этих целей, в Институте социально-политических исследований РАН впервые была построена такая система показателей (см. табл. 1[1]).

[1] Инициатор идеи разработки системы предельно критических показателей развития российского общества – В.В.Локосов. Впервые таблица, состоящая из 20 показателей, была опубликована в статье Г.В.Осипова и В.В.Локосова «Пределы падения» (см. *Осипов Г.В.* Социология и политика, 1995. С.556–568).

Таблица 1

Соотношение предельно критических и реальных значений показателей развития российского общества в 2000 и в 2009 гг.

№ п.п	Название показателя	Предельно критическое значение	Величина показателя в 2000 в РФ	Величина показателя в 2009 в РФ	Вероятные социальные последствия
	а	б	в	г	д
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА					
1	Доля импортных продуктов питания	30%	35%	41% (Москва – 70%)	Угроза продовольственной безопасности
2	Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	50%	12%	23%	Сохранение сырьевой структуры экономики
3	Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	15%	1%	1,7%	Технологическое отставание экономики
4	Доля от ВВП государственных расходов на гражданскую науку	3%	0,4%	0,4%	Разрушение научно-технического потенциала
5	Изношенность основных производственных фондов	40%	75%	78%	Увеличение риска техногенных катастроф
6	Доля интеллектуальной собственности в стоимости бизнеса	25%	6%	10%	Низкое значение нематериальных активов и снижение инновационности экономики
7	Соотношение минимальной и средней заработной платы	1:3	1:18	1:4	Деквалификация рабочей силы
СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА					
8	Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан	9:1	14:1	16:1 (40:1 с учетом скрытых доходов)	Деформация социальной структуры и обострение социальных отношений
9	Доля населения, живущего за чертой бедности	10%	34%	15% (30% по оценке экспертов)	Обнищание населения
10	Уровень безработицы	10%	12%	7% (Ингушетия – 47%)	Рост социально обездоленного населения и экстремистских настроений
11	Минимальный медицинский уровень потребляемых килокалорий в сутки	3000	2097	2564	Постоянное недоедание и ухудшение здоровья нации
12	Доля импорта лекарственных средств	45%	70%	81%	Угроза медицинской безопасности
13	Уровень удовлетворенности получаемым образованием	40%	22%	24%	Снижение социального самочувствия
14	Уровень удовлетворенности медицинским обслуживанием	40%	15%	14%	Снижение социального самочувствия

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ					
15	Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,65	1,25	Смертность превышает рождаемость
16	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14 – 2,15	1,19	1,55	Отсутствие простого замещения поколений
17	Ожидаемая продолжительность жизни населения	75 лет	65 лет	68 лет	Снижение качества жизни
18	Доля лиц старше 65 лет к общей численности населения (коэффициент старения населения)	7%	12%	13%	Демографическое старение населения
19	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,800 пунктов	0,778 пунктов	0,817 пунктов	Деградация человеческого потенциала
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ					
20	Доля от ВВП государственных расходов на экологию	5%	0,1%	0,8%	Угроза экологической безопасности
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ					
21	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения	1800	2 280	2 232	Криминализация общественных отношений
22	Уровень потребления алкоголя (количество литров абсолютного алкоголя на душу населения)	8 л	14,5 л	15,5 л	Физическая деградация населения
23	Доля людей, потребляющих наркотики	7%	3%	3,5%	Физическая деградация населения
24	Число суицидов на 100 тыс. населения	20	38	36	Фрустрация массового сознания
25	Уровень распространенности психической патологии на 1000 человек	360 (2010, оценка, по 25 странам)	280 (1992)	354 (оценка)	Рост психопатологий
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА					
26	Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы	40%	34%	31%	Делегитимация власти
27	Уровень удовлетворенности деятельностью исполнительных органов власти субъектов РФ	40%	36%	30%	Отчуждение региональной власти от народа
28	Уровень доверия населения к центральным органам власти	50%	20%	39%	Отчуждение центральной власти от народа
ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ					
29	Доля новейших образцов оружия и боевой техники	60%	30%	25%	Отставание качества технического оснащения армии
30	Уровень доверия населения к армии	40%	38%	46%	Падение престижа армии

Многолетняя динамика изменений предельно критических показателей приводит к тревожным выводам: какие бы сферы общественной жизнедеятельности не анализировались, по большинству важнейших показателей они находятся за критической чертой развития. Складывается абсурдная ситуация, когда ради формирования условий эффективного развития общества разрушается основа его жизнедеятельности. Социальная цена реформ, превысив пороговые отметки, становится доминирующим фактором общественного развития, формируя критическую массу распада государства и общества.

Под угрозой находится самообеспечение населения России продуктами питания. В мировой практике в качестве критического принято считать 30-процентный уровень потребления импортных продуктов питания, после которого возникает стратегическая зависимость от импортеров. Россия закупает сейчас около 40% потребляемых продуктов питания, а крупнейшие города, например, Москва, на 70% зависят от поставок продуктов питания из-за рубежа.

Угрожающим, с точки зрения устойчивости экономического развития и перспектив технологической модернизации российской промышленности представляется консервация преимущественно топливно-сырьевой структуры российского экспорта – около 75% общего объема, в том числе 56% экспорта – топливно-энергетические товары. Страна продает за границу около 50% добываемой сырой нефти, 70% минеральных удобрений, 80% первичного алюминия и т.д. Причем структура экспорта нефтепродуктов неизменно ухудшается: доля мазута выросла с 33% (2001) до 53% (2009). Россия сможет занять достойное место на мировом рынке только при возрастающих объемах экспорта продукции обрабатывающей промышленности (более 40%) и высокотехнологической, наукоемкой продукции (10–15%).

Реализуемый курс реформирования экономических отношений, в том числе избранная схема приватизации, криминализация производственных отношений привели к снижению производительности труда и вызвали негативные изменения отношения населения к труду, как нравственной ценности.

Важнейшим следствием углубления социально-экономического кризиса становится безработица. Рассчитанная по методике Международной организации труда (МОТ) доля безработных в середине 2010 г. составила 6,6% экономически активного населения. В западных странах 8–10-процентный уровень безработицы квалифицируется как тревожный. Но эти данные не учитывают большую по масштабам скрытую безработицу. Боязнь потерять работу испытывали 60% трудоспособных россиян. В России ситуация усугубляется

тем, что, по данным Росстата региональные различия по уровню безработицы достигают 41 раза. Например, уровень безработицы жителей Северного Кавказа превышает 60% трудоспособного населения. Риторически спросим, как можно вести успешную борьбу с исламистским экстремизмом при такой безработице.

Расслоение общества по доходам превысило предельно допустимые для стабильных государств нормы. Превышение десятикратной разницы в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения считается нежелательным для многих развитых стран. В России в 2009 г. 10% наиболее обеспеченных слоев населения получали доходы в 16 раз превышающие доходы 10% наименее обеспеченных. Это официальные данные, но если учитывать скрываемые доходы, децильный коэффициент возрастет в 2–2,5 раза. Неблагоприятны и показатели соотношения средней и минимальной заработной платы: в целом по России последняя составляла лишь 20% от средней, в то время как в социально ориентированном обществе она обычно не ниже 40%. Следует учитывать, что среднестатистические показатели в условиях глубокой социальной поляризации отчасти теряют свою значимость, и для объективной оценки положения требуется информация с дифференциацией по регионам и основным социальным группам.

Специального внимания заслуживает рассмотрение пороговых значений бюджетных средств, выделяемых на развитие различных общественных сфер. Так, считается обязательным, чтобы расходы на здравоохранение были не менее 8% от ВВП, оборону – 3%, образование – 5%, науку – 3%, природоохранную деятельность – 5% и т.д. Расходы на здравоохранение в США составляют 14% от ВВП, в Германии – 9%, в России – 3%. Аналогичная ситуация складывается и в отношении расходов на образование, науку, природоохранные меры. Доля расходов на науку повсеместно коррелирует с успехами экономики, а в России численность научных кадров уменьшилась почти в 2 раза, и это единственный случай среди экономически развитых стран. Показательны в этой связи слова Б.Абамы: «Американцам не пристало отставать. Америка должна быть лидером. И сейчас нам пора вновь выйти вперед. И сегодня я хочу поставить эту цель: мы вложим более 3% ВВП в научные исследования. Мы будем не просто соответствовать; мы превзойдем уровень, достигнутый в разгар гонки по космическим исследованиям».

Фактически наблюдается криминализация всей системы общественных отношений. В мировой практике критическим считается уровень преступности, равный 6 тыс. преступлений на 100 тыс. населения. Этот показатель, по мнению экспертов ВНИИ МВД РФ, является излишне обобщенным и

может с известной долей условности применяться при изучении девиантного поведения в России. Называются две главные причины. Во-первых, количество всех преступлений без их структурирования по видам дает «размытое» представление о криминогенной ситуации, на основании которого трудно сделать выводы о предельно-критической величине показателя. Во-вторых, по данным Криминологической ассоциации России, латентная преступность в стране достигает примерно двух третей от общего объема. Поэтому, если просуммировать зарегистрированную и латентную преступность; то в современном российском обществе происходит около 6–6,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения.

Разрушение и деформация традиционных гуманистических ценностей общества сопровождается ростом чрезвычайных и стрессовых ситуаций, следствием которых является эскалация психического травматизма населения. Критическим уровнем, по оценке ВОЗ, считается 20 суицидов на 100 тыс. населения, в РФ этот показатель превышен почти вдвое. На региональном уровне критический по мировым меркам уровень самоубийств был превышен в 3,5–4 раза.

Существуют серьезные проблемы в демографической, экологической и многих других сферах общественной жизнедеятельности. Превышена допустимая зависимость страны от импорта лекарственных препаратов. Есть и позитивные изменения, которые, в частности, касаются роста социальной активности населения, утраты патерналистских иллюзий, преобладания расчета не на то, как устроено общество (что наблюдалось ранее), а в основном на себя, свою семью.

Опыт разработки системы предельно критических показателей развития общества был в целом конструктивным, о чем, в частности, свидетельствует активное использование в последние годы этого методического подхода в научных и политических кругах. Так, в Совете Безопасности на основании этого подхода был разработан перечень показателей экономической безопасности РФ[1], на показатели «пределов падения» ссылаются политики, руководители министерств, например, при утверждении бюджета, появились научные публикации о предельно-допустимых параметрах в военной сфере[2], о «критической массе» интеллектуального потенциала[3], политической безопасности[1] и др.

---

[1] См. *Глазьев С.* За критической чертой. М., 1996.

[2] См. *Серебрянников В., Дерюгин Ю.* Социология армии. М., 1996. С.20.

[3] См. *Симановский С.И.* «Критическая масса» интеллектуального потенциала и технологическая безопасность России // «Вестник Российской академии наук». 1996. Т. 66. С.3.

Академик Л.И.Абалкин пишет о том, что надо «отработать систему социальных индикаторов, носящих нормативный характер и определяющих предельные (пороговые) значения показателей занятости, минимальных доходов и др., переход через которые представляет угрозу экономической безопасности страны»[2].

Сегодня предлагаются новые показатели, например, разница в валовом региональном продукте не должна превышать 5 раз, а в РФ она достигает 25 раз (Г.Г.Малинецкий); титульное население не должно быть менее 60% (В.Моденов, А.Носов); доля доходов органов местной власти, необходимых для выполнения своих функций должна составлять 75%, в РФ она доходит до 8% (М.Е.Николаев); доля обрабатывающих отраслей промышленности не должна быть ниже 20% в экономике[3]. В настоящее время существует потребность в принятии апробированной в государственной и социальной практике и научно значимой для российских условий системы показателей развития общества и их предельно критических значений, которые могут уточняться, расширяться и эффективно использоваться при диагностике общественного развития и построении прогнозов-вызовов.

[1] См. Национальные интересы и проблемы безопасности России. Доклад по итогам исследования, проведенного Центром глобальных программ Горбачев-Фонда в 1995–1997 гг. М., 1997. С.20.

[2] Абалкин Л. Отложенные перемены или Потерянный год. М., 1997. С.213.

[3] Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М., 2009, С. 39.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ ФЕДЕРАЦИИ

Представление об оптимальной форме территориально-государственного устройства России носит устойчивый характер. По социологическим данным, за федерацию высказывается от 82% до 60% граждан РФ; унитарное государство – от 16% до 3%; конфедерацию – от 9% до 3%. За весь период наблюдений последнего десятилетия этот показатель остается стабильным.

Сравнительные исследования также фиксируют, что в экспертном сознании постепенно утверждается отрицание идеи о том, что «каждый народ, проживающий на территории РФ, должен иметь самостоятельную государственность». Если в период «парада суверенитетов» 90-х гг. такая идея была достаточно распространенной, то в первое десятилетие 2000-х утвердилось доминирование обратной тенденции. Так, в областях (краях) РФ отказывают в праве на реализацию подобной этнократической идеи 80–90% респондентов, в республиках аналогичный показатель несколько меньше (например, в Северной Осетии он составил 67%).

Вместе с тем многие респонденты в регионах разделяли иной принцип – «республики, входящие в РФ имеют право выхода из нее». Причем поддержка эта характерна как собственно для республик в составе РФ, так и для отдельных краев (областей) Российской Федерации. Показательно, что наиболее высокий уровень согласия с данным тезисом был зафиксирован в рамках исследования в отдельных республиках в составе РФ (до 40%).

Достаточно высокий уровень поддержки права выхода из состава РФ фиксировался в течение 90-х гг. в целом. При этом данный тезис стабильно разделяли как представители республик, так и других регионов. По всей видимости, на отношении к данному тезису серьезно не повлияли даже те серьезные отличия, которые были присущи федеративной политике в течение двух последних десятилетий. Таким образом, то, что определенная часть экспертного, так и массового сознания допускает реализацию идеи сецессии терри-

ториальных единиц федерации является одним из серьезных факторов потенциальной политической нестабильности страны в целом.

В этом же русле следует рассматривать зафиксированную тенденцию на поддержание особых прав представителей коренной (титульной) национальности по сравнению со всеми другими жителями конкретного региона. Согласие с данной идеей проявили от 10% до 25% респондентов в различных регионах.

В последние годы тема возможности дезинтеграции или, по крайней мере, сецессионных тенденций продолжает привлекать внимание специалистов-практиков, представителей экспертного сообщества. С одной стороны, по сравнению с периодом «парада суверенитетов» частота упоминаний данной проблематики ослабла. Этому способствует ряд обстоятельств – усиление централистских начал управления страной и консолидация властных ресурсов, укрепление вертикали власти, приведение законов субъектов федерации в соответствие с требованиями общефедеральных норм, общее позитивные тенденция развития экономики страны, укрепление субъектности страны на международной арене и т.п.

Однако потенциальные угрозы и возможности для «раскручивания» дезинтеграционных процессов в целом остаются. Последние имеют как внутренний, так и внешний характер; как субъективную, так и объективную природу. Этой возможности способствуют такие, например, факторы как: наличие национально-территориального принципа организации федерации; существующие очаги (пусть, зачастую, в потенциальном плане) межнациональных конфликтов; негативные демографические тенденции; неравномерность и поляризация развития регионов.

Замеры массовых настроений, проводившиеся различными исследовательскими организациями дают не во всем совпадающее результаты. Исследования сектора социальных индикаторов и показателей федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН показали, что, например, в 2007 г. большинству населения присущим было мнение об относительно стабильных перспективах страны или даже ее расширении. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Какое, по Вашему мнению, будущее ожидает Россию?»: «Россия будет существовать в нынешних границах» – 26–32%; «Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов» – 32–42%; «Россия обречена на дальнейший распад» – 7–14%. (По данным других исследовательских центров перспективу распада страны допускали до четверти опрошенных россиян.)

В ряду факторов, способствующих дезинтеграционным процессам в качестве важнейших выделяются этнический и конфессиональный. Именно последние формируют необходимую почву для запуска сецессионых процессов. Несмотря на очевидные результаты политики по ослаблению центробежных тенденций, которые наблюдались в первой половине 2000-х гг. в ряде современных публикаций настойчиво проводится мысль о постоянном стремлении национальных республик к полной независимости[1]. Причем это относится не только к республикам Северного Кавказа, но и практически всем другим национальным образованиям в составе РФ. Характерно, что наряду с указанием потенциально опасных причин для стабильности федерации, зачастую, можно встретиться с «императивностью» идеи – России, якобы, суждено распасться «объективно». Напомним, однако, что «объективность» используемых фактов – есть результат избирательности теоретических построений того или иного автора, преследующего конкретные цели.

Тема причин и факторов возможного распада РФ содержательно соотносится с известным отчетом «Глобальные тенденции-2015. Диалог о будущем с неправительственными экспертами», получившим публичную известность[2]. Показателен в этой связи опубликованный позднее совместный доклад «Фонда Карнеги за международный мир» и «Фонда Мира», в котором проводится изложение перспектив распада современных государств. Совокупность индикаторов, фиксирующих негативные влияния ситуацию стабильности подразделяется здесь на следующие группы – социальные факторы, экономическая ситуация, нарушения прав человека.

Согласно результатам многокритериального анализа Россия попала в список стран «способных к дезинтеграции». Показательно, что если ранее России предрекался распад на несколько государств, то нынешняя версия прогноза не столь «радикальна». Россия находится в конце списка из 60 стран, и ее относят к государствам, имеющим «значительные шансы» на распад в будущем. Согласно мнению отдельных экспертов, дезинтеграционный потенциал страны, наряду с прочими обстоятельствами, обусловлен наблюдавшейся в последнее время общей закономерностью – распад национальных

[1] См. напр., *Мамот О.* Курс на закат. Почему распадется Российская Федерация // «Прогнозис». 2004, №1. С.131–146.

[2] В соответствии с прогнозами данного проекта Россию в будущем распад на несколько независимых государств.

федераций (прежде всего Югославии) не является однократным «актом». В частности, об этом свидетельствуют опыт разделения Сербии и Черногории, сецессия Косова. Другими словами, к России (в потенциальном плане) может быть применим балканский сценарий. Это тем более так, учитывая наличие национально-территориальных образований, территории потенциально чреватые серьезными межнациональными конфликтами и другие негативные факторы.

Следует отметить также, что тема возможной сецессии российских регионов и территорий, очевидно, просматривается как некоторое «прикладное» следствие из теоретической дискуссии о «федерализме–конфедерализме», имевшей место в отдельных медиа и особенно в сфере Интерент. Показательно, что среди аргументов в пользу движения в пользу конфедеративных начал построения государственности зачастую указывают на гиперцентрализацию, традиционно присущую российской организации социума. Здесь проявляются попытки некоторой «теоретической легитимации» дальнейшего распада страны. Под благозвучными предлогами развития локального гражданского общества и местных инициатив налицо попытка противопоставления российских регионов друг другу. При этом, можно встретить концепты, где за словами о необходимости отказа от «имперского наследия» и задачами строительства новой цивилизации на практике предлагается отказ от существующей на сегодня территориальной модели государственности.

Стабильность федерации зависит, среди прочего, от наличия базовых идеологических констант, которые, так или иначе, разделяются большинством населения. Именно общие ценности представляют важнейшие духовные скрепы общества, вне которых любые, даже самые благие реформаторские намерения могут обернуться своей противоположностью.

Общий вектор реформ и политики в последнее десятилетие можно оценивать как некоторый синтез радикально-либеральных подходов в экономике, с одной стороны, и укрепления позиций государства в других областях при опоре на патриотическую риторику – с другой. В какой мере предложенная практика оказывается соотносящейся с массовыми настроениями общества и, в этом смысле, может рассматриваться в качестве предпосылки успешной реализации задач по развитию страны в целом? Ориентируясь на данные исследований политико-идеологических настроений (как массового, так и экспертного сознания), которые мы фиксируем в течение последнего десятилетия, можно сделать следующие выводы.

Одним из важнейших условий развития в целом и стабильности федерации, в частности, является доверие к власти. Приходится констатировать,

что, судя по результатам исследований, уровень доверия ко всем ветвям власти оказывается крайне невысоким. Единственно позитивным фактором здесь является относительно высокий уровень доверия первым лицам государства. Фактически получается, что высокий рейтинг Президента и Премьера оказывается фактором, который «легитимизирует» в глазах населения новации власти. Однако на фоне недоверия и, можно сказать, отчуждения граждан от власти во всех других ее проявлениях, этого, безусловно, мало.

Другим фактором, который негативно действует на атмосферу в обществе, является растущее социальное неравенство. Не случайно, что среди ответов на вопрос: «Чьи интересы выражает и защищает российское государство?» со значительным отрывом от остальных «лидируют» две позиции – «богатых» (от 38% до 48% по разным регионам); «государственной бюрократии» (от 25% до 37%). В том же контексте, как представляется, следует оценивать распределение ответов на вопрос о том, что беспокоит респондентов больше всего в повседневной жизни. В первой тройке в ранжированном ряду ответов здесь находятся следующие позиции: «дороговизна жизни», «расслоение общества на богатых и бедных» «рост преступности»,

Как следует из приведенных данных, значительная часть населения страны связывает именно с государством – в лице его аппарата управления – значительную часть своих негативных оценок повседневной жизни. Параллельно с этим, весьма низким оказывается уровень доверия различным ветвям власти. Первое и второе в совокупности создает не слишком продуктивную основу для разворачивания инноваций, равно как и не способствуют укреплению стабильности федеративного государства.

Какими могли бы быть ключевые идеологические «константы», которые были бы приемлемы для большинства общества? В ходе исследований последнего десятилетия постоянно фиксируется следующая тенденция. Среди основных понятий, которые могли бы составить содержание общенациональной идеи, со значительным отрывом от других лидируют следующие: «патриотизм», «социальная справедливость», «права человека», «общественный порядок». По разным регионам эти элементы в качестве составляющих национальной идеи поддержали от 35% до 58% опрошенных.

Если сопоставить два обсуждавшихся выше тезиса, то мы с очевидностью выходим на следующее противоречие. С одной стороны, престиж государства и властных структур (в их нынешнем виде) пользуется низкой поддержкой. С другой стороны, целый ряд базовых идей, которые могли бы служить объединению граждан, невозможны для реализации вне деятельности государства.

Это противоречие существенно ограничивает начинания власти по укреплению федеративной стабильности и развитию страны в целом. Дело в том, что акцент на патриотическое начало, который характерен для отдельных составляющих нынешнего курса, объективно ограничивается практикой радикально-либерального порядка как в собственно экономической сфере, так и в других областях. Другими словами, минимизация или уход государства из экономики, образования, сферы медицинского обслуживания, социального обеспечения, культуры и надежда на исключительное регулирование этих областей рыночными механизмами так или иначе приводит к ослаблению возможностей для «задействования» широкого спектра мотиваций патриотического характера.

Это тем более так, что радикальная рыночная риторика реально оказывается сопряженной с критикой идей коллективных усилий, самопожертвования, защиты национальных интересов. Именно эти моменты находят широкое отражение в деятельности общенациональных СМИ. Характерно и то, что темы традиционно сложившихся морали и нравственности при обсуждении этих вопросов как бы выносятся за скобки. Параллельно с этим, разгул коррупции и преступности приводят к отмиранию последних надежд в обществе на роль государства, а его аппарат теряет какие-либо основания легитимности у граждан. Мы все более переходим в состояние атомарного состояния общества, основной чертой которого является тотальное отчуждение.

В этой связи важно учитывать, что отчуждение от общества и государства отнюдь не рождает идеологического «вакуума». В массовых настроениях налицо широкое распространение культа потребительства и гедонизма, причем не ограниченного какими бы то ни было рамками. Это «адекватно» соотносится с радикально-либеральными подходами.

Исключительная ставка по развитию страны на максимизацию усилий частных индивидов, в основе которого лежат прежде всего эгоистические интересы, оказываются плохо сочетаемыми с традиционно сложившимися надеждами на роль государства и соответствующим типом ценностей. В этих условиях становится практически невозможной реализации любых проектов мобилизационного плана, а именно они выходят на повестку дня в условиях глобальных вызовов, предъявляемых нашей стране. Очевидно, здесь идет речь не столько о государственном патернализме, сколько о роли государства в поддержании морально-нравственной атмосферы, способствующей эффективному использованию имеющихся в обществе ресурсов.

Представляет несомненный интерес ответы на вопрос о том, что более всего сближает россиян. По мнению респондентов, таковыми являются следующие: «общность территории», «культурные традиции», «язык», «историческая память» (данные позиции поддерживают по разным регионам от 39% до 53% респондентов). Следует подчеркнуть, что ряд практических действий центральных властей, которые находят отражение в деятельности СМИ, зачастую способствуют не укреплению, а, скорее, ослаблению или размыванию объединяющих всех граждан страны ценностных представлений.

Региональная политика. В течение последних 7–8 лет взаимоотношения Центра и регионов претерпели значимые изменения. Подавляющее большинство из них были связаны с общим вектором политики российского руководства на укрепление целостности и безопасности страны, необходимостью стимулирования экономического развития в регионах. Серьезные усилия были предприняты для приведения в соответствие региональных законодательств по отношению к федеральному. В целом, эту политику можно характеризовать в терминах усиления централистских основ федерации, с одной стороны, оптимизации механизмов органов управления на всех уровнях, включая активизацию органов местного самоуправления – с другой.

Какие оценки получает региональная политика Центра на местах? Об этом, среди прочего, можно судить по результатам опросов экспертов в регионах. В частности, данные сравнительного исследования, проведенного в регионах в 2006 г. Респондентам было предложено ответить на следующий вопрос – «Как Вы в целом относитесь к региональной политике Центра в отношении Вашей области (края)?». Доля положительных оценок по этому вопросу составляет в Башкирии – 42%, в Мордовии 56%. Другими оказались мнения экспертов в Карачаево-Черкесии, где доля положительных оценок составила только 19%. Параллельно, доля отрицательных оценок политики Центра в отношении республики здесь оказалась высокой – 47%, по сравнению с более умеренными в этом аспекте оценками в Башкирии и Мордовии (18% и 10%, соответственно).

В Башкирии и Мордовии «кризисных или катастрофических» оценок ситуации в регионе оказалось не более 20%. В Карачаево-Черкесии ситуация выглядит более тревожной. Здесь оценку социально-экономического положения в регионе как «кризисную или катастрофическую» разделяют около 40% опрошенных.

Данные исследования фиксируют перечень основных причин, которые, по мнению опрошенных, определяют кризисное состояние ситуации в регионе. Показательно, что на первое место по числу упоминаний выходит такая позиция, как «коррумпированность региональных властей». Причем эта тенденция свойственна всем из исследуемых регионов. Значимо также и то, что сравнительные исследования во времени фиксируют весьма долгосрочный тренд «негативного» лидерства данной позиции.

Среди других факторов, определяющих «кризисные» или «катастрофические» тенденции, уровень интенсивности оценок оказывается неодинаковым по регионам. Наиболее показательными в этом плане являются данные по Карачаево-Черкесии: 38% упоминаний собрала такая позиция, как «деятельность региональных властей». Вместе с тем весьма высок уровень критических оценок в адрес «экономической политики Центра» – 30%. Другим отрицательным фактором текущего положения дел в республике была названа «криминализация жизни региона» – 37%. Таким образом, ситуация в данном регионе оказывается сопряженной с комплексом крайне острых социально-экономических и политических проблем, несущих в себе серьезный потенциал нестабильности.

Неоднозначными были мнения экспертов относительно степени самостоятельности, которыми располагают их регионы. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: «Достаточно ли самостоятельности имеет ваша область (край) для решения своих хозяйственных (социальных, культурных) проблем?». Если в Башкирии и Мордовии доли положительных и отрицательных суждений оказались сопоставимыми, то применительно к Карачаево-Черкесии ситуация выглядит иначе: 54% экспертов указали на недостаточность полномочий в сфере социальной, 46% в области хозяйственной.

Показательно, что во всех республиках, где проходило исследование, распространенными были мнения о праве получения регионом особого статуса или привилегий со стороны федерального Центра. В качестве аргументов, в поддержку данного соображения чаще других выделялись такие обстоятельства, как «особенности национального состава населения», «исторически сложившаяся структура экономики региона».

Вопрос об укрупнении регионов актуализировался в начале этого века Основанием этого являлись демократические процедуры, на которых посредством голосования были легитимированы изменения территориально-административного деления некоторых краев, областей и автономных образований внутри них. Как известно, в 2003–2007 гг. прошли референдумы об объеди-

нении Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа; Красноярского края с Таймырским и Эвенкийским автономными округами; Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа; Камчатской области и Корякского автономного округа; Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа.

Изначально задачи укрупнения исходили из идеи ликвидации проявлений «матрешечного» типа федерации, разностатусности субъектов ее составляющих, минимизации проявлений национально-территориальных форматов организации государственности. Не последними при этом были цели выравнивания социально-экономического положения объединяемых территорий. Аргументы в пользу такой политики также обосновывались необходимостью уменьшения общего числа субъектов федерации, задачами повышения ее управляемости.

Насколько успешной оказалась деятельность в этом направлении? Однозначного ответа на вопрос пока нет. В целом процесс далек от завершения, в ходе его реализации проявились тенденции различной направленности.

Очевидно, что укрупнение касалось в первую очередь тех образований, в которых данный процесс мог быть реализован, по возможности, с наименьшими издержками. В целом наблюдается тенденция, что чем сильнее в плане лоббирования своих интересов является «поглощаемый» субъект, тем сложнее происходит объединение. Процесс объединения регионов выявляет проблемы более общего плана. С одной стороны, они связаны с общим вектором реализации региональной политики в ее социально-экономическом измерении; с другой стороны, очевидной здесь является собственно политическая составляющая.

Говоря о социально-экономических особенностях региональной политики в РФ, необходимо выделить несколько объективно существующих обстоятельств, которые здесь необходимо принимать во внимание – весьма значительная по размерам территория и, соответственно, низкая плотность населения; низкий уровень развития инфраструктуры; неравномерность развития регионов, как в плане урбанизации, так и сельского хозяйства. По некоторым оценкам тенденция к росту различий между регионами лидерами и аутсайдерами имеет в последнее десятилетие положительную динамику и составляет в ряде случаев 10 и более раз.

В настоящее время ситуация в проведении социально-экономической политики кардинально отличается от периода последнего десятилетия XX века. Напомним, что в условиях глубокого хозяйственно-экономического и по-

литического кризиса, которым сопровождались «реформы» постсоветского периода возможности поддержки регионов были минимальными. Кроме того, не малую роль здесь играла идеология экономического либерализма, лекала которой также были «приложены» к региональным проблемам. Несколько упрощая, можно сказать, что здесь на первый план выдвигалась идея выживания сильнейшего и, соответственно, уход на второй план проблем неперспективных территорий, освоение которых (при наличии там природных ресурсов) представлялись возможными лишь «вахтенным» способом.

Ситуация в РФ первого десятилетия XXI века (по крайней мере, до начала глобального экономического кризиса осенью 2008 г.) являлась в корне отличной – наблюдался более или менее стабильный экономический рост, сопровождающийся определенным ростом благосостояния населения. Казалось бы, в этих условиях вопросы регионального развития должны быть оптимизированы, однако, это не совсем так.

Во-первых, региональная политика как таковая является во многом производной от задач стратегического характера, которые ставят перед собой государство и общество. Именно на отсутствие последних зачастую указывалось во многих дискуссия и публикациях, посвященных региональной проблематике. **Во-вторых,** серьезные региональные диспропорции государств современного мира являются, как показывает мировой опыт, следствием процессов глобализации – с постоянной миграцией капиталов и рабочей силы, которые, в свою очередь, обусловлены критериями прибыли и экономической эффективности. **В-третьих,** экономико-географическая и территориально-поселенческая специфика РФ, оказывается сопряженной с негативными тенденциями в демографической области, оттоком населения из депрессивных или труднодоступных регионов. **В-четвертых,** региональная политика, реализуемая Центром, продолжала в ряде случаев базироваться на устаревшем и неадекватном видении страны в координатах модели «догоняющего» развития, не предполагающая (в аспекте территориальной организации) акцентов на сбалансированное региональное развитие.

Вместе с тем, отдавая должное усилиям Центра по сглаживанию диспропорций и активизации деятельности в сфере развития регионов, нельзя не отметить ряда противоречий. Одним из существенных является попытка реализации эффективных, взятых вне российского контекста, рыночных принципов регионального регулирования без полноценного учета факторов политического, социального и геостратегического порядка. Одним из центральных в этой связи вопросов является поиск необходимого баланса между двумя

составляющими, объективно имеющими разнонаправленный характер. Это «поддерживающий», «уравнивающий» вектор, с одной стороны; и «мотивирующий», «достижительский» – с другой.

Первой является задача создании условий, чтобы депрессивные на сегодня регионы по возможности минимизировали свое отставание. Здесь актуальна роль Центра как в плане адресной поддержки, так и создания условий инициирующих развитие территорий. Вторая задача оказывается сопряженной с общим курсом на повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики в целом. Отсюда логичным является акцентированная адресная поддержка регионов лидеров, способных уже сейчас или в обозримой перспективе обеспечить опережающее развитие. Понятно, что многое в данных условиях зависит от того, насколько оптимальными будут усилия государства, с одной стороны, бизнеса (который также играет большую роль в плане осуществления инвестиционных проектов), а также самих регионов, прежде всего, в лице их руководства и региональных элит.

В концепции Министерства регионального развития, обнародованной в 2008 г., в качестве приоритета выдвинута идея сбалансированности. В рамках новой концепции предполагается разработать модель плановых (программных) районов для целей региональной политики. Последние представляют собой так называемые **таксоны** – типовые группы регионов, объединенные на основе индикаторов уровня социально-экономического развития, научно-технического и технологического потенциала, темпов роста и т.п.). Данный подход, основанный на макрозонировании направлен на разработку специфических методов, сбалансированной региональной политики – адекватной специфическим условиям региона конкретного типа. Важно отметить, что данный подход, по замыслу авторов, не должен входить в противоречие с принятыми административно-хозяйственными границами. В центре его для планирования горизонтальной интеграции и эффективного размещения государственных инфраструктурных инвестиций, а также привлечения отечественного и иностранного капитала в экономику региона.

Поскольку инвестиции подобного рода имеют межрегиональный характер, то вопрос, очевидно, так или иначе, оказывается созвучным теме макрорегионов и, хотя бы в неявном виде – известной теме укрупнения регионов. Обнадеживающим является то обстоятельство, что в ряде заявлений Министерства регионального развития последнего времени предложения о сокращении числа субъектов федерации не находят поддержки. Как представляется, вопрос об

укрупнении имеет отнюдь не чисто экономическое значение. Не менее, а, может быть, и более важными являются здесь собственно политические составляющие.

Объективно процесс укрупнения в ряде случаев приводит к изменениям зафиксированных ранее административных границ между субъектами, с одной стороны, и территориальному перераспределению центров власти с другой. Не последним по значимости является также то, что «переподчинение» предполагает включенность в это компактных групп населения, различающихся по этнокультурным характеристикам. Как показывает опыт последнего времени, это оказывается сопряженным с возникновением напряженности межнационального порядка.

Например, в течение последних нескольких лет в контексте проблематики укрупнения регионов достаточно активно обсуждался вопрос об объединении Республики Адыгеи с Краснодарским краем. Известно, что далеко не во всем оптимальными здесь оказываются отношения между представителями титульной нации и представителей т.н. русскоязычного населения. Диспропорциями характеризуется развитие экономики и социальной сферы республики. Изменение финансовых потоков, с которыми сопряжено возможная реорганизация, очевидно, повлияет на сложившийся расклад региональных сил и групп давления.

Здесь, по нашему мнению, представители этнических групп, теряющие присущее им ранее «титульное измерение», объективно могут испытывать недовольство лишением прежнего статуса. (В данном случае речь не идет о справедливости или нет национально-территориального устройства, сложившегося в советский период и унаследованной в значительной мере современной РФ.) Очевидно, что подобные настроения могут быть легко трансформированы в актуальную социальную практику сепартистского толка. Тема «ущемленности» прав представителей народов, проживающих в РФ, уже неоднократно использовалось в спекулятивных целях некоторыми зарубежными оппонентами и «партнерами».

Отметим, что укрупнение регионов может нести на себе не только негативные последствия, связанные с ростом межнациональной напряженности и этнического сепаратизма. Как представляется, оправданными могут быть предостережения, связанные с тем, что укрупнение регионов объективно ведет к формированию «супер-областей», сосредотачивающими в своем распоряжении огромные ресурсы и, возможно, заинтересованные в минимизации влияния Центра. Напомним, что в соответствии с одним из планов по управлению российской территорией после распада страны «оптимальным»

является появление нескольких государств, границы которых подозрительным образом совпадают с имеющимися на сегодня федеральными округами.

Кроме того, тема укрупнения неизбежно сопровождается поисками новой (или хорошо забытой старой) национально-территориальной идентичности. Примером здесь может быть тема сибирского региона. Вопросы перспектив данного региона, фиксация объективных трудностей его развития сопрягается в некоторых публикациях с темой Сибирской республики, как плодотворного концепта ряда ученых и публицистов конца XIX–начала XX вв. Так, в отдельных работах подчеркивается, актуальность современного прочтения опыта «сибирского федерализма»[1]. Подчеркивается, что по сути дела, «до решения вопросов поднятых областниками так дело и не дошло: когда будет осуществлено фактическое равенство Центра и провинции» – так ставят вопрос авторы. «Есть ли у Сибири региональные интересы? Почему она до сих пор остается придатком России? К сожалению, опыт патриотов Сибири оказался отброшен», заключают авторы. Среди прочего, стоит заметить, что теоретическим стержнем доктрины является идея свободы, которую «патриоты» Сибири видели, прежде всего, с освобождением человека, ломкой барьеров, его окружающих. Характерно, что в ряде областнических «построений» применительно к Сибири утверждалось, что единство языка и веры не является препятствием для разделения одного и того же народа на разные государства.

Местное самоуправление в изменившемся правовом поле. Новый Федеральный закон №131-83 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в первую очередь, нацелен на ликвидацию основного «изъяна» ФЗ 1995 г. по определению правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и региональными) и органами местного самоуправления, роли и места местного самоуправления в системе государственного устройства. Именно поэтому новый закон ограничивает возможность контроля субъектов РФ над органами МСУ определенным перечнем вопросов. Разработчики закона справедливо полагали, что:

[1] См. *Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е.* Социально-философская природа региональной автономии: опыт «сибирского федерализма» // Проблемы сибирской ментальности. Спб., 2004. С.34–44.

– расширение функций и ответственности местного самоуправления – необходимое условие перетекания полномочий от органов государственной власти в систему народовластия;

– без развитого и пользующего авторитетом местного самоуправления превращение российского общества в полноценное гражданское общество невозможно.

Однако, как показала семилетняя практика внедрения нового Федерального закона 2003 г., «благие порывы» разработчиков пока не дали ощутимых результатов, так как многие положения, как и в старом законе, противоречивы и интерпретация их неоднозначна.

Идеологи нового закона подчеркивают, что «без сильных муниципалитетов не может быть сильного государства в России – это принципиальный вопрос развития государственности». Однако, прорабатывая этот принципиальный вопрос, разработчики Федерального закона 2003 г. «бросились» в другую крайность, передавая органам местного самоуправления большие полномочия, которые не соответствуют правовым нормам:

а) самостоятельно владеют, пользуются, распоряжаются и управляют муниципальной собственностью (п.п. 1.2, ст. 51);

б) имеют право приватизировать общую муниципальную собственность населения органами местного самоуправления, куда теперь могут быть избраны иностранцы (п. 1, ст. 3);

в) органы МСУ муниципального образования имеют право на «изъятие, в том числе путем выкупа земельных участков межселенских территорий для муниципальных нужд» (п. 15, ст. 15).

Подобные полномочия вытекают из изменения организационно-правового статуса органов МСУ по новому ФЗ, «которые принципиально противоречат статусу органов МСУ, прописанном в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ).

Проблемы финансово-экономических взаимоотношений трех ветвей власти, разграничение властных полномочий, регламентации прав и ответственности неразрывно связаны, Однако, во-первых, реальной властью местное самоуправление начнет обладать только с решением вопроса о земельном и имущественном налогах в пользу муниципальных образований, а во-вторых, при условии «прозрачных» демократических процедур контроля за использованием финансовых потоков. Центр «перевалил со своих плеч» на органы местного самоуправления многие полномочия, которые не могут объективно быть реализованы без подкрепления их соответствующим финансированием. Это касается не только топливно-энергетических отраслей, жилищно-комму-

нального хозяйства (ЖКХ), но и основных направлений жизнеобеспечения населения в социальных и культурно-образовательных сферах. Проведенные экспертные опросы в регионах о перераспределении полномочий между федеральными, региональными и местными органами власти, например, показали, что практически единодушно в исследуемых регионах (кроме Вологодской) главную ответственность за решение проблем электро-, тепло-, водоснабжения респонденты возложили на региональные власти. На второе место опрошенные поставили местные власти, на третье – федеральные власти.

В области жилищно-коммунального хозяйства респонденты регионов единодушно закрепили ответственность в первую очередь за местными властями, во вторую – за региональными. Федеральному Центру в этой сфере отводится менее значительная роль. Финансы и кадры, источники финансирования и определение органов власти, ответственных за контроль и реформу ЖКХ в регионах, – лейтмотив высказываний экспертов. Принятие новых Жилищного и Земельного кодексов, которые должны были помочь в укреплении материальной базы МСУ, на самом деле еще больше обострили процесс реформирования ЖКХ.

В жилищном законодательстве многие статьи (как и статьи ФЗ о МСУ 2003 г.) не приведены в соответствие со статьями Конституции РФ (в частности, 132-я статья), а значит, нарушаются права граждан и создаются новые проблемы:

– нарушаются права не собственников квартир по сравнению с гражданами собственниками, граждан-собственников квартир по сравнению с собственниками-юридическими лицами;

– не создано рыночной среды коммунальных услуг. Государственные предприятия коммунального хозяйства (ДЕЗы) вынудили с середины 2007 г. постепенно переходить в частный сектор, так как тогда спрос населения за «замершие трубы» будет не с государственных структур, а с частных предприятий, которые не будут в полной мере нести ответственность, например, за провал «зимней кампании»;

– «руками» государства выстраивается коррумпированная структура: исполнительная власть с монополистами ЖКХ – ДЕЗами, а представительные органы на местах фактически лишены власти, так как не имеют нормативной базы для осуществления контроля над подобными частными предприятиями, не нарушая прав ни жителей, ни предприятий;

МСУ также не имеют нормативной базы для решения вопросов землеотводов, для определения уровня собственности, а, следовательно, собственность (без адресного закрепления) не передана местному самоуправлению;

– решение некоторых региональных властей о стопроцентной оплате населением коммунальных услуг в условиях тотального развала коммунального хозяйства (80% износа), когда десятки лет не проводилось капитального ремонта в многоквартирных домах, является прямым нарушением прав жителей со стороны государства, так как жители уже оплатили капитальный ремонт целевым назначением;

– в своем большинстве население не знакомо с новым Жилищным кодексом, собрания по организации жителей (ДОМКОМ, ТСЖ) в домах проведены, в основном, формально или до сих пор не проведены, что делает их беззащитными перед властью и частными предприятиями. *Вопросы подобного уровня, затрагивающие интересы большинства граждан, по закону должны рассматриваться на референдуме.*

Несовершенство, недоработка этих законов вольно или невольно сплачивает и организует протестный электорат. Результаты социологических исследований показывают рост протестных форм социальной активности для защиты своих интересов. Налицо подъем протестного движения, организованного не оппозиционными партиями и общественными движениями, а самим государством. В то же время исследование новых форм социальной активности населения указывает на проблему неразвитости социальной базы общественного самоуправления (уровня субъектности). Развитость социальной базы определяется не только фактическим уровнем социальной активности населения в этой области, но и готовностью населения быть активным участником процесса общественного самоуправления.

Среди форм общественного самоуправления только две считаются экспертами наиболее перспективными для развития взаимоотношений с органами МСУ. Товарищества собственников жилья (ТСЖ) как самая эффективная форма общественного самоуправления указывалась в Мордовии, Северной Осетии. А территориально-общественное самоуправление (ТОС) – в той же Мордовии, Ингушетии, Ярославской и Вологодской и Томской областях. Опрос населения регионов, к сожалению, показал, что территориальное общественное самоуправление не имеет широкого распространения.

ТОС максимально приближен к потребностям граждан и его развитие зависит от социальной активности населения. Значительным преимуществом структур ТОС является то, что они дополняют государственные и муници-

пальные органы управления. Взаимодействие ТОС с органами МСУ помогает воплотить идеи вовлечения населения в принятие решений по социально значимым направлениям их жизнедеятельности.

В новом ФЗ 2003 г. недооценивается роль органов ТОС как базового звена местного самоуправления. Этот закон лишил ТОСы права быть «формой прямого волеизъявления» и низовой формой местного самоуправления. Они становятся обычной «некоммерческой организацией», объем полномочий ТОС ограничивается только хозяйственной деятельностью. Их права сводятся к уровню с правами РЭУ, ДЭЗ, ремонтно-строительных и других компаний, занимающихся хозяйственной деятельностью.

Органы местного самоуправления на современном этапе развития властных отношений в России в общественном сознании еще не воспринимаются как форма негосударственной власти. Несмотря на принятие Конституции в 1993 г. и Законов о местном самоуправлении в 1995 и 2003 гг.***, попытка перевести государственные органы местного управления в органы местного самоуправления не удалась***. В общественном сознании не произошло кардинальных изменений в оценке функций местного самоуправления. МСУ представляется населению как орган государственной власти местного значения.

Идеи государственной трансформации опять стали актуализироваться по причине необходимости построения сбалансированной системы горизонтальных и вертикальных структур власти для оптимизации социально-экономических реформ и демократизации гражданского общества. Развитие местного самоуправления является неотъемлемой частью этой трансформации. Но условия в которых сегодня протекает процесс формирования самоуправленческих структур в России не вызывает достаточного оптимизма для его возможной реализации.

Что касается ***решения самой проблемы субъектности для развития местного самоуправления, то она является первоочередной задачей стратегического значения.*** Социологические исследования и практика реформирования местного самоуправления показывают, что основным условием эффективного функционирования данного социального института является привлечение к его осуществлению широких слоев населения. От общества и административных структур требуется выработка механизмов, составляющих систему мероприятий государственно-общественного характера, имеющую целью привлечение населения к активному осуществлению самоуправленческой деятельности. Одним из гарантов социальной активности может ***быть укорененность в общественном сознании установок на необходимость***

самоуправления, которые, в свою очередь, могут быть основаны, только на доверии населения к действующей системе государственного управления.

На современном этапе административного реформирования, одной из «уязвимых», «болевых» точек местного самоуправления, и это необходимо признать, является факт инициирования его развития государством, а не гражданами, т.е. «сверху», а не «снизу». Ведь, по сути своей, местное самоуправление является властью гражданской, властью, зависимой от активности территориальных общностей. Но какова сегодня гражданская и самоуправленческая активность населения? За последние годы в обществе накопился немалый потенциал негативного отношения к социальной действительности. Для любого социума, в период общественных преобразований от состояния всеобщей растерянности, пассивности и индифферентизма характерен переход к возрастанию социальной активности личности как регрессивной (в протестных и внесистемных формах), так и прогрессивной. В ситуации масштабного реформирования общества, такие личностные качества, как творческая инициатива, самостоятельность, социальная ответственность приобретают первостепенное значение.

Социологические данные показывают, что население регионов либо осознает необходимость самоуправленческой деятельности, но пока не верит в собственные силы изменить ситуацию, либо находится в состоянии ожидания, поддержки и стимулирования самоуправленческих инициатив со стороны органов власти. Даже при наличии высокого уровня заинтересованности в решении местных проблем, население в настоящее время не способно реализовывать местные инициативы самостоятельно. Для этого ему необходима организованная и разъяснительная помощь, а также поддержка со стороны, прежде всего, региональной власти.

Проведенные социологические исследования в 11 регионах России в 2003–2010 гг., выявили недовольство населения общими принципами организации государственной власти и местного самоуправления. Принятый новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» пока не может эффективно работать вследствие непродуманной политики расширения полномочий местного самоуправления, неподкрепленных соответствующими поправками Бюджетного и Уголовного кодексов. Нечеткость в определении ведения и полномочий в органах субъектов федерации и органов местного самоуправления сказалось и в несовершенстве распределения полномочий по схеме: между федеральными властями и субъектами РФ; региональными властями и местным самоуправлением; МСУ и ТОСами.

Опять грядет «кризис реформы»…

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Политическое развитие России традиционно характеризуется особой значимостью процессов, идущих в российских регионах. Особый интерес представляют процессы, характерные для 2000–2010 гг. Именно в этот период шло становление и укрепление в стране «вертикали власти», резко усилившей в системе властных отношений политический вес института президентства, ослабление значимости региональной власти в отношениях с федеральным Центром. Отличительной особенностью этого времени стали также процесс институционализации властью своих отношений с бизнесом, тенденция к доминированию бюрократического аппарата над средним и малым бизнесом в регионах, вхождение представителей крупного корпоративного бизнеса (финансово-промышленных групп) в региональные структуры власти.

Наряду с этим в 2000–2010 гг. проявилась очень важная в политико-экономическом отношении тенденция повышения значимости российских регионов в стратегии развития страны. Усиление их роли во многом было обусловлено тем, что на их уровень перешла ответственность за новые сферы жизнеобеспечения населения, за социально-экономическое развитие субъектов федерации, за их долговременное и устойчивое развитие.

Наличие серьезных противоречий в развитии российских регионов отражается на оценках массовым сознанием сложившейся системы отношений между Центром и провинцией. Почти половина (48%) респондентов полагает, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России». Лишь 13% опрошенных считает, что «Центр проводит политику в интересах регионов», в то время как 39% затруднились ответить[1].

[1] См. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. М., 2010. С.366.

В региональной сфере социально-политических отношений, начиная с 2004–2005 гг., все больше стала проявляться тенденция к «закупорке сосудов», по которым осуществляется политическая мобильность социальных субъектов снизу вверх. Повышение уровня образования, приобретение новой специальности не стали приводить к карьерному росту в сфере социально-экономических отношений. Превалирование в системе региональных политических отношений представителей политической партии, выступающей в роли партии власти ведет, при отсутствии реальной политической конкуренции со стороны других политических сил, к застою внутри региональных политических элит.

Смена консолидирующей основы в отношениях Центра и регионов. Социологические данные свидетельствуют, что за последние 10 лет в региональной системе властных отношений появились тенденции, отразившие смену вектора политического развития страны в сторону укрепления федеративных основ российской государственности и исполнительной вертикали государственной власти.

В числе этих тенденций наиболее значительными стали следующие.

Первая – повышение в структуре властных отношений регионов политической значимости властных структур федерального Центра и консолидирующей роли Президента РФ.

Вторая – смыкание в регионах политического потенциала «партии власти» в лице «Единой России» с административным ресурсом региональной власти.

Третья – усиление политического веса законодательной власти регионов в отношениях с исполнительной властью.

Четвертая – размывание, с последующим уходом с политического поля региональных политических партий, сформировавшихся в 90-х гг. ушедшего века и выступавших в качестве политической опоры руководителей регионов в их отношениях с федеральной властью, а также игравших важную роль в ходе избирательных кампаний глав субъектов федерации.

Пятая – вхождение представителей крупного бизнеса в структуры региональной власти.

Шестая – обострение политической конкуренции в ходе избирательных кампаний за пост мэра городов, являющихся административными центрами субъектов федерации.

Седьмая – повышение значимость избирательных кампаний по выборам в региональные органы законодательной власти, получивших право из-

бирать главу субъекта федерации, заслушивать отчеты руководителей органов исполнительной власти, рассматривать кандидатуры отдельных из них при назначении на руководящий пост.

Эти и ряд других тенденций в развитии властных отношений в регионах РФ во многом предопределяют сегодняшний этап в развитии российской государственности и региональной системы властных отношений.

Если на протяжении 90-х гг. в условиях острой политической борьбы, экономического кризиса, слабости центральной власти ведущей тенденцией была децентрализация властных отношений, «окукливание» регионов, стремление их к суверинизации, в 2000–2010 гг. на передний план вышла проблема децентрализации власти, то в современных условиях главной становится потребность не допущения стагнации властного процесса, пробуксовки социально-экономического развития региональной системы хозяйствования.

Все это обуславливает необходимость смены концептуальной основы консолидации российской государственности, осуществляемой в стране с начала 2000-х гг., в основе которой объединение «против кого-то» по принципу «свой–чужой». Следование этой концепции обеспечивало размывание политического потенциала противников укрепления централизованных начал российской государственности, способствовало укреплению авторитета и политической значимости в обществе центральной власти. Реализация данной концепции неизбежно вела к усилению централизации финансовых потоков, к сужению налоговой базы региональных структур власти, к уменьшению их возможностей экономического возрождения территорий, препятствовала росту уровня жизни населения в регионах.

В условиях, когда федеральная власть решала задачу собирания российского общества, прерывания процесса скатывания страны в пропасть сепаратизма и социальной деградации такой подход, нацеливший на объединение «против кого-то» по принципу «свой–чужой» оправдывал себя. **На нынешнем этапе развития российских регионов главной задачей становится преодоление отчуждения власти от народа, преодоление недопустимо высокой поляризации общества, снижение уровня социально-политического неравенства граждан.**

Ключ к достижению этого находится в объединении административных, финансовых и производственных структур на федеральном и региональном уровне. Совместные усилия дают возможность сконцентрировать ресурсы, находящиеся на территории субъекта федерации, и направлять их на реализацию конкретных программ.

Объединение усилий власти, а также производственного и финансового потенциала хозяйственно-экономических субъектов становится тем механизмом, который позволяет решать основную проблему в социально-экономическом развитии регионов – проблему ограниченности средств и их концентрации на направлениях, обеспечивающих стратегию прорыва в хозяйственном и социальном развитии территории.

Эволюция роли бизнеса в политическом пространстве регионов. Особый интерес представляют те изменения, которые наблюдаются в сфере взаимодействия бизнеса и региональной власти. Во многом именно они определяют направленность политических установок социальных страт в структуре регионального сообщества, в целом влияют на политические процессы в регионах. Одним из показателей, ярко иллюстрирующих иерархию политических позиций в системе властных отношений региона, является «политический вес» субъекта властных отношений и участника политического процесса. Эта характеристика отражает способность того или иного института власти и управления, а также бизнеса определять направленность политических решений в регионе и обеспечивать их воплощение в жизнь.

Проводимое в разные периоды времени взвешивание общего уровня влияния основных субъектов системы властных отношений в регионах на складывающуюся в них социально-политическую ситуацию позволяет прослеживать не только динамику изменений в расстановке политических сил, но и трансформацию их роли в структуре политического пространства. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты замеров «политического веса» основных структур власти, хозяйственно-экономических субъектов и политических партий в Красноярском крае, проведенных в ходе социологических исследований в 2001–2010 гг.

По многим социальным показателям развития, как свидетельствуют результаты социологических опросов и статистические документы, Красноярский край можно рассматривать как микромодель всей России. Основным источником информации для определения «политического веса» властных структур, групп влияния выступают оценки экспертов, компетентных в специфике, складывающейся в регионе политической ситуации (см. табл. 1).

В 2001–2010 гг. в политическом пространстве края произошли существенные изменения. Если в 2001–2004 гг. наиболее сильное влияние на политические процессы оказывали администрация и действующие в регионе

федеральные финансово-промышленные группы, то к 2010 г. в качестве ведущей политической силы выступила партия «Единая Россия».

Таблица 1

Влияние, которое оказывают на политическую жизнь в Красноярском крае основные управленческие, хозяйственные и политические структуры[1]

Красноярский край, эксперты

Властные структуры	Период проведения исследования		
	2001	2004	2010
Губернатор и его команда	0,93	89,7	84,0
Законодательное собрание края	0,74	28.1	23,9
Мэры крупных городов-доноров	0,27	28,2	12,7
Полномочный представитель Президента в Сибирском федеральном округе	0,10	5,1	6,0
Федеральные структуры власти в регионе	0,03	2,8	9,3
ФПГ и корпоративные структуры			
Связанные с алюминиевым бизнесом	0,81	69,2	38,8
Связанные с энергетическим комплексом	0,76	51,3	27,6
Связанные с горнодобывающим комплексом	0,63	67,9	40,4
Связанные с нефтяным и газодобывающим комплексом	0,36	23,1	36,6
Связанные с лесозаготовкой и переработкой древесины	0,05	15,4	9,0
Криминальные структуры, связанные с теневой экономикой	0,29	12,8	11,2
Общественные объединения и партии, действующие в регионе			
«Единая Россия»	*	56,4	76,1
«Справедливая Россия»	*	*	2,2
КПРФ	0,41	19,2	15,7
ЛДПР	0,05	2,6	7,5
«Союз правых сил»	*	2,6	7,5
«Патриоты России»	*	*	0,7
«Яблоко»	0,11	12,1	4,4
«НАШИ» (Усс–Новиков–Зубарев)	0,29	*	*
«За Красноярск» (П.Пимашков)	0,26	50,0	*
«Верой и Надеждой» (А.Быков)	0,25	39,7	*
«Союз промышленников и предпринимателей»	*	6,4	*
«Честь и Родина» (А.Лебедь)	0,32	*	*
Союз товаропроизводителей и предпринимателей	*	3,8	*
«Единство»	0,52	*	*
«Отечество»	0,10	*	*
«Союз ради будущего» (В.Зубов)	0,09	*	*

[1] Материалы ИСПИ РАН. Данные экспертных опросов проведенных в 2001 г. (под рук. Н.В.Мерзликина); в 2004 и 2010 гг. под рук. В.И.Злотковского в рамках исследовательского проекта

Судя по оценкам экспертов, по своему политическому влиянию она вышла на второе место после администрации края, отодвинув на третье место крупный бизнес. Если в 2004 г. политическую значимость партии отмечало 56,4% экспертов, то в 2010 г. – 76,1%. Это не означает ослабление политических позиций крупного бизнеса. Взаимодействуя с администрацией края, крупный бизнес рассматривает партию «Единая Россия» как политическую основу, консолидирующую политический процесс в крае, что отвечает интересам предпринимательского сообщества.

В целом же, вектор влияния исполнительной власти региона и крупного бизнеса отличаются главным образом своей направленностью: в одних аспектах политической жизни больше проявляется влияние администрации региона, в других – финансово-промышленных групп, в каких-то случаях влияние уравновешено.

Сравнение в динамике вектора воздействия исполнительной власти и крупного бизнеса на ситуацию в регионе показывает, что их влияние в целом стабилизировалось и носит устойчивый характер. Об этом свидетельствую, в частности, данные экспертных опросов (см табл. 2[1]).

«Система властных отношений и политический процесс в региональном измерении», осуществляемого ИСПИ РАН совместно с Отделом информационного мониторинга Департамента информационной политики Администрации г. Красноярска (рук. к.с.н. В.И.Злотковский), и социологическими структурами других регионов. В качестве экспертов выступили представители городской и краевой администрации, федеральных органов власти в регионе, лидеры общественного мнения из среды работников СМИ, представители политических партий и наиболее крупных бизнес-структур. В 2001 г. опрошено 170 респондентов, в 2004 г. и 2010 г. по 140 экспертов. В исследовании 2001 г. количественные значения «политического веса» властных структур и участников политического процесса следующие: 0,1–0,15 – «низкий»; 0,16–0,30 – «ниже среднего»; 0,31–0,45 – «средний»; 0,46–0,60 – «выше среднего»; 0,61 и более – «высокий». В исследовании 2004–2010 гг. результаты измерений представлены в процентах от числа опрошенных. ***** – указанная политическая структура либо еще не была сформирована к моменту проведения экспертного опроса, либо уже утратила свою политическую значимость.

[1] Количественный показатель степени влияния краевой администрации и крупного бизнеса на различные аспекты политической жизни края представлен в баллах, где 1 балл – «Скорее администрация»; 2 балла – «Администрация и ФПГ в равной степени»; 3 балла – «Скорее ФПГ».

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, кто оказывает наибольшее влияние на следующие процессы политической жизни: администрация края или крупный бизнес (ФПГ)?»

Красноярский край, эксперты, №=170 в 2001 г., №=140 в 2004–2010 гг.

Направленность влияния	Индекс степени влияния		
	2001	2004	2010
Выборы (назначение) губернатора	2,89	2,74	1,90
Приватизация и передел собственности	2,70	2,59	2,74
Выборы депутатов в Законодательное Собрание края	2,38	2,39	1,64
Формирование общественного мнения	1,70	1,60	1,52
Разработка стратегии развития края	1,48	1,62	1,71
Формирование и определение краевого бюджета	1,83	1,45	1,55

Источник: ИСПИ РАН.

Из данных табл. 2 видно, что фактически под полным влиянием администрации края находится процесс формирования местного бюджета, а также разработка стратегии развития края. В то же время, примерно сбалансировано воздействие ФПГ и краевой администрации на формирование общественного мнения.

Обращает на себя внимание тенденция к усилению политического влияния администрации региона на процесс выборов депутатов Законодательного собрания края. Во многом это результат смыкания политического и административного ресурса региональной власти.

В 90-е гг. региональные власти для серьезного воздействия на структурирование политического пространства в регионе активно включались в развивающийся в тот период процесс формирования региональных политических партий и объединений. Отдельные региональные лидеры, наращивая свой контроль над политическим пространством региона, создавали собственные политические партии и объединения, предназначенные для усиления потенциала местных властей в ходе выборных кампаний. Так, губернатор Красноярского края А.Лебедь создал и возглавил общественно-политическое объединение «Честь и Родина», мэр Красноярска П.Пимашков возглавил объ-

единение «За Красноярск». Все эти объединения принимали активное участие в региональных избирательных кампаниях.

С начала 2000-х гг. политическое пространство в регионе модернизировалось. Ключевая роль на политической сцене стала отводиться партии «Единая Россия», ее политические ресурсы консолидировались с административно-управленческими ресурсами исполнительной власти, которые и стали проявляться, начиная с 2004 г. в ходе выборов депутатов в Законодательное собрание края. Лидеры исполнительной власти региона, ассоциируя «Единую Россию» с «партией власти» федерального уровня, отодвинули на обочину политического поля другие партии и движения.

Политический вес крупного бизнеса зависит также от характера его воздействия на экономическую ситуацию в регионе. Определенный интерес в этом плане представляют экспертные оценки, раскрывающие динамику эволюции влияния бизнес-структур, по основным векторам их деятельности (см. табл. 3).

Таблица 3

Экспертная оценка положительных влияний ФПГ на развитие экономики в крае (сила влияния по основным векторам деятельности)

Красноярский край, эксперты

Положительный вектор влияния	Период проведения опроса		
	Индекс силы влияния*	2004	2010
		% от числа опрошенных	
Модернизация и развитие производства в ключевых отраслях	+0,74	52,6	30,6
Создание новых рабочих мест	+0,68	34,6	34,3
Повышение конкурентоспособности отечественных производителей	+0,47	12,8	12,6
Привлечение дополнительных инвестиций в экономику края	+0,45	48,7	42,5
Лоббирование интересов региона в федеральных структурах	+0,42	21,8	22,4
Содействие формированию межрегионального рынка	+0,36	14,1	13,4
Финансирование важных региональных проектов	+0,32	21,8	26,9
Развитие социальной сферы, социальных программ и инициатив	+0,25	10,3	15,7
Содействие развитию среднего и малого бизнеса	+0,11	9,0	12,7

* Континуум значений индекса влияния «от 0 до 1», где «0» – никакого влияния; «+1» – максимально положительное влияние; «-1» – максимально отрицательное влияние.

В наибольшей мере позитивное влияние крупного бизнеса на ситуацию в крае проявляется через модернизацию производства в ключевых отраслях экономики региона, создания новых рабочих мест, привлечения дополни-

тельных инвестиций в экономику края. Ниже среднего уровня оценивается деятельность крупного бизнеса по развитию социальной сферы, социальных программ и инициатив, а также по содействию процессу развития среднего и малого бизнеса. Обращает на себя внимание, что в 2010 г. по сравнению с 2004 г. сила влияния крупного бизнеса по основным векторам своей экономической деятельности снизилась. Во многом это результат финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.

При анализе экспертных оценок отрицательного влияния крупного бизнеса на ситуацию в регионе обращает на себя внимание динамика их эволюции. Так, снизились, по оценкам экспертов, уход от уплаты налогов в региональный бюджет (в 2004 г. этот показатель отмечался 55,1% экспертов, в 2010 г. – 41%), «сброс» социальной сферы на муниципальные власти, борьба за передел собственности, нежелание участвовать в решении региональных программ.

Таблица 4

Экспертная оценка отрицательного влияния ФПГ на ситуацию в крае

Красноярский край, эксперты, №=170 в 2001 г., №=140 в 2004 г. и 2010 г., % от числа опрошенных

Отрицательный вектор влияния	Индекс силы влияния*	Период проведения опроса	
	2001	2004	2010
Борьба за передел собственности	-0,71	48,7	25,4
Уход от уплаты налогов в региональный бюджет, пенсионный фонд	-0,69	55,1	41,8
«Сброс» социальной сферы на муниципальные власти	-0,53	53,8	29,9
Погоня за прибылью в ущерб интересам развития края	-0,48	56,4	43,3
Увод капиталов за рубеж	-0,44	55,1	42,5
Подкуп чиновников властных структур	-0,41	38,5	35,8
Эксплуатация природных ресурсов	-0,38	53,8	29,9
Недооценка внимания к предотвращению технических и экологических катастроф	-0,36	39,7	36,6
Вмешательство в дела краевой администрации	-0,28	34,5	17,2
Провоцирование новых внутриэлитных конфликтов	-0,23	17,9	9,7
Нежелание участвовать в решении региональных программ	-	36,0	17,2
Недооценка социальных последствий при модернизации производства	-	15,4	19,4
Недобросовестная конкуренция	-	19,3	31,3

* Континуум значений индекса влияния «от 0 до 1», где «0» – никакого влияния; «+1» – максимально положительное влияние; «-1» – максимально отрицательное влияние.

В экспертных оценках обращают на себя внимание данные о возрастании недобросовестной конкуренции (2004 г. это явление отмечали 19% экспертов, в 2010 г. – 31%), недостаточное внимание к вопросам безопасности на производстве и недооценка социальных последствий при модернизации производства.

«Взвешивание» общего уровня влияния субъектов системы властных отношений в регионах, на складывающуюся в них социально-политическую ситуацию показывает значительный крен в сторону исполнительной власти и крупного бизнеса в лице финансово-промышленных групп, при малой возможности институтов гражданского общества влиять на тенденции развития политической ситуации в регионе. Уход с политического поля региональных политических партий и объединений укрепил политическую значимость «Единой России» и других общефедеральных партий, но ослабил возможности местного населения влиять на региональную систему властных отношений.

В целом, если оценивать период 2000–2010 гг. с позиции самооценки респондентами своего социального самочувствия, материальной обеспеченности, а также психо-эмоционального состояния, можно сделать вывод, что качественных изменений в жизни регионального социума не произошло. Настораживающим моментом является то, что за десятилетний период на одном уровне осталось число тех, кто относит себя к числу бедных и тех, кому приходится экономить. В 2001 г. таких респондентов в Красноярске было 89,6%, в 2010 г. – 81,8%. Устойчивость, масштабность и перманентное самовозпроизводство социальной среды бедных слоев – это опасный симптом в развитии общества, если принимать во внимание роль маргинальных слоев населения в радикализации социального протеста.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что средний бизнес не устраивает сложившаяся в регионах система взаимодействия предпринимательства и власти. Характерны в этом плане данные экспертного опроса участников Всероссийской конференции «Безопасность бизнеса (Национальные проекты. Антикоррупционные программы)», а также результаты экспертного опроса участников «круглого стола», проведенного Общероссийской общественной организацией «Деловая Рос-

сия» на тему: «Безопасность бизнеса как условие реализации приоритетных национальных проектов и развития экономики России»[1].

Оценивая существующие модели взаимодействия бизнеса и власти, эксперты из числа представителей среднего бизнеса отмечают, что наиболее распространенной сегодня в российских регионах является модель «приватизации власти», когда административные ресурсы сосредоточены в руках крупных экономических субъектов. Помимо этого, власть «подыгрывает» тем предпринимателям, которые находятся под их патронажем, предоставляя им наиболее благоприятные условия для хозяйственной деятельности, отодвигая от наиболее выгодных сфер бизнеса «чужаков». Так считали 66% экспертов, участвовавших во Всероссийской конференции «Безопасность бизнеса (Национальные проекты. Антикоррупционные программы)»[2].

Другой формой взаимоотношений региональной власти и бизнеса является модель «подавления», когда в отношениях с предпринимателями власть использует административное давление, ставит их в зависимое от себя положение. По мнению 54% экспертов средний бизнес «вынужден взаимодействовать с властью на ее условиях», с тем, чтобы иметь возможность решать свои задачи.

Оценивая по пятибалльной шкале уровень ответственности власти перед бизнесом в обеспечении безопасности, нейтрализации рисков и угроз, с которыми сталкивается средний бизнес, эксперты из числа участников «круглого стола» «Деловой России» отмечают, что чем ниже уровень власти и управления, тем слабее проявляется их ответственность перед бизнесом.

Как свидетельствуют проводимые социологические опросы в предпринимательской среде, уровень ответственности региональной власти явно не соответствует тем задачам и требованиям, которые стоят сейчас перед регионами и обществом, особенно с учетом необходимости повысить эффективность взаимодействия власти и бизнеса в реализации стратегии инновационного развития страны. Серьезно сказывается на положении среднего бизнеса несовершенство законодательной базы и криминогенные риски. В своей со-

---

[1] См. Информационно-аналитический альманах «Безопасность бизнеса в России». М., 2007. С.208–218.

[2] Социологические опросы проведены сектором социальных индикаторов и показателей политических процессов ИСПИ РАН; (рук. Мерзликин Н.В) в рамках исследовательского проекта: «Власть и бизнес в долговременной стратегии развития России».

вокупности эти риски создают почву для захвата бизнеса криминальными структурами при поддержке коррумпированных чиновников и судей. Несовершенность правового регулирования используется также крупным корпоративным бизнесом для поглощения хозяйственно-экономических субъектов, принадлежащих среднему предпринимательству.

Все это резко актуализирует необходимость изучения процесса вхождения России в новый этап своего развития – **этап отторжения управленческой модели, ведущей к стагнации и застою, сложившейся в 2000–2010 гг. системе отношений Центра и регионов и переходу к новому вектору в трансформации российского общества.** Главная его особенность состоит в направленности управленческой модели: от интересов конкретного человека к интересам конкретных территорий и социальных общностей, и, в меру общих интересов к новой целостности на уровне всего российского общества. В рамках новой логики все элементы и механизмы управленческой деятельности могут быть эффективны лишь на основе взаимодействия интересов регионов и Центра, идущих от реальных жизненных проблем конкретного человека. Нарушение логики этого процесса чревато, с одной стороны, возможностью установления в России авторитарного режима власти, с другой – нарастающим политическим напряжением между властью и обществом, созданием ситуации политического радикализма, перерастающего в экстремизм. Региональное измерение идущих в регионах России процессов позволяет найти те точки кристаллизации проблем, которые находятся на пересечении интересов основных политических субъектов: власти и общества, власти и бизнеса, власти и личности.

ЗАПРОСЫ ГРАЖДАН И РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: О РЕСПОНСИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В информационную эпоху одним из важнейших показателей эффективности каждой национальной политической системы становится её пропускная способность для информации, циркулирующей во всех направлениях: сверху вниз, снизу вверх, между отдельными компонентами «верхов» (например, между различными ветвями власти) и «низов» (например, между различными социальными и территориальными группами). Американский социолог и футуролог Олвин Тоффлер ввел в свое время понятие **«бремя решений»**[1] для характеристики переходного периода от индустриального к информационному обществу, когда устаревшие политические системы не справляются с перегрузкой, создаваемой быстро меняющимся, фрагментирующимся обществом.

Посильно ли бремя решений для современной российской политической системы и, шире, для нашего государства в целом? Способно ли оно своевременно и адекватно перерабатывать сигналы от общества? И насколько государство вообще чувствительно к таким сигналам? Может быть, эти сигналы ему не то что непонятны, но, хуже, глубоко неинтересны? Иными словами, необходимо понять, каков уровень «респонсивности» российского государства, понимаемой, вслед за Амитаи Этциони, как «чувствительность правящих верхов к нуждам членов общества, занимающих нижние ступени социальной иерархии»[2]. Добавим, что респонсивность предполагает способность политической системы реагировать на импульсы, приходящие из окружающей среды, и соответственно корректировать свое поведение. При этом предполагается, что чем быстрее и эффективнее политическая система реагирует на внешнюю среду, тем выше уровень ее респонсивности, а значит, в конечном счете, и устойчивости.

[1] *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004.
[2] *Etsioni A.* The Active Society N.Y., 1968.

Устойчивость политической системы означает ее равновесие, баланс на «входе» и на «выходе», т.е. соответствие политических решений и действий требованиям общества. Нарушение данного баланса в виде «недогрузки», т.е. недостаточного реагирования на требования, или «перегрузки» – чрезмерного, избыточного реагирования на запросы общества – порождает нестабильность политической системы, которая может привести к кризису в других сферах. Тем большее значение **способность политической системы в целом и всех ее элементов адекватным образом реагировать на общественные ожидания и опасения** приобретает в ситуации мирового экономического кризиса.

Важной теоретической посылкой дальнейшего рассуждения является **отказ от априорных нормативных представлений** о характере функционирования отечественной политической системы, обусловленных ценностно-идеологическими установками исследователей. Нормативному подходу противопоставляется «понимающий» анализ мнений, позиций и интересов основных групп, участвующих в исследуемых взаимодействиях и определяющих респонсивность политической системы. Такая посылка призвана перевести решение проблемы повышения эффективности политической системы из идейно-политической – в функционально-инструментальную плоскость.

Сформулируем **основные вопросы**, на которые нам предстоит ответить, чтобы установить уровень респонсивности российского государства:

- Какие проблемы являются актуальными для разных групп населения (социальных страт)?
- Как именно население **доводит** свои требования до власти?
- Каким образом власть **фильтрует** поступающую информацию?
- В каких точках происходит потеря или искажение сигнала от общества к власти?
- Как власть **реагирует** на поступившие к ней запросы населения?
- Как власть **доводит** свои решения до населения?
- В каких точках происходит потеря или искажение сигнала от власти к обществу?

Ответив на эти вопросы, можно оценить отечественное государство по критерию респонсивности. Подобное исследование было проведено в 2010 г. коллективом ВЦИОМ[1].

[1] Исследование стало возможным благодаря средствам государственной поддержки, выделенным в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 16 марта 2009 г. №160-рп.

В основу исследования был положен следующий ряд **гипотез:**

• в России существуют социальные слои (страты), каждый из которых выдает свои запросы к политической системе и использует свои каналы коммуникации с властью;

• страты являются носителями специфических групповых систем ценностей и в своих запросах исходят из этих систем. Эти системы плохо согласуются между собой;

• страты обладают различной способностью рефлексировать и артикулировать свои запросы и доводить их до власти. Запросы одних страт хорошо артикулированы в политическом пространстве, других – артикулированы недостаточно или не артикулированы вообще;

• значительное число сигналов, исходящих от определенных страт, не доходит до власти или доходит в сильно искаженном виде, а значительное число обратных сигналов от власти к обществу не доходит до него или воспринимается с существенными искажениями. Это связано, как со способом артикуляции сигналов, так и с респонсивной способностью отдельных властных структур;

• эффективной коммуникации общества и власти препятствует ряд помех и фильтров, создаваемых: а) каналами коммуникации, которые глушат одни сигналы, усиливают другие и искажают третьи; б) особенностями «приемо-передаточных устройств», используемых властью; в) особенностями группового сознания и восприятия определенных страт;

• государство проявляет разную степень чувствительности к сигналам разных социальных групп в связи с влиянием собственных корпоративных интересов различных государственных структур;

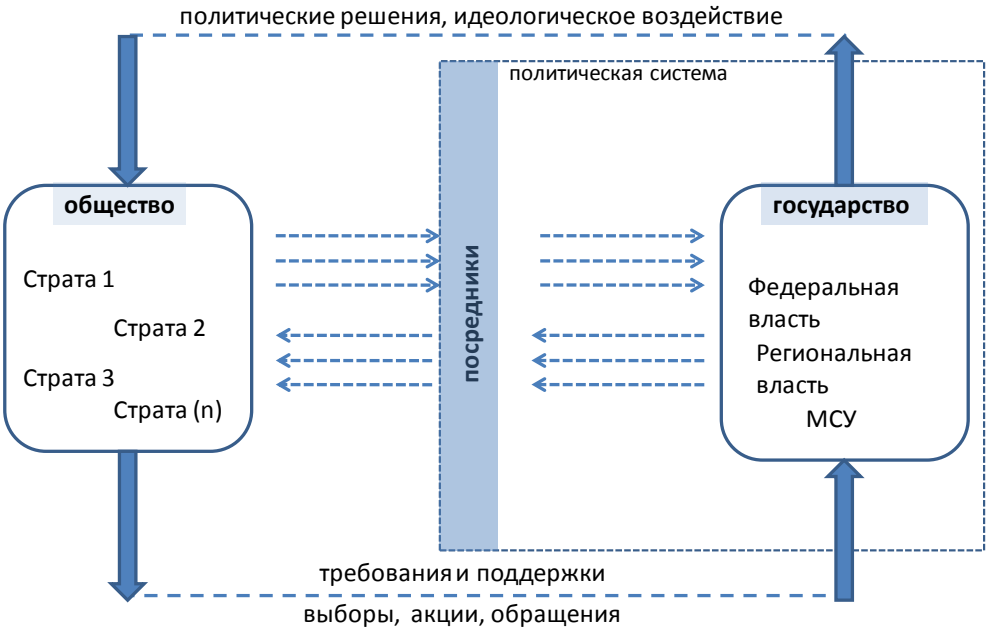
• различные уровни и «этажи» власти с разной степенью респонсивности реагируют на общественные запросы, так как исходят из собственных представлений значимости этих запросов;

• недопредставленность одних и сверхпредставленность других страт в диалоге с властью существенно снижают респонсивность и, следовательно, эффективность функционирования политической системы.

Сосредоточимся на трех аспектах, по-разному характеризующих общественно-государственные отношения в современной России: собственно набор и структура ожиданий общества от власти; рамки и границы требований и запросов, на которые государство обращает внимание и реагирует де-факто; наконец, выявленные дисбалансы и деформации в системах прямой и обратной связи между государством и обществом.

Схема 1

Циркуляция информации между государством и обществом



«Письмо московскому султану», или как люди относятся к власти? Уровень и качество обратной связи общества и государства в значительной мере определяются тем, насколько народ осознает себя носителем верховной власти, насколько его представители интересуются политическими событиями в стране. Интерес к политике выражен в разной степени у различных слоев общества и в наименьшей – среди сельских жителей, а также у самых многочисленных социальных групп – «бюджетников» и рабочих. Эти группы принципиально позиционируют себя «вне политики», убеждены, что они не могут повлиять на решения, принимаемые органами власти, и поэтому не очень им доверяют.

Бюджетники позиционируют себя отдельно от государства и воспринимают его как внешнюю данность, которую, по большому счету, невозможно изменить: «мы отдельно, государство – отдельно». В этой группе стараются следить за политическими событиями в основном, те, кому по роду

деятельности необходимо быть в курсе событий – например, учителя истории. Интерес к политике появляется у бюджетников разве что в предвыборный период – единственное время, когда, по их мнению, государство проявляет внимание к их проблемам. Основная масса бюджетников узнает политические новости из передач центральных и местных телеканалов, Интернетом пользуются немногие.

Обсуждение политических тем с бюджетниками так или иначе затрагивает их экономические проблемы. С одной стороны, бюджетники демонстрируют понимание сложностей преодоления кризиса в социально-экономической сфере, с другой – разочарованы в государстве, которое критикуют за бюрократизм, антисоциальность и отсутствие интереса к проблемам простых людей.

Недоверие бюджетников к власти в большей степени адресуется её местному уровню: здесь проблемы ощутимее и претензии конкретны. Бюджетники констатируют отсутствие согласованности в действиях властей разных уровней, а решения своих проблем чаще всего ждут от федеральной власти. Многих в этой страте начинает тревожить тот факт, что благодаря доминированию в политической системе партии «Единая Россия» она (система) все больше напоминает советскую однопартийную.

Другая многочисленная страта – рабочие – также относится к политике весьма отстраненно. С одной стороны, тяжелый и напряженный физический труд не оставляет им много времени и сил интересоваться политикой, с другой – налицо ограниченность культурного уровня, убежденность в невозможности для рабочего человека как-то реально повлиять на власть.

Основным источником информации о политических событиях в стране и в мире для рабочих является телевидение, и преимущественно – центральные телеканалы. Многие в этой группе помнят существенно более тяжелые времена, чем нынешние, и поэтому к текущей ситуации относятся достаточно терпимо. Их отношение к власти можно охарактеризовать как настороженно-недоверчивое: они постоянно указывают на расхождение слов и дел представителей властей всех уровней, высказывают непонимание, почему и за какие заслуги тот или иной конкретный чиновник занял свой пост. Местная власть у рабочих вызывает больше нареканий, чем федеральная, отношение к ней чаще зависит от того, получают ли они от нее какие-то льготы и преференции. Федеральная власть воспринимается дистанцированно, одобрение в основном вызывает внешняя политика, а внутри страны улучшения в последнее время не ощущается.

Пенсионеры в целом интересуются политикой, часто смотрят телевизор, в отличие от других групп часто читают газеты – как федеральные, так и местные. Они не слишком доверяют властям, особенно местным, зато заметно больше, чем другие, доверяют политическим партиям (особенно КПРФ), а также некоторым представителям местной власти, особенно если на местном уровне для них существуют льготы. Общий тон высказываний пенсионеров о власти намного более позитивен, чем в других группах. Вероятно, это связано с тем, что они являются бенефициарами различных социальных программ, а также находятся в практически полной финансовой зависимости от государства. Критика властей в основном связана с недостаточностью получаемых пособий и льгот.

Сельские жители о политической жизни страны информированы ещё более скудно. Новости они узнают по центральным каналам, из местных газет и «по сарафанному радио». В отличие от представителей всех других групп, сельчане доверяют, в основном, местной власти, тогда как федеральная власть воспринимается ими почти как другой мир: «У нас нет доверия к тем (московским) властям, мы может быть еще как-то верим своему местному руководителю». Новости о политике, в основном, волнуют тех, кто как-то связан с государственной службой (например, работает в милиции) или с системой образования (учительствует).

Городской «средний класс» (офисные служащие, люди свободных профессий) на сегодня выглядит как самая политизированная прослойка общества, составляющая аудиторию широкого спектра источников информации – как проправительственных, так и оппозиционных. Это практически единственная группа, которая критикует власть не только за нерешенность социально-экономических проблем, но и по собственно политическим вопросам. Представители «среднего класса» стали единственной группой, которая отметила появление в обществе таких негативных явлений как нацизм, дискриминация женщин, засилье групповых интересов, включая криминальные, возрождение однопартийной системы, отсутствие политической конкуренции. Но все-таки федеральной власти эта группа доверяет больше, чем региональной и местной. Симпатии представителей этой группы вызывают Шойгу, Миронов, Путин и Медведев, антипатии – Иванов, Чубайс, Грызлов. Власть не воспринимается как монолитный организм, хотя различия и проводятся только на уровне персоналий.

Малый бизнес. Представители малого бизнеса декларируют отсутствие интереса к политике как таковой, не воспринимают политическую ин-

формацию как необходимую при принятии решений – гораздо большую важность для них имеют сведения об изменениях в законодательстве. Политические новости узнают чаще всего из Интернета, а также из прессы. Бизнесмены видят определенные позитивные сдвиги вокруг себя, но в целом выражают власти недоверие, мотивируя это своей неуверенностью в завтрашнем дне, невозможностью планировать свои действия на длительный срок, отсутствием законодательной защиты малого бизнеса. Они очень четко разделяют законодательную и исполнительную ветви власти, основные нарекания вызывает у бизнеса последняя – «за бюрократию и коррупцию». Доверие высказывается не к власти как таковой, а к отдельным ее представителям, чаще всего Путину и Медведеву.

В целом, представители малого бизнеса ведут себя в политике как классические потребители: интересуются только результатами политического процесса (вступлением в силу нового законодательства), а сам этот процесс их интересует лишь «постольку поскольку». Отношение к власти зависит от того, получал ли конкретный респондент какую-то конкретную помощь от администрации или, скажем, от местного отделения «Единой России».

Средний бизнес. Представители крупного и среднего бизнеса проявляют живой интерес к политике, поскольку ощущают себя в гуще политических событий и осознают их влияние на свою жизнь и бизнес. Многие из них хотели бы, чтобы политика их никак не касалась, однако им приходится отслеживать политические новости и законодательные новации. Эта группа использует широкий спектр источников информации, включая Интернет и зарубежные СМИ. Информацию центральных российских телеканалов и газет бизнесмены считают односторонней и пытаются сравнивать ее с данными из других источников, чтобы получить адекватную и целостную картину реальности.

Средний бизнес не доверяет властям, считает их коррумпированными, подозревает госчиновников, включая федеральных, в расхождении между словом и делом, обязательно выискивает в любом заявлении или решении властей оборотную сторону, а именно – чей-то частный или даже корыстный интерес. Представители бизнеса замечали, что даже пути развития, озвучиваемые разными представителями властной вертикали, плохо согласуются друг с другом (например, курс на «сохранение стабильности» и «инновационный путь развития»). Зато они фиксируют качественное улучшение общей ситуации в стране по сравнению с 1990-ми гг. Наименьшим доверием бизнесменов пользуется местная власть, которую они обвиняют в несоблюдении федерального законодательства на местах (притом, заметим, что сама местная

власть склонна объяснять все проблемы несовершенством федеральных законов и других нормативных актов), а также в стремлении превратить государственные посты в кормушки для себя и своих родственников. Бизнес также беспокоит отсутствие у властей согласованной картины того, как страна должна развиваться в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Студенты как социальная страта занимают промежуточное положение между теми, кто сам зарабатывает деньги, и теми, кто находится на попечении государства. Они демонстрируют отсутствие интереса к политике, отчужденность от неё, уверенность в том, что от их собственной активности в политике ничего не зависит. Особенностью этой группы является активное использование сети Интернет в качестве источника информации.

Та часть студентов, которые не обладают опытом работы, заметно положительнее относятся к власти, во многом их доверие основано на оптимистичных данных, которые студенты видят с телеэкранов. Те же, кому на практике (при поиске работы, заботах о детях) приходилось сталкиваться с органами государственной власти, высказывают критические мнения, схожие с взглядами среднего класса или малого бизнеса. Особое недовольство вызывает неспособность государства решить социальные проблемы, с которыми многие уже успели столкнуться: безработица, недоступность жилья и проч. Среди очевидных изменений к лучшему называется сокращение срока службы в армии до одного года. Именно в студенческой среде чаще проявляются радикальные точки зрения, например, желание видеть во главе страны сильного монарха, часто – «похожего на Сталина».

Итак, **общим местом для большинства страт российского общества сегодня является дистанцирование от политики, восприятие государства как внешнего, отчужденного от них института с собственными интересами и логикой поведения, которую можно реконструировать, но на которую почти нельзя повлиять и изменить.** Суждения о политике этой части населения – а сюда входят такие многочисленные группы, как бюджетники, рабочие, селяне, часть студентов – часто негативны, представителям власти высказывается недоверие, основанием которого служит жизненный опыт, порой достаточно давний, а также убеждения и бытовые стереотипы, в том числе передаваемые из уст в уста и из поколения в поколение. Тяжелое материальное положение используется не как повод заинтересоваться политикой, а напротив, как оправдание отсутствия интереса к политическим новостям. Подобные установки превращаются в своеобразное «сито», фильтр, через который просеивается исходящая от государства информация, а также ограни-

чивается характер тех запросов, которыми эти группы, в свою очередь, бомбардируют государство.

В отличие от носителей патриархальной политической культуры меньшая часть населения (в основном представители малого и среднего бизнеса, городской «средний класс», часть студентов), обладая более высоким уровнем образования и благосостояния, будучи более информированной, самостоятельной и активной, обязанной своим достигнутым статусом самим себе, а не власти, осознает роль политики в их жизни и даже, отчасти, необходимость личного участия в ней. Эти группы в большей мере настроены воспринимать сигналы от государства, но у них также существуют фильтры восприятия информации, основанные на опыте, часто – негативном.

Сдержанно-недоверчивая позиция общества по отношению к государству сама по себе создает сложности функционирования связи, поскольку стимулирует политическую пассивность граждан, безнадзорность и бесконтрольность госчиновников, постоянно подпитывает неформальные механизмы решения жизненных проблем – через связи, знакомых, коррупцию, – культивируют обычное право («понятия») в ущерб писаному (закону).

Проблемный фон, или чего люди ждут от власти? Остановимся подробнее на различиях в том рейтинге проблем, которые наиболее важны для основных социальных страт. В запросах **бюджетников** лидируют социальные проблемы: низкие зарплаты и безработица, коммерциализация и упадок здравоохранения и образования (в том числе отсутствие притока квалифицированных кадров). Далее следуют проблемы, общие для всей страны: высокие тарифы и низкое качество услуг ЖКХ, закрытие предприятий, возможное повышение пенсионного возраста. Бюджетники считают, что решение всех этих проблем зависит от государства, и не замечают изменений к лучшему. Картину будущего представители этой социальной группы рисуют в мрачных тонах, ожидая деградации и вымирания населения страны. Бюджетники традиционно обеспокоены проблемой индексации заработных плат. Они вспоминают, что в прошлые годы рост зарплат был более заметным, хотя и тогда практически постоянно ощущался недостаток средств.

Рабочие в круг наиболее актуальных проблем включают инфляцию, низкий жизненный уровень населения и безработицу, затем растущие тарифы ЖКХ, распространение преступности, алкоголизм и наркоманию. **Сельские жители** начинают все разговоры с фиксации общей «разрухи» на селе, а затем переходят на перебои с коммунальными услугами, водой, проблемы с

вывозом мусора. В ряду первоочередных проблем называют крайне низкий уровень зарплат по сравнению с существующими ценами и тарифами, недоступность образования и здравоохранения. Часто ответственность жители деревень возлагают на районную или областную администрацию, реже решения проблем ожидают от федеральной власти.

Пенсионеры обеспокоены главным образом размером своих пенсионных выплат и плохой работой системы здравоохранения. Далее следуют проблемы ЖКХ, образования и молодежи. Поскольку пенсионеры интересуются политикой, они обращают внимание на самый широкий спектр проблем: коррупция, некачественная работа правоохранительных органов, неработающие законы. Активно обсуждаются упадок промышленности и сельского хозяйства, нерациональное природопользование, падение морали и нравов, имущественная поляризация российского общества, отсутствие заботы власти о благополучии населения.

Городской средний класс в качестве первоочередных заявляет проблемы дорогого и некачественного здравоохранения, образования, а также недоступность жилья. Кроме этого, «середняки» охотно говорят об экономических и политических проблемах в целом, о коррупции, проблемах науки и гражданского общества. Это едва ли не единственная группа, которая связывает нерешенность социальных и экономических проблем с политической ситуацией, рефлексирует на тему устройства политической системы, ответственности власти перед народом и гражданского общества.

Малый бизнес поднимает, в первую очередь, также проблемы образования и здравоохранения. Если проблемы развития бизнеса предприниматели в состоянии решать сами, то решения социальных проблем они ждут от государства. Характерно, что представители малого бизнеса практически не упоминали в списке проблем коррупцию. Вероятно, это можно объяснить тем, что коррупция прижилась как один из работающих механизмов решения проблем, в том числе, удобный для самих предпринимателей. Проблемы политики представителей малого бизнеса заботят мало, в отличие от такой темы, как невозможность взять дешевый, длинный и по возможности беззалоговый кредит в банке.

Средний бизнес начинает тоже с проблем социальной сферы, образования и здравоохранения, распространения алкоголизма и наркомании, общей деградации населения. Их решение, по мнению представителей бизнес-сообщества, зависит в первую очередь от федерального уровня власти, в частности, от президента и правительства. Лишь небольшая часть этой группы

верит в способность гражданского общества – как самих людей, так и общественных объединений – решить проблемы такого уровня. Надежд на местное самоуправление или региональную власть бизнесмены не возлагают.

Студенты заботятся главным образом о работе и жилье. Далее следуют алкоголизм, наркомания, преступность. В существовании этих и других проблем студенты чаще склонны винить власть, чем общество, хотя они отмечают «отупение» и пассивность масс, указывают на традиционно высокий уровень терпения российского народа, отсутствие контроля общества над властью, своекорыстие госчиновников.

Что знает власть о проблемах народа? Значительная часть запросов к власти остается невысказанной и растворяется в «кухонных разговорах», а в непосредственные обращения к государственным органам выливается лишь определенная их часть. Таким образом включается **второй фильтр,** отсекающий те проблемы, которые, по мнению людей, власть все равно не решит, а значит, не имеет смысла и пытаться с ними обращаться к государству. В результате до госчиновников доходит в виде писем, запросов, жалоб в основном информация следующих типов:

– в органы местного самоуправления чаще всего идут с жалобами на ЖКХ, инфраструктуру, благоустройство территорий и прочими наболевшими социально-бытовыми проблемами;

– в органы региональной и федеральной власти чаще всего приходят обращения, касающиеся работы ЖКХ (непрерывный рост тарифов, неудовлетворенность качеством работы коммунальных служб, проблемы аварийного и ветхого жилья); занятости (проблемы трудоустройства, в первую очередь выпускников вузов и средних специальных учреждений); вопросы по задержке заработной платы и незаконному увольнению; работа учреждений здравоохранительных, недоступность лекарственных препаратов; просьбы о финансировании творческих и спортивных инициатив (участие в различных фестивалях, соревнованиях, издание книг и пр.).

Представители региональной законодательной власти в своей практике все чаще сталкиваются с обращениями граждан о недопустимости введения платного среднего образования, кроме того, для пенсионеров остается актуальной проблема монетизации и размера компенсаций за отмену льгот. В адрес региональных исполнительных властей регулярно поступают запросы, связанные с социальной защитой населения, а именно: просьбы в оказании содействия в оформлении льгот и пособий малообеспеченным слоям населения

или в зачислении детей в детские сады. Кроме того, в адрес законодательных органов регулярно приходят запросы относительно роста тарифов на услуги и товары повседневного спроса; жалобы на работу правоохранительных органов, судебную систему, их коррумпированность; неудовлетворенность размером пенсионного обеспечения; работа общественного транспорта в городах (тарифы, маршруты).

Исследование также показало, что представители практически всех социальных групп оценивают уровень информированности властей о проблемах населения как достаточный. При этом распространено представление, что уровень информированности понижается с повышением уровня власти. Случаи отсутствия информации о проблемах населения у властей чаще всего объясняются не дефицитом или плохой работой каналов передачи информации, а отсутствием внимания чиновников к данной теме. Наиболее критично информированность властей о проблемах населения и их внимание к этим проблемам оценивают представители бизнеса.

Среди каналов информирования властей о проблемах населения представители всех социальных групп чаще всего упоминали средства массовой информации, обращения граждан, результаты социологических исследований, доклады аналитических структур. **Зато никто не вспомнил о деятельности политических партий, которые, по идее, должны представлять интересы населения во власти.** Деятельность СМИ во всех группах, кроме пенсионеров, воспринимается критично, люди сетуют на непрофессионализм журналистов, изобилие «чернухи и порнухи», необъективность освещения актуальных проблем. Больше доверия вызывают социологические опросы и особенно – Интернет.

Для собственных обращений к власти более молодая и «продвинутая» часть населения предпочитает использовать Интернет. Представители старшей возрастной группы, особенно пенсионеры, предпочитают пользоваться традиционными каналами обращения, хотя они и вызывают неприязнь своей забюрократизированностью («Нужно обойти двадцать инстанций, заполнить какую-то бумажку, и попробовать ее куда-то донести и кому-то передать»).

Несколько особняком стоят здесь сельские жители. Они считают, что их проблемы известны только местным властям, а федеральные власти знают о них мало («У президента свои дела, он знает только то, что губернатор доложит»). В качестве основных источников информации сельчане видят прямые обращения граждан. Напомним, что большинству сельских жителей до

сих пор доступны лишь один-два телеканала и местные газеты, доступ в Интернет имеют немногие, а качество связи оставляет желать лучшего.

Респонсивность: необходимая и достаточная. Результаты исследования убедительно показали, что респонсивные способности современного российского государства достаточно высоки. С утверждением, что власти прислушиваются к мнениям и запросам населения, согласно относительное большинство опрошенных. Данные опросов населения подтверждают, что действия Президента и Правительства отражают (в целом или в значительной степени) интересы большинства населения. Об этом же свидетельствует высокий уровень совпадения проблем, наиболее значимых для малообеспеченных, массовых слоев населения (пенсионеры, бюджетники, рабочие) – доходы, цены, занятость, и приоритетов действий власти, сосредоточившей в ходе кризиса 2008–2009 гг. свои усилия на решение приоритетных для этих важных групп населения.

Анализ механизмов реагирования государства на запросы различных социальных групп подтвердил известное положение социологии менеджмента, что управление в сложных системах осуществляется не путем формирования интегральных оценок, суммирующих весь спектр значимых показателей, но путем реакции на критичные отклонения небольшого числа показателей, которые свидетельствуют об угрозах для стабильности или снижения эффективности системы. Неслучайно в ходе исследования опрошенные указывали, что власти реагируют либо на кризисные явления, либо на явления, угрожающие стабильности. При этом чиновники рассматривают эти явления через призму прямой угрозы увольнения за соответствующие допущенные упущения.

Выявленный в ходе исследования характер реакции системы государственного управления на угрозы стабильности позволяет сформулировать ключевую проблему: **способность власти верно идентифицировать соответствующие проблемы и угрозы исходя из анализа текущей ситуации и актуальной повестки дня.** Сегодня эта повестка дня определяется, не только вышестоящими звеньями «вертикали власти», но и «посредниками» (публикациями СМИ, выступлениями политиков, экспертов).

В настоящее время в стране нет значимых сил, способных поколебать социально-политическую стабильность:

- «пенсионеры», «бюджетники», «рабочие», «сельские жители», одновременно и ощущают заботу власти о решении своих проблем и достаточно пассивны в реакции на ущемления своих интересов. Эти группы способны к локальным протестам при малом потенциале самоорганизации. Все это обес-

печивает власти и «партии власти» достаточную электоральную поддержку и ограждает власть от протестов, значимых для стабильности системы;

• «средний класс», «крупный и средний бизнес» и «посредники» очень эгоцентричны, ощущают зависимость своего положения от взаимоотношений с властью, не склонны к активным и солидарным действиям и, в силу этого, мало склонны к самоорганизации и вряд ли способны бросить вызов существующей власти. Их слабая электоральная активность также ведет к снижению уровня вызовов стабильности политической системы;

• региональные власти находятся под плотным контролем «вертикали власти» и их латентное недовольство существующим положением также с высокой степенью вероятности не может стать вызовом для стабильности.

Однако социально-политическая стабильность носит негативный характер, т.е. способна поддерживать статическую стабильность. Развитие же, неразрывно связанное с социально-экономической активностью «среднего класса», малого и среднего бизнеса, требует интеграции этих групп в функционирование политической системы. Сегодня они весьма низко оценивают способность и готовность государства удовлетворять общественным запросам. Эти группы вменяют политической системе собственные представления относительно приоритетов респонсивности (существенно отличающиеся как от приоритетов власти, так и от массовых представлений), сформированные в основном под влиянием идеологических стереотипов.

Переориентация власти преимущественно на приоритеты этих групп привела бы к существенному снижению общей респонсивности системы, так как они, эти приоритеты, существенно расходятся с приоритетами большинства населения. Однако и игнорирование ожиданий этих групп ведет к существенным внутренним напряжениям политической системы. Неудовлетворенность образованных активных групп стимулирует оппортунистическое поведение и уклонение от соблюдения требований действующего законодательства, создает барьеры для интеграции этих групп в политическую систему. Чтобы их преодолеть, нужно преодолеть ряд дисфункций политической системы.

Первая из них – это неспособность государства, реализующего на практике интересы большинства населения, доказать авангардным, передовым группам, что именно такая политика является признаком высокого уровня демократизма политической системы. Ведь именно активные группы предъявляют ей претензии в недемократичности, что является как результатом реальных дефектов функционирования политической системы, так и искаженных, навязанных «посредниками» (СМИ, «экспертами», отчасти представи-

телями политических партий) неадекватных представлений о критериях демократичности, их смешивания и подмены критериями либеральности (т.е. собственными узкогрупповыми представлениями). В результате приоритеты социальной политики государства, которые, как в точности соответствуют запросам большинства населения, почему-то не рассматриваются в качестве последовательно демократической политики.

В не меньшей мере эта дисфункция является результатом того, что государство и поддерживающие его политические силы оказались не способны переломить ложные представления влиятельных групп о критериях политики государства, о последовательной демократичности этой политики. В значительной мере это связано с тем, что государство, его политические представители не рассматривают в качестве своего важного приоритета задачу разъяснение целей и реально достигнутых результатов своей социально-политической деятельности. Объяснением такого положения, отчасти, является нежелание политического руководства страны действовать по отжившим стереотипам советского идеологического аппарата. Также здесь сказывается слабый политический контроль за деятельностью «посредников», формально идентифицирующих себя в качестве агентов государственной политики, а на практике являющихся бенефициарами своей агентской функции.

Исследование также выявило явную слабость во взаимопонимании между бизнесом и властью. Бизнес не оценил характер и масштаб позитивных усилий государства по преодолению кризиса. Его внимание больше привлекали просчеты и неуспехи государства в ходе антикризисной политики. В большой мере эти проблемы – результат недостаточности усилий государства по установлению содержательного взаимопонимания с бизнесом. Политическая система явно полагается на наличие ранее сформированной модели рамочного контроля «вертикали власти» над политической активностью бизнеса, которая блокирует эту активность. Эта модель работает в условиях стабильности, но сбоит при переходе к развитию, когда необходима внутренне мотивированная активность крупного и среднего бизнеса в решении задач посткризисного развития и модернизации экономики.

Бизнес, кроме того, не рефлексирует свое социально-политическое положение, стремится уклониться от участия в политике, хотя вполне отдает себе отчет в существенном влиянии политики на свое положение. Одновременно в среде представителей бизнеса широко распространены сетования на «слабость обратной связи». Это означает, что бизнес рассчитывает, что кто-то (например, «высшие власти») сам по себе, без участия предпринимателей, построит демократическое правовое государство, вполне комфортное для

действий бизнеса. Но политические реалии состоят в том, что без участия активных групп, на практике знакомых с функционированием политической системы, это малореалистично. Устранение бизнеса от участия в политике ведет к тому, что в политической системе получает преобладание бюрократический элемент, а политическое руководство остается «один на один» с бюрократией. Усиление влияния бюрократических элементов, в свою очередь означает снижение демократических тенденций. Бюрократия может повысить эффективность политической системы за счет развития ее процессуальной компоненты, но не за счет ее демократизации и развития системы обратной связи, противоречащих корпоративным интересам бюрократии.

И наконец, на наш взгляд, исследование показало, что «посредники», вопреки их исходному функциональному предназначению, не ориентированы на установление коммуникаций между «народом» и «властью». В условиях отсутствия институциональных средств, обеспечивающих поддержание их изначальной функциональной ориентации, а также аналогично действующих внутренних этически обусловленных мотиваций, «посредники» используют свою функциональную свободу для реализации своих собственных интересов, и прежде всего для повышения собственного социального статуса. Важным средством для этого традиционно выступает критика властей, ведь в русской истории последних двух веков принято и прилично власть критиковать, а сотрудничать с ней – непринято и даже «позорно».

В результате действия «посредников», чрезвычайно важных для нормального функционирования государства и политической системы в целом, дефакто не направлены на интеграцию через развитие взаимопонимания между различными стратами, с одной стороны, и властными структурами, с другой. Напротив, они стимулируют рост взаимонепонимания и напряжения в отношениях между властью и обществом. Парадоксально, но рост этих напряжений вполне соответствует интересам «посредников», так как априорно повышает спрос на услуги «посредников», обещающих донести до сторон аутентичную информацию о том, что происходит на самом деле – и как эту напряженность преодолеть. В этом смысле «посредники» выступают не просто «кривым зеркалом», но и важными бенефициарами социальной напряженности, и предоставление им дополнительной свободы действий никак не приведет к разрядке напряженности и улучшению общественной атмосферы, но напротив, будет способствовать совершенно другим последствиям – взаимной возгонке неоправданных, завышенных и ни на чем не основанных ожиданий, культивированию атмосферы взаимонепонимания и взаимонеуважения, закроет перспективы нормализа-

ции отношений общества и власти. Так уже однажды произошло – два десятилетия назад, в ходе перестройки, превратившейся в «катастройку», так может произойти и сейчас.

ДИСБАЛАНС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И РЫНКА ТРУДА

В России в последние десятилетия отмечен феноменальный всплеск интереса к высшему образованию: если в конце 1980-х–начале 1990-х гг. студентом становился лишь каждый пятый выпускник средней школы, то теперь почти 90%[1]. Вуз стал фактически обязательным этапом жизненного пути российской молодежи. Во многом это связано с неуклонным ростом в стране числа учебных заведений высшего профессионального образования. По данным Минобразования РФ, с 1990 г. по 2005 г. их число выросло с 514 до 1068, т.е. более чем в два раза, и в наибольшей мере за счет негосударственных вузов. Если в 1990 г. в России не было ни одного негосударственного вуза, то в 2005 г. их насчитывалось уже 413.Сейчас в РФ больше вузов, чем во всём СССР[2].

В 1990 г. на первый курс вузов было зачислено 584 тыс. человек, а в 2005 г. их уже было около 1 млн 640 тыс. Относительные статистические показатели на 10 тыс. человек также свидетельствуют о значительном (в три раза) увеличении числа студентов. Если в 1990 г. на 10 тыс. населения приходилось 190 студентов, то в 2005 г. – уже 481. В 1990 г. окончили вузы 401 тыс. человек, а в 2005 г. высшее образование в России получили 1 млн 151 тыс. (см. табл. 1).

В 2010 г. министр образования и науки РФ А.Фурсенко привел данные, согласно которым в 2006 г. было 1 млн 300 тыс. выпускников школ. К 2012 г., по прогнозу министра, количество выпускников школ в России может сократиться до 700 тыс. «Нет студентов – нет работы для преподавателей», – добавил Фурсенко. При этом он сообщил, что в 2009 г. без студентов на бюджетных местах остались лишь 20 вузов. «Почти все набрали на бюджетные места. Сократился прием на места платные. Абсолютно в полном провале оказались негосударственные вузы, они набрали от 15 до 50% своего обычного набора»[3].

---

[1] *Чадаев А.* Путин. Его идеология. М., 2006. С.112.

[2] Количество вузов в России больше чем в бывшем СССР [http://www.rian.ru/society/20050211/26015957.html]

[3] Через 3–4 года количество студентов в России сократится вдвое [http://www.ucheba.ru/vuz-news/11376.html].

Таблица 1

Статистика высшего образования

Год	Количество вузов		Набор на первый курс, тыс.	Выпуск, тыс.	Студентов на 10 тыс. населения, чел. / %
	Всего	В том числе негосударственных вузов			
1990	514	-	584	401	190 / 1,9
1995	759	193	678	402	189 / 1,89
2000	965	358	1293	635	327 / 3,27
2005	1068	413	1640	1152	481 / 4,81
2010	972	352	-	-	-

Источник: Министерство образования и науки РФ.

В крупных городах произошло перепроизводство ряда специалистов, таких как юристы, экономисты, бухгалтеры и т.п. Если в 1990 г. специалистов в области экономики и управления было около 14%, в гуманитарно-социальной сфере около 12%, то в 2003 г. их уже было примерно 30% и 21%, соответственно. При этом относительная доля специалистов технической направленности, имеющих высшее образование, уменьшилась в два раза. Таким образом, абсолютное количество «технарей» осталось прежним, а «экономистов» стало в шесть раз больше, причем в 2008–2010 гг. данная тенденция сохранялась[1].

Существенную роль в «затоваривании» рынка труда обладателями дипломов подобных «модных» профессий сыграли открывавшиеся на протяжении 90-х гг. многочисленные «коммерческие» вузы, отличающиеся подчас низким уровнем подготовки студентов. Представители власти сегодня признают, что появление в 90-е гг. множества «коммерческих» вузов, где, по словам А.Фурсенко, «можно не учиться, а купить образование», ставило задачей снижение социальной напряжённости в обществе[2].

Правда, существенная часть выпускников вузов не работает по специальности, реализуя себя в качестве так называемых «*менеджеров*», нечто среднего между конторскими клерками и торговыми агентами. В то же время действительно серьёзные работодатели в качестве одного из требований, предъяв-

[1] Статистика высшего образования по 2010 год. [http://www.repetitory-org.ru/other/vuzstat.php]
[2] *Савицкая Н.* О поколении, которое мы теряем // А.Фурсенко: «Нужно покончить с ситуацией, когда большинство студентов не учатся, а тусуются» [http://mon.gov.ru/press/smi/8148/].

ляемых к соискателям вакансий, выдвигают окончание престижных (т.е. «государственных») вузов. Подобно тому, как исторически свирепость наших законов смягчалась их неисполнением, так и перепроизводство недоквалифицированных специалистов и недостаточное качество образования в вузах компенсируется нецелевым характером занятости их выпускников.

Устойчивая тенденция к усилению дисбаланса между реальными потребностями экономики в специалистах и массовой продукцией высшей школы обрела столь опасные масштабы, что вынудило реагировать политическое руководство страны. В Послании Президента Федеральному Собранию РФ от 2004 г. указанный дисбаланс подвергся резкой критике, там же были перечислены основные его причины, намечены пути преодоления. Однако за прошедшее время ситуация принципиально не изменилась, а по некоторым направлениям ухудшилась. И вот уже в рамках обсуждения национального проекта «Образование» тогда ещё кандидат в Президенты РФ Д.Медведев говорит о «перепроизводстве» в стране юристов и экономистов и дефиците инженеров-конструкторов и технологов. В целом, по-прежнему свыше половины выпускников российских вузов по разным причинам не идут работать по специальности[1], а в некоторых регионах страны положение и того хуже. К примеру, в Красноярском крае по профилю трудоустраиваются не более 15% обладателей дипломов, так что высшая школа работает «вхолостую» на 85%[2].

Однако на «нецелевое» трудоустройство значительной доли отечественных молодых специалистов можно взглянуть и под иным углом зрения. Действующий закон РФ «Об образовании» утверждает как общие культурно-воспитательные задачи, так и задачи по воспроизводству и развитию кадрового потенциала общества (ст. 14). В целом, поиск оптимального баланса между подготовкой широко информированных, ответственно мыслящих членов общества и специалистов-профессионалов на практике остаётся одной из наиболее сложных проблем системы высшего образования. Ведь практика, особенности функционирования отечественной «пореформенной» экономики продемонстрировали в качестве устойчивой характеристики её нестабильность. Отчасти это объясняется принципиальной интеграцией страны в мировую экономику, глобально-сетевой характер которой порождает быстрые и резкие инвестиционные колебания, соответственно, подъёмы и спады занятости в

[1] *Байбеков Ш.* Ритуальное шествие в вузы //«Профиль». 2006, №24, 10 июля. С.34.
[2] «Профиль», №34, 19 сентября 2005. С.32.

разных отраслях. Данные процессы уже потребовали перехода экономически развитых стран к концепциям, предусматривающим «перманентное», «продлённое» образование, необходимость неоднократной переквалификации человека в течение его жизни. И оказалось, что в этих непростых условиях, когда получить дивиденды на специальное («узкозаточенное») образование становится всё сложнее, люди с более широкой подготовкой легче адаптируются к рыночным предложениям и успешней заполняют неожиданно возникшие вакансии, чем узкопрофильные специалисты.

Что касается принимаемых мер, то на рост вузов и числа студенчества с середины 2000-х гг. Минобразования РФ не смогло предложить ничего, кроме сокращения бюджетной составляющей участия государства в образовательной политике, т.е. углубления коммерциализации высшей школы. В 1990-е гг. прием абитуриентов в российские вузы на бюджетные места был сокращен на 14%, а в рамках последующих реформ системы образования предусматривалось сократить число «бесплатных» мест на дневных отделениях вузов еще на 10%, на 30% снизить стипендии, существенно увеличить плату за общежития[1]. Затем, под предлогом «демографических колебаний» было сокращено 35 тыс. студенческих бюджетных мест[2] вечернего и заочного типа обучения. А знаменитый закон №122, отменил ряд законодательных актов, касающихся образования и произвел контрреформы в ключевых вопросах образования: уменьшил социальные гарантии и свободу участников образовательного процесса.

Демографическая ситуация на «завтра» выступает базовым аргументом подобных мероприятий и становится предлогом к сокращению числа вузов и преподавательского состава[3]. Следующим этапом станет принятие документов, связанных с концепцией управления имущественными комплексами и перевод государственных вузов в категорию «автономных учреждений». Однако, по мнению экспертов, такое «автономное плавание» сильнее усугубит крен отечественной высшей школы в сторону коммерциализации, что никак не сможет способствовать повышению качества образования.

Продолжается острая полемика вокруг проекта закона «Об образовании». И если, по мнению авторов законопроекта, в современных условиях возможны три основных сценария образовательной политики: ностальгиче-

[1] «Российская газета» 1998, 30 июня. С.8; «Итоги». 1998, №27, 13 июля. С.59.
[2] «Деньги». 2006, №33 [589] 21–27 августа. С.7.
[3] См. В России вдвое сократится количество студентов [http://lenta.ru/news/2010/01/03/fursenko/].

ский, радикальный, и умеренный, то их оппоненты называют эти сценарии по-другому: один – модернизационный, второй – разрушительный и третий – деградационный[1].

Сегодня лозунгом дня стала «модернизация». Много говорится об экономике знаний. Но эксперты указывают на проблему замещения высококвалифицированных кадров, интеллектуального потенциала общества. В настоящее время в России только 20,6% экономически активного населения имеют высшее образование. Специалисты считают, что в будущем 60–90% граждан, занятых в экономике, должны иметь высшее образование. В США таких 33%. Учитывая демографический спад, в России должны были бы создаваться условия для получения взрослым населением высшего образования. Вместо этого сокращается бюджетный прием темпами, превышающими спад населения. Но ведь треть населения страны не могут оплатить высшее образование, даже если соберут все материальные ресурсы[2].

Чтобы понять жизненные стратегии российского студенчества в условиях подобного реформирования системы образования обратимся к данным опросов, проводившихся Сектором социологии образования ИСПИ РАН.

Достаточно высокий конкурс на получение высшего образования сохраняется, несмотря на демографический фактор. При этом, как показывает опыт, даже учёба на бюджетном отделении требует серьёзных материальных затрат, не говоря про контрактное. Что же побуждает юношей и девушек, несмотря на материальные и психологические нагрузки, поступать в вуз? На какого рода дивиденды они рассчитывают? Тем более, что если в первую половину 1990-х гг. студенты, обучающиеся по контракту на платной основе воспринимались как некая экзотика, то теперь такие студенты составили существенную долю обучающихся. Опросы показывают, что ныне высшее образование даже в государственных вузах получают за счет бюджета 60% опрошенных, а 40% учатся по контракту. Причём материальная поддержка со стороны предприятий, организаций встречается пока редко: лишь 5% респондентов, обучаются по «целевому направлению», а каждый третий оплачивает обучение самостоятельно из семейного бюджета или частных доходов.

---

[1] Стратегия российской образовательной политики: есть ли альтернатива? Что собой представляет на самом деле «Модернизация образования», и каковы её возможные социальные последствия для России [http://www.smolin.ru/duma/audition/2005-02-16.htm].

[2] Сколько вузов нужно России [http://rggu.clan.su/news/2009-02-04-7].

Итак, каковы мотивы, приведшие студентов в вуз? За последние полтора десятилетия в качестве таковых преобладало стремление сделать карьеру, получить интересную профессию, стать материально обеспеченным, получить диплом, но за период 1996–2010 гг. менялась иерархия приоритетов (см. табл. 2[1]).

Таблица 2

Студенты о мотивах поступления в вуз

Москва, в % от числа опрошенных, ранги

Вы поступили в вуз в надежде, что он даст Вам возможность в будущем:	1996 (№=621)		2002 (№=560)		2006 (№=556)		2008 (№=704)		2009 (№=590)		2010 (№=630)	
Сделать карьеру	51	I	46	II	44	II	50	II	51	I	52	I
Получить интересную профессию	45	III	47	I	43	III	39	IV	46	II	43	III
Продолжить семейную традицию	17	VII	11	VII	-*	-*	13	VIII	10	VIII	12	VIII
Стать материально обеспеченным	35	V	41	IV	38	IV	52	I	45	III	46	II
Повысить культурный уровень	34	VI	32	V	29	V	24	V	26	V	29	V
Избежать призыва в армию	36	IV	25	VI	-*	-*	19	VI	13	VII	12	VII
Получить диплом	47	II	45	III	48	I	44	III	41	IV	39	IV
Расширить круг общения, устроить личную жизнь	-*	-*	-*	-*	-*	-*	16	VII	15	VI	19	VI
Пока не работать	9	VIII	4	VIII	3	VI	3	IX	1	IX	1	IX
Затрудняюсь ответить	3	-	2	-	3	-	1	-	1	-	2	-

* В анкете данная позиция отсутствовала.

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

[1] В тексте используются данные опросов, проведенных сектором социологии образования ИСПИ РАН за период 1995–2010 гг. в 42 вузах Москвы и Казани (МГУ им. Ломоносова, МГТУ им. Баумана, МГТУ-МАМИ, МГТУ «Станкин», МГГУ им. Шолохова, МАДИ, МПГУ, РУДН, МАИ, МЭИ, МГИМО, МЭСИ, РГАУ-МСХА им. Тимирязева, РГГУ, РГСУ, МГЮА, ГУУ, МФЮА, РЭА им. Плеханова, МИРЭА, МАТИ, МФТИ, МИФИ, МГСУ, МГУПС-МИИТ, РХТУ им. Менделеева, АТиСО, МИСИС, МГУП, ГУ-ВШЭ, РГГРУ им. Орджоникидзе, РГУ-НиГ им. Губкина, ГИТИС-РАТИ, МГГУ, ИГУМО, МосГУ, СГУ, МГОУ, ММА им. Сеченова, Академия Натальи Нестеровой, КГТУ) среди студентов дневных отделений гуманитарных и технических специальностей. Общий объем выборочной совокупности – более 4000 человек. Юношей и девушек среди них примерно поровну, в подавляющем большинстве – это молодежь до 23 лет, в основном не состоящая в браке (более 90%). Опрошенный массив тесно связан с родительской семьей: свыше 80% студентов проживают вместе с родителями. Национальный состав – в подавляющем большинстве русские. Выборка, репрезентирующая пропорциональное соотношение обучающихся по гуманитарным и техническим специальностям, адекватна данному объекту исследования. Девушек – 52%, юношей – 48%. Научн. рук. исследования – к.ф.н. Т.В. Ковалёва, отв. исп. – к.с.н. И.А.Селезнёв. Авторы выражают благодарность профессорам д.п.н. Л.Н.Алисовой (НОНФ), д.с.н М.А.Будановой (МПГУ), д.с.н. Д.К.Танатовой (РГСУ), д.с.н. А.Р.Тузикову (КГТУ) за помощь в организации и проведении исследований.

По данным опроса, устойчивее всего стремление сделать карьеру, его указало 44–52% опрошенных (ранг значимости I–II). Достаточно весомы и содержательные побуждения: пришли в вуз овладеть интересной профессией 44–46% респондентов. Этот мотив, занимавший в 1996 г. III место, в 2002 г. становится наиболее важным для поступивших вуз, а затем возвращается на II–IV места в 2006–2010 гг. Сегодня 26–29% студентов заявляют, что планируют повысить в вузе свой культурный уровень (ранг V).

Если в первое десятилетие экономических «реформ» (1996) чуть более трети респондентов, и это весьма примечательно! – надеялись, что высшее образование поможет стать им материально обеспеченными, то в 2008–2010 гг. этот фактор вышел на I–III места. В 1990-е гг. среди части молодёжи бытовало представление, что образование и социальный статус между собой не связаны, и приводились примеры успешных «коммерсантов» без высшего образования, «новых русских» в красных пиджаках и с золотыми цепями на шее. Со второй половины 2000-х гг. в качестве престижного образца для студенческой молодёжи предстаёт эдакий стильный «яппи», офисный молодой профессионал с хорошим образованием и, зачастую, зарубежной стажировкой.

Что касается формального мотива поступления в вуз – стремления получить диплом, то хотя он и относится к числу доминирующих (39–48%), но удельный вес его менялся со II места (1996) до I (2006) и постепенно снижается на III–IV места в 2008–2010 гг. Сильнее данная мотивация была выражена у студентов технических вузов. Это может быть связано как с универсальностью отечественной инженерной школы, выпускники которой находят себе применение в самых различных отраслях и сферах хозяйственной жизни, так и, напротив, опасениями студентов, что их судьба как специалистов по разным причинам может и не состояться и стремлением запастись «впрок» дипломом о высшем образовании, без которого многие направления карьеры оказываются закрыты. И прагматичным сознанием того, что заветная «корочка» в любом случае пригодится – и при приеме на работу, пусть не по профилю, и в копилку социального статуса, и даже как своеобразное «приданное» к семейной жизни.

Если в 2008–2009 гг. 15–16% опрошенных студентов указали, что поступали в вуз в надежде расширить круг общения, устроить личную жизнь (VI–VII место), то в 2010 г. данная группа охватывала уже каждого пятого. Выстраивание полезных связей, знакомств, коммуникаций в профессиональном мире, по мнению американских специалистов, может служить характеристикой прагматичного подхода к образованию, когда еще в студенческие

годы, на основе приятельских отношений возникают совместные научные и бизнес-проекты.

Часть юношей традиционно рассматривают учебу в вузе как легальную возможность избежать призыва в армию. При этом в 1996 г. данный мотив отметили треть респондентов, а в 2002 г. – каждый четвёртый. И это не удивительно, на момент опроса весной 1996 г. в разгаре была малопопулярная «первая чеченская кампания», а в 2002 г. сохранялись отголоски «второй чеченской», правда проводившейся с более понятными рядовому гражданину России целями. На сегодняшний день, в связи с сокращением срока службы до 1 года, как и урезанием числа вузовских военных кафедр, данная группа респондентов сократилась. Ценят вуз как инстанцию, предоставляющую отсрочку от призыва в армию ныне 12–13% опрошенных (ранг VI).

У нынешней молодежи совершенно незначительным мотивом для поступления в вуз оказалось желание «пока не работать». Его признали единицы (1%). Тем более, что сегодня даже среди студентов дневного отделения неработающие оказываются в меньшинстве (34%). Подрабатывают время от времени 37%, а более четверти вынуждены работать постоянно.

Складывается картина, при которой большинство студентов работает, «подучиваясь», и это не может не сказываться на качестве усвоения знаний.

Преемственность семейных традиций всегда отличала отечественную интеллигенцию. Так, если по данным опроса 1996 г. 17% респондентов (ранг значимости VII) пришли в вуз, надеясь продолжить семейную профессиональную традицию, то в последние годы численность данной группы снизилась до 10–12% (ранг VIII).

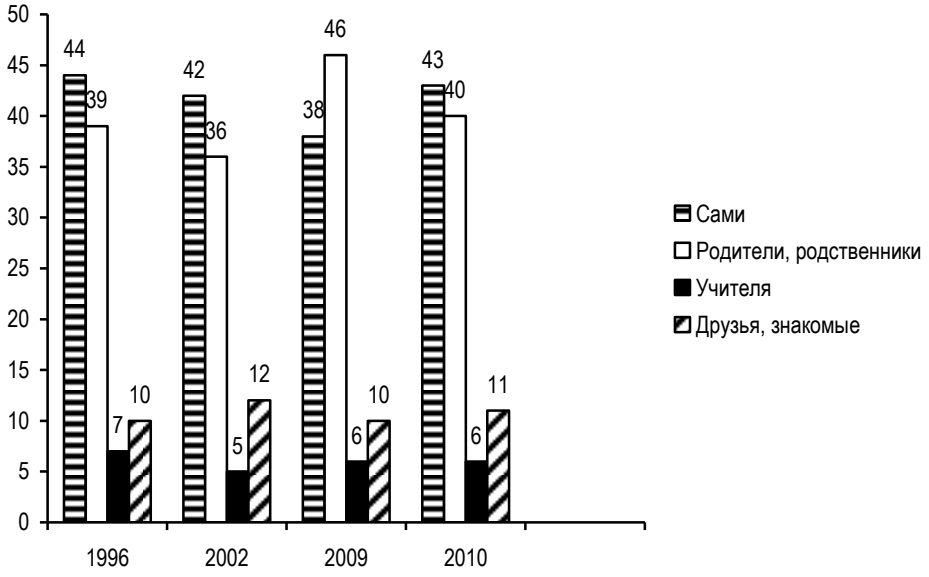
Хотя сегодня всего лишь каждый десятый респондент указывает, что пришел получать высшее образование исходя из семейной профессиональной традиции, тем не менее мнение родителей и родственников оказывается существенным при выборе вуза: от 36% до 46% опрошенных, указывали, что прислушивались к советам родителей при выборе вуза (см. диаграмму 1).

Эффективность профессионального становления во многом зависит от активности и самостоятельности индивида в выборе своей специальности. По данным опросов, руководствовались исключительно собственным выбором 27%, советами друзей, знакомых – каждый десятый из нынешних студентов. А вот влияние школьной профориентации достаточно слабо: учителя повлияли на выбор лишь 5–7% опрошенных и этот показатель не повысился за последние годы, даже при введении ЕГЭ.

Диаграмма 1

Кто больше всего повлиял на Ваш выбор вуза?

Москва, студенты, % от числа опрошенных



Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

О продуманности, неслучайности сделанного студентами выбора будущей профессии косвенно свидетельствует факт предварительной подготовки при поступлении в вуз. За истекший период тенденции не изменились: среди студентов преобладают занятия на подготовительных курсах при вузе, с репетитором и самоподготовка. В 1996–2002 гг. 12–15% опрошенных утверждали, что сдавали вступительные экзамены в вуз, не занимаясь никакой дополнительной подготовкой, ныне эта группа респондентов сократилась до 2–4%.

Наиболее востребованы подготовительные курсы при вузе, однако, если в 1996–2002 гг. на них обучался почти каждый второй будущий студент, за последние годы введение единого госэкзамена снизило интерес к таким курсам до 39–40%. Зато введение ЕГЭ подхлестнуло востребованность репетиторства: если в 1996–2002 гг. нанимал преподавателей для дополнительных занятий каждый четвёртый, то в последние годы репетиторы «натаскивали»

на ЕГЭ уже треть будущих студентов. Также заметно увеличение роли самоподготовки при поступлении в вуз (в 1996–2002 гг. – 13–19%, в 2008–2010 гг. – 28–35%).

Часть студентов приходит в вуз повышать квалификацию, ранее получив уже среднее специальное образование в училище, колледже, техникуме. (Тут преобладают студенты-технари, среди гуманитариев – в основном в педагогических и медицинских вузах.) Если еще два года назад лишь 6% студентов заявили, что учились в классах школы, заранее ориентированных на выбор будущей специализации, то в 2010 г. таких было в два раза больше. Кроме того, если в 1990-е гг. факультативные занятия в школе были востребованы 6–7% будущих студентов, то в 2008–2010 гг. их посещали 9–12% респондентов.

Что касается причин выбора вуза, то в 2008–2010 гг. для 42–49% опрошенных преобладает наличие необходимой специальности. Престиж, репутация вуза были существенны для 45% (в 2008 г. – 36%) опрошенных. А вот значение лёгкости поступления как основной причины выбора вуза снизилось. Невысокий вступительный конкурс оказался решающим в 1996 г. для трети, а в 2008–2010 гг. лишь для пятой доли опрошенных. Если в 1996–2002 гг. наличие связей, знакомств в приёмной комиссии обусловило выбор вуза для 19–23% студентов, то в 2008 г. число указавших это причину снизилось до 14%, а 2009–2010 гг. – до 7–8%. Можно предположить, сокращение данной группы связано с внедрением ЕГЭ.

В условиях рынка конкурируют не только абитуриенты за студенческие места, но и вузы за «платных» студентов. Приемлемый уровень оплаты за обучение, как основание выбора вуза, был назван каждым пятым респондентом.

Удобное расположение вуза к месту жительства в 2002–2010 гг. оказалось важным для 12–15%, а наличие общежития для 6–13% опрошенных. Кроме того, часть студентов (8–12%) поступала в вуз по причинам совсем далёким от сферы образования: за компанию с другом, подругой, из-за наличия секции по любимому виду спорта, желания уехать из родного города в Москву и т.п.

В рамках реформы российской системы образования, с 2009 г. единый государственный экзамен (ЕГЭ) стал обязательной и основной формой итоговой аттестации выпускников школ и приема абитуриентов в вузы страны. **Внедрение данной процедуры проверки знаний выпускников школ вызвало острую поляризацию мнений в обществе.**

В качестве аргументов в поддержку позитивных изменений, привносимых с принятием ЕГЭ в практику поступления в вузы, относят социальную справедливость, уравнивающую шансы тех, кто учился в глубинке и в столичных городах, а также антикоррупционную направленность.

Однако практика обязательного единого госэкзамена вызвала острую критику со стороны экспертов и ряда политиков. Приводились факты, что ЕГЭ «не выявляет способностей человека к дальнейшему обучении в вузе, способностей к анализу и мышлению», он недопустим для проверки знаний по истории, литературе, естествознанию, не стал ЕГЭ и антикоррупционным инструментом – если раньше платили за то, чтобы поступить в университет, то теперь платят за то, чтобы получить хорошие баллы на ЕГЭ или подготовиться к нему[1]. Благодаря ЕГЭ российские вузы набрали в 2009 г. на большинство инженерных специальностей абитуриентов, имеющие глубокую «тройку» по физике и математике, тем не менее, будут затрачены бюджетные средства на подготовку из этих неготовых к учебе в вузе студентов инженеров[2].

К тому же не учитываются социальные последствия: повсеместного насаждение ЕГЭ приведет к созданию армии «лишних людей», значительная часть молодёжи, несколько сот тысяч человек, не смогут в условиях кризиса трудоустроиться и при этом не смогут получить образование, в том числе даже за деньги. Результатом такой политики станет рост социальной напряженности, экстремизма в молодёжной среде[3].

После появления данных о массовых нарушениях при сдаче ЕГЭ в ряде российских регионов власти начали всерьез обсуждать возможность проведения повторного ЕГЭ для первокурсников всех вузов. В качестве пробной меры Рособрнадзор принял решение провести соответствующую проверку в 10−15 вузах, в их число вошли пять вузов Москвы. По результатам проверки, например, более половины первокурсников двух факультетов МГУ – механико-математического и вычислительной математики и кибернетики провалили контрольные работы по материалам ЕГЭ. По оценке ректора МГУ Виктора Садовничьего, форма проведения ЕГЭ небезупречна и должна меняться, в проведении экзамена должны участвовать эксперты и профессиона-

[1] http://www.s-cool.ru/article457.html.
[2] Там же [http://www.infox.ru/science/enlightenment/2009/09/28/MGU_provalil_kontrol.phtml].
[3] *Смолин О.* Мировой экономический кризис вызовы социальной политике // «Альтернативы». 2009, №1. С.49.

лы, а не чиновники. Нужно создать специальные центры по проведению ЕГЭ, независимые от государства, но признанные и в обществе, и во власти[1].

Параллельно, в средствах массовой информации периодически появлялись разоблачения мошенничеств, связанных с предложением услуг по сдаче ЕГЭ[2]. Пресса сообщала о сборе школьниками, родителями и учителями подписей за ограничение ЕГЭ[3]. Итогом вала критики в адрес единого госэкзамена и многочисленных обращений к президенту РФ по этому поводу стало создание в октябре 2009 г. при администрации Президента РФ надведомственной комиссии по совершенствованию ЕГЭ.

Анализ этих событий свидетельствует об остроте и актуальности социальных проблем, порождённых введением ЕГЭ, обозначился даже внутриэлитный конфликт между различными группами «политического класса». Отношение к единому госэкзамену обозначило раскол, прошедший и через группы общественности, и представителей власти и экспертов и, разумеется, самих учащихся. Сегодня в вузах учатся как те, кто сдавал ЕГЭ, так и поступавшие через традиционную систему приёмных экзаменов. Поэтому мнение студентов об оптимальной системе конкурса абитуриентов было весьма показательно.

Судя по данным опросов, большинство респондентов настроено скептически. Если до введения ЕГЭ (2002) 36% полагали, что «особых изменений не произойдёт», и каждый третий считал, что «будет только хуже», то в 2008–2010 гг. уже 45–47% респондентов убеждены, что «станет только хуже», а ещё четверть опрошенных полагает, что эта мера никак не повлияет на отбор наиболее способных абитуриентов.

Однако следует отметить, что и число сторонников единого госэкзамена увеличивается: если в 2002 г. до введения ЕГЭ менее шестой части опрошенных считало, что новая форма экзамена поможет набрать в вузы наиболее подготовленную молодёжь, то в 2010 г. это мнение разделял каждый четвёртый респондент.

Что касается качества отечественного высшего образования в целом то оно не вызывает у российских студентов чувства неполноценности: в 2002 г.

---

[1] *Маслов Г.* МГУ провалил контрольную по ЕГЭ [http://www.infox.ru/science/enlightenment/2009/09/28/MGU_provalil_kontrol.phtml].

[2] *Горелик О.* Тест для нашего кошелька. Как мошенники пытаются заработать на Едином госэкзамене // «Мой район». 2009, №19, 5 июня. С.5.

[3] Медведев, спаси от ЕГЭ // «Труд». 2009, №012, 26 января [http://www.trud.ru/article/26-01-2009/137413_medvedev_spasi_ot_ege.html].

сочли его лучшим в мире 44%, отвели ему среднее в международном масштабе место 41%, в число худших его зачислили только 4%. У 7% не сложилось определенного мнения. **Однако с годами снижается общая оценка качества российского высшего образования.**

Качественным показателем социально-профессиональной адаптации студенчества к будущей специальности являются также текущие оценки в ходе обучения. Опыт показывает, что их уровень даёт достаточно точное представление о способности и желании будущих специалистов усвоить знания, необходимые для решения профессиональных задач.

Серьёзным показателем успеваемости студента, роста его квалификации служит его интерес к участию в научно-исследовательской работе в студенческих обществах, кружках, вместе с преподавателями в хоздоговорной деятельности кафедр. Опытом такой деятельности в 2008–2010 гг. обладали 38–40% опрошенных. Большинство же студентов остаётся в стороне от научно исследовательской деятельности.

Помимо введения ЕГЭ, другая реформа в сфере образования связана с присоединением России к Болонскому процессу и переходом высшей школы на двухступенчатую систему обучения*: бакалавриат* и *магистратуру*. Планируется, что 80–90% студентов должны выпускаться с дипломом бакалавра и только 10–20% – продолжать обучение. Не афишировавшаяся, но кулуарно не скрывавшаяся цель данных изменений – сокращение расходов на высшее образование. Но, по мнению экспертов, сокращение в 5–10 раз числа обучающихся на старших курсах вызовет столь же существенное сокращение числа преподавателей, что грозит разрушением сложившихся научно-педагогических коллективов. При этом, показательно, что наибольшее раздражение перспектива выпуска бакалавров вызывает не у преподавателей вузов, а у работодателей, особенно из сферы высокотехнологических отраслей (оборонно-промышленный комплекс и др.), опасающихся исчезновения возможности получать из вузов по-настоящему квалифицированные кадры[1].

Де-факто на сегодняшний день в большинстве отечественных вузов параллельно сосуществуют как традиционные программы обучения *специа-*

[1] *Селезнёв И.* Эпоха болонского просвещения: кому нужны «бакалейщики»? [http://www.snd-su.ru/cgi-bin/rg.pl?param=div2&page=4&type=2354&what=1001]; *Волчкевич И.* Страсти по бакалавру. Государственная высшая школа – это не то место, где государство должно зарабатывать легкие и быстрые деньги // «НГ-Наука», 27/02/08 [http://www.ng.ru/science/2008-02-27/23_bachelor.html].

листа так и программы подготовки *бакалавров* и *магистров*. А какой уровень квалификации представляется студенческой молодёжи достаточным для успешной работы по их специальности? Судя по опросам 2008–2010 гг. диплом *специалиста* продолжает оставаться наиболее авторитетным (46–49%). На квалификацию *магистра* ориентируется 22–26% студентов. Кроме того, по мнению каждого десятого респондента (10–13%), по-настоящему освоить их специальность можно только с получением учёной степени кандидата или доктора наук. Не будет ошибкой предположение, что эта группа студентов настроена на поступление после вуза в аспирантуру, на научную карьеру.

Что касается диплома *бакалавра*, то скептицизм работодателей по его поводу не остаётся для студентов тайной. Всего 7–9% опрошенных считают, что для успешной работы по специальности достаточно уровня бакалавра. Это мнение шире распространено среди студентов гуманитарных вузов.

В современных условиях достаточно широкой практикой стало получение людьми, успешно делающими карьеру в бизнесе, второго высшего образования по экономике, финансам, юриспруденции и т.п. Достаточно ли, по мнению студентов, для успешной востребованности на рынке труда одного диплома о высшем образовании? Убеждены, что для «свободы маневра» нужно и второе образование по другой специальности 36–39% (2008–2010) опрошенных. Эта точка зрения чаще встречается среди гуманитариев. Но более половины респондентов разделяют противоположное мнение – для успешной карьеры достаточно одного высшего образования. В 2009–2010 гг. как и в 1996 г. половина респондентов оптимистически смотрит на перспективы карьеры по специальности (см. табл. 3).

В планировании студентами будущего трудоустройства произошли некоторые изменения. Если, по данным 2006 г. не менее половины учащихся с разной мерой определенности представляли, где будут работать, когда станут молодыми специалистами или уже там работали (подрабатывали), то теперь определился с будущим местом работы лишь каждый третий. Правда, следует отметить, что осталась на том же уровне (8–9%) группа респондентов, нацеленных на получение практического опыта и уже работающих в организации, где собираются выстраивать карьеру после получения диплома (см. табл. 4).

В непрерывном поиске привлекательных вакансий ощущает себя 43–45% респондентов (в 2006 г. – треть). Несмотря на преобладание в студенческой среде настроений озабоченности ситуацией на рынке труда, число опрошенных, индифферентных к проблеме будущего места работы, не задумывающихся над ней, даже выросло с 16 до 24%.

Таблица 3

Оценка студентами перспектив успешной карьеры по специальности

Москва, в % от числа опрошенных

Как Вам представляются перспективы для успешной карьеры по Вашей специальности?	1996 (№=621)	2006 (№=556)	2009 (№=590)	2010 (№=630)
Вполне благоприятные	48	40	51	47
Не очень благоприятные	24	28	27	29
Совсем неблагоприятные	12	7	5	7
Затрудняюсь ответить	16	25	17	20

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Таблица 4

Планирование студентами будущего трудоустройства

Москва, в % от числа опрошенных

Определились ли Вы, где станете работать после получения диплома?	2006 (№=556)	2009 (№=590)	2010 (№=630)
Да, я это точно знаю	8	25	24
Примерно, да	34	-*	-*
Нет, пока ничего подходящего не вижу	34	43	45
Я уже там работаю (подрабатываю)	9	8	9
Пока об этом не думал(а)	16	24	22

* В анкете позиция отсутствовала.

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

В поиске места будущей работы студенты полагаются в первую очередь на свои личные связи и знакомства – их упомянул каждый второй респондент. Треть опрошенных обращается к объявлениям в СМИ (пресса, Интернет), 17% полагаются на кадровые агентства, 14% – надеются на предложения со стороны вуза. По данному вопросу не наблюдалось принципиальных различий между студентами технических и гуманитарных специальностей.

Поиск трудоустройства по специальности, особенно в условиях экономического кризиса, становится существенной проблемой для выпускников вузов. Треть опрошенных не проявляла повышенной озабоченности ситуацией на рынке труда. Опасения по поводу предстоящего трудоустройства по специальности выразили 42% опрошенных.

Какие же причины могут заставить выпускников вуза отказаться продолжать карьеру по своей специальности? Для 15% это разочарование в профессии, 28% указывают, что по их специальности в условиях кризиса сложно

найти работу, а 11% – на низкую оплачиваемость их специальности. В то же время до трети студентов твёрдо нацелены на работу по специальности.

Но если молодые специалисты-выпускники вузов часто не удовлетворены размером предлагаемой оплаты труда, то наниматели (бизнес, государство) – выражают недовольство качеством их подготовки. Последнее, в частности, вызвало свёртывание сотрудничества бизнес-структур с вузами[1].

Когда-то в советское время существовала система обязательного распределения молодых специалистов, начиная с 2009 г., правительство Москвы и ряда других субъектов федерации стало предлагать распределение выпускникам вузов, относящимся к льготным категориям (инвалиды, дети-сироты и т.д.). Следует ли вернуться к системе распределения выпускников, обучавшихся за счёт госбюджета? Идею вернуться к нему поддержала в 2009–2010 гг. почти половина опрошенных студентов, оппозиционно к ней относится каждый пятый. Ранее, в ходе опроса 1996 г. наоборот, около половины опрошенных отрицательно отнеслись к идее распределения выпускников вузов, а в 2006 г. число сторонников и противников распределения выпускников было равновеликим – по трети респондентов.

Сложность поиска подходящей работы с приемлемой оплатой в своей стране повышает интерес образованной молодежи к трудовой миграции за границу. По данным опроса 2006 г., 58% респондентов указали, что иностранное признание диплома им не слишком важно, а 17% – считают его для себя вовсе ненужным. Но четверть опрошенных придает признанию своих вузовских дипломов другими странами очень большое значение, и именно в этой группе видится наиболее вероятный потенциал будущих трудовых эмигрантов. Эмиграционные настроения могут служить не только показателем социальной мобильности индивидов (социальных групп) или степени их патриотизма, но и индикатором социального оптимизма. С одной стороны, за период 1997–2008 гг. число намеренных в любом случае вернуться в Россию составляет почти половину респондентов и наоборот те, кто намерен остаться за рубежом навсегда находятся на уровне пятой доли опрошенных (см. табл. 5).

Нельзя сказать, что студенчество в массе своей собирается искать лучшей доли за границей. Хотя в значительной своей доле студенты и сохраняют присущий их возрасту оптимизм и веру, что их способности и таланты нужны родной стране и найдут в ней применение, но нельзя не отметить увеличение группы «Вернусь при благоприятной обстановке в России».

[1] См. *Амелькина А.* Не тому учат //«Профиль». 2006, №28, 24 июля. С.40–41.

Таблица 5

Эмиграционный потенциал студенческой молодёжи

Москва, в % от числа опрошенных

Если бы Вам предоставилась возможность поехать для учёбы (работы) за границу, как бы Вы поступили в дальнейшем?	1997 (№=615)	2001 (№=770)	2002 (№=560)	2008 (№=704)	2009 (№=590)	2010 (№=630)
1.В любом случае вернусь на родину	48	49	52	47	43	45
2.Вернусь при благоприятной обстановке в России	17	16	23	26	31	28
3.Постараюсь остаться за рубежом навсегда	22	19	11	20	19	21
4.Суммарный эмиграционный показатель (№2+3)	39 (17+22)	35 (16+19)	34 (23+11)	46 (26+20)	50 (31+19)	49 (28+21)
5.Эмиграционнй коэффициент Кэ (№1–4)	+9	+14	+18	+1	-7	-4
Затрудняюсь ответить	13	16	14	7	7	6

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Отмечается рост суммарного показателя эмиграционного потенциала. В 1997 г. этот показатель составлял 39%, в 2001–2002 гг. – 34–35%, что, по-видимому, связывалось с социальными ожиданиями после избрания В.Путина Президентом России, Однако, начиная с 2008 г. идет увеличение суммарного показателя, а в 2009–2010 гг. суммарный показатель «потенциальных невозвращенцев» достиг половины респондентов и стал впервые превышать размеры группы респондентов, намеренных вернуться в Россию при любых обстоятельствах. Всё это позволяет утверждать о наметившемся росте эмиграционного потенциала в среде студенческой молодёжи.

В целом, анализируя трансформации в российской системе образования за прошедшие два десятка лет можно обозначить четыре основных фактора, определяющих тенденции сегодняшнего состояния и развития социального института высшей школы.

Во-первых, процессы интеграции отечественного образования в международную сферу разделения труда, и развитие трансграничного образования и другие аспекты, связанные с присоединением к Болонскому процессу. На протяжении долгого времени ведутся разговоры о приведении отечественной системы высшего образования к западным стандартам. При этом полагается, что отечественная научно-педагогическая школа проигрывает в сравнении с западной. Соответственно повысить качество подготовки специалистов можно путём её перестройки по «Болонским» образцам. Однако складывается парадоксальная ситуация, когда наряду с сетованиями на мировую неконкурентоспособность отечественной высшей школы, много говорится и об «утечке

умов» на Запад, причём существует и точка зрения на этот процесс как желательный, вписывающий Россию в глобальное разделение труда[1]. Но тогда «низкая квалификация» и «неконкурентоспособность» отечественной системы подготовки специалистов выглядят в значительной мере преувеличенными.

Во-вторых, стремление к сохранению национальной идентичности в глобализирующемся мире. Здесь можно приводить доводы в диапазоне от национального и религиозного возрождения до сохранения наработанного, в том числе за советский период культурно-исторического опыта, достижений научно-педагогических школ, методических стилей и подходов, многие из которых носят беспрецедентный и уникальный характер. Здесь важным является и сохранение духовно-интеллектуального наследия, и институциональных форм, показавших себя эффективными на протяжении десятилетий, а то и столетий (например, РАН).

В-третьих, сложившиеся «ножницы» между подготовкой специалистов вузами и их целевым трудоустройством. Значительный социальный риск заключается в структурной несбалансированности. А несбалансированность эта определяется неадекватностью общественным потребностям. Как заявил А.Фурсенко, в вузы идут даже те молодые люди, которые не хотят продолжать учебу. «Для них это возможность еще на какой-то срок отложить решение о том, чем они будут заниматься по жизни», – считает министр. Говоря о тех студентах, которые уже есть в российских вузах, он заявил, что лишь 15–20% из них учатся «по-настоящему». «В хороших вузах – 30 процентов», – добавил глава министерства[2]. Примерно столько же после окончания вуза работают по полученной специальности.

В-четвертых, коммерциализация и прагматизация образования, появление негосударственных вузов, стремление сегодняшних вузов выжить в условиях конкуренции, расширить свою нишу на рынке образования, привлечь новых потребителей предлагаемых услуг (учащихся) и приспособить учебные программы под актуальный «спрос». Современные вузы стали превращаться в учебно-сервисные комплексы, предлагающие услуги не только образовательные, но и сугубо социальные – например, молодые люди имеют законную возможность «откосить» от призыва в армию.

---

[1] *Берлин Е.* Чтобы не отстать навсегда // «Профиль». 2006, №38, 16 октября. С.58–59. [http://www.hse.ru/pressa2002/default.php?show=15527&selected=3393&PHPSESSID=0].

[2] В России вдвое сократится количество студентов [http://lenta.ru/news/2010/01/03/fursenko/].

Главная проблема «платного» образования, по мнению специалистов – проблема отбора: если вместо самых способных и талантливых брать в вузы тех, кто сможет больше заплатить, уровень выпускника высшей школы станет стремиться к нулю. Конкурс экзаменационных оценок всё более сменяется конкурсом кошельков. И поскольку отсев по уровню знаний практически отсутствует, то все 100% оплативших обучение заканчивают вузы, получают дипломы. Снижается как уровень подготовки студентов, так и преподавания, ведь зачастую в такой ситуации ни студенты, ни преподаватели не заинтересованы в реальном обучении и передаче знаний.

II Новая структуризация общества

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Долгие годы российское общество находилось в состоянии перехода при том, что никто точно не знал, куда оно идет и с какой социальной скоростью движется. Во многом оно остается таковым и сегодня, олицетворяя собой трудный для социологического анализа объект, обладающий, по сравнению с большинством западных стран, особенностями, существенно затрудняющими оценку и прогноз направлений происходивших и происходящих в нем социально-экономических и политических перемен.

Отечественные и зарубежные экономисты полагают, что главное, что произошло в российском обществе за последние десятилетия, связано с революцией в отношении к собственности. И в целом это действительно так, ибо, несмотря на то, что Россия до сих пор не стала рыночным социумом европейского типа, а государство и народное хозяйство по-прежнему связаны друг с другом самым тесным образом, отечественная экономика в основном приватизирована, и в стране существуют рынки. Вместе с тем у социологов есть веские основания полагать, что все самое важное, качественно новое и распространенное по своим количественным показателям произошло за годы российских реформ в трех сферах нашего общества, определяемых термином «социальный» – социальная стратификация, социальные неравенства и социальная повседневность. Характеристики и показатели, используемые для описания глубины изменений в этих сферах, результаты многолетних исследований, проводимых по репрезентативным общероссийским выборкам, вынуждают сделать принципиальный вывод: *за годы реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность*. Какова же эта реальность в социологическом измерении?

Опуская тему социальных неравенств и социальной повседневности, широко освещенную в специальной литературе[1], обратимся к результатам анализа социальной стратификации российского общества. В истории развития последней выделяют, как правило, три этапа: дореволюционный, советский и современный.

В период до Октябрьской революции 1917 г. в России существовало деление общества на сословия (привилегированные и податные) – социальные группы с закрепленными законом или обычаями наследственными правами и обязанностями. Различия между ними заключались в правах на государственную службу и чинопроизводство, на участие в государственном управлении, на самоуправление, правах по суду и отбыванию наказания, правах на собственность и торгово-промышленную деятельность и, наконец, правах на получение образования.

Данные Всероссийской переписи 1897 г. говорят о том, что, с точки зрения сословного положения, население российского социума распределялось следующим образом: 99,8 млн (71%) составляли крестьяне; 13,4 млн (10,7%) – мещане; 1,7 млн (1,5%) – потомственные (имевшие право передавать титул по наследству) и личные (не обладавшие таким правом) дворяне; 624 тыс. (0,5%) – купцы и почетные граждане; 589 тыс. (менее 0,5%) – духовенство; около 1 млн (0,8%) – «прочие» («инородцы», деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности)[2]. При этом специфику российского общества составляли более широкие, чем во многих европейских странах, возможности перехода из одного сословия в другое, в том числе повышения сословного статуса через государственную службу, а также широкое включение в состав привилегированных сословий представителей вошедших в Россию народов.

После реформ 1860-х гг., ближе к началу XX века значение межсословных различий постепенно уменьшалось, что было связано с формированием социальных классов промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. Однако переход от сословной структуры к структуре классовой так и

[1] См., например: Социальное неравенство и публичная. М., 2007; Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М., 2007; Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008; Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М., 2009; Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009; Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010 и др.

[2] *Федоров В.А.* История России. 1861–1917 г. 2-е изд., перераб.и доп. М., 2009.

не был завершен в России в дореволюционный период: окончательно сословные различия и привилегии были упразднены в стране лишь после Октябрьской революции 1917 г.

Советскому обществу была свойственно социально-классовое устройство, основным критерием которого выступало отношение к средствам производства, предопределявшее роль представителей тех или иных классов в общественной организации труда, а также размер и источники получаемой ими доли общественного богатства. Согласно марксистской теории классов, социальная структура советского государства, официальный образ которого характеризовался как образ общества, «в котором есть классы, но нет классовых антагонизмов и классовой стратификации»[1], представлялась знаменитым «трехчленом» – юридически закрепленным в Конституции СССР 1977 г. союзом двух классов, существование которых признавалось официально и ассоциировалось с различными формами социалистической собственности – рабочего класса и колхозного крестьянства, и слоя трудовой интеллигенции, в который попадали люди самых разных категорий, от партийных функционеров до представителей культуры и искусства и малоквалифицированных работников, выполняющих несложные функции умственного труда, отличающиеся и по уровню доходов, и по властным функциям, и по образовательному уровню.

На протяжении ряда десятилетий общее направление социально-структурных изменений – как количественного (в пропорциях, удельном весе различных социальных групп и слоев), так и качественного (внутри социальных слоев и в отношениях между ними) порядка – обусловливалось процессами индустриализации и урбанизации страны. Одни социальные группы росли быстрее за счет других. При этом основными тенденциями социальной мобильности были: из деревни в город, из колхозного крестьянства в рабочий класс, из всех социальных классов и групп – в интеллигенцию. Общее представление о динамике социального состава населения СССР дают следующие данные (см. табл. 1).

Несмотря на многочисленные заявления власти о равенстве всех людей в советском государстве, равенство это носило декларативный и условный характер.

[1] *Ossowski S.* Class Structure in the Social Consciousness. L.: Routledge, 1963.

Таблица 1

Классовый состав населения СССР

1939/1959/1975 гг., %

Социальные группы	1939	1959	1975
Рабочие	33,5	49,5	60,9
Служащие	16,7	18,8	22,0
Крестьяне	45,3	31,71	17,1

Источник: Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М., 1976. С.38.

Даже на официальном уровне признавалось существование значительных различий между рабочими, крестьянами и интеллигенцией: так, «Краткий экономический словарь» 1958 г. характеризовал рабочий класс СССР, не только как самую крупную и постоянно растущую социальную группу, но и как «ведущий класс советского общества», наделенный особой «исторической миссией», связанной с процессом перехода страны к коммунизму[1].

За 20 предвоенных лет курс на индустриализацию экономики привел к троекратному увеличению численности рабочего класса. За три послевоенных пятилетки численность рабочих возросла в СССР более чем в 2 раза[2]. К началу 1950 г. население страны насчитывало 178,5 млн человек, из которых 69,4 млн (39%) приходилось на города, а 109,1 млн (61%) – на сельскую местность. Через 15 лет в Советском Союзе проживало 229,2 млн человек, причем преобладали уже горожане (53%), тогда как селяне составляли 47%[3]. Снижение доли сельского населения в целом и колхозного крестьянства в частности было связано с ростом городского населения, порожденным изменением отраслевой структуры занятости, дальнейшим обобществлением колхозно-кооперативной собственности.

Неуклонное сокращение численности сельских жителей предопределялось и доминантами социально-экономической политики государства, объяснявшего происходящее закономерными, объективно обусловленными тенденциями дальнейшего развития индустрии, транспорта, механизации и электрификации, большим размахом строительных работ[4].

---

[1] Краткий экономический словарь. М., 1958. С.283.

[2] Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки. М., 1977. С.20.

[3] Население СССР-1987: Статистический сборник. М., 1988. С.8.

[4] См., например: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х–начало 60-х годов. М., 1992; *Альтерович О.Н.* Социальная структура советского общества. Матери-

Помимо этого массовая миграция из деревни имела и экономические причины, носила характер пассивного сопротивления социальной и экономической политике государства. Отток сельских жителей можно расценить как реакцию на безнадежное положение, в котором пребывала деревня. Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что уровень жизни рабочих и служащих в большинстве своем значительно превышал уровень жизни сельских жителей. Вместе с тем даже в конце 1950-х гг. труд в городе оставался значительно более перспективным, оплачиваемым и социально защищенным, чем в колхозе. Не говоря уже об уровне культурного обслуживания и возможности устроить личную жизнь. В 1955–1961 гг. были приняты законы социального характера, существенно улучшавшие правовое положение городского населения, и в первую очередь индустриальных рабочих. В частности, в апреле 1956 г. был отменен закон 1940 г. о прикреплении рабочих к производству и суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящимся было предоставлено право самостоятельно (при соблюдении определенных формальностях) менять место работы. В сентябре того же года законодательно устанавливается минимум заработной платы.

Помимо гарантированной заработной платы работа на промышленных предприятиях и в строительстве влекла за собой и другие социальные блага и преимущества, включая гарантированное обеспечение по старости, т.е. пенсии, впервые установленное для колхозников лишь после XX съезда КПСС, но только в том случае, если они продолжали работать в колхозах.

Несмотря на то, что мероприятия, проводимые партией (денежное авансирование колхозников, переход к денежной оплате их труда, паспортизация жителей села и др.), способствовали некоторому улучшению жизненного уровня колхозников, различие между городом и деревней оставалось весьма существенным.

Вследствие масштабного роста миграционных потоков в направлении деревня – город аграрное производство теряло наиболее перспективную часть трудовых ресурсов. Из покинувших деревню в 1960–1964 гг. 7 млн человек 6 млн приходились на лиц в возрасте 17–29 лет, т.е. на молодежь, что, несомненно, означало снижение производительности труда в сельском хозяйстве,

алы к лекциям. М., 1968; *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968 и др.

а в общем смысле и постарение деревни[1]. По данным исследований, проведенных в 1970–1980-е гг., доля занятых в аграрных отраслях экономики продолжала сокращаться, тогда как доля занятых на промышленных предприятиях, в сферах управления и обслуживания – расти[2].

Увеличение числа лиц с высшим и средним специальным образованием, широкое распространение и доступность которого являлись завоеваниями социализма, способствовало росту удельного веса работников умственного труда в народном хозяйстве СССР и России. Так, если в 1960 г. в стране насчитывалось 9,9 млн специалистов и служащих, то в 1985 г. их численность составила 20,9 млн человек[3]. Таким образом, к началу 1990-х гг. последние представляли значимую часть (25%) занятого населения страны. Более половины из них были задействованы в производственных отраслях народного хозяйства. При этом темпы роста численности специалистов намного превышали темпы роста рабочего класса. Интеллигенция стала массовым слоем российского социума[4].

В конце 1980-х гг. социальная структура советского общества отражала процессы динамичного, сложного и многопланового развития. Большинство занятого населения по-прежнему составлял рабочий класс – на его долю приходилось 62,4% всех занятых в экономике. Вторую по численности и удельному весу группу представляли служащие (занятые умственным тру-

---

[1] *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С.234.

[2] См., например: *Руткевич М.Н.* Тенденции развития социальной структуры советского общества. Лекция. М., 1975; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976; Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976; *Семенов В.С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1977; *Староверов В.И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978; Социальная структура городского населения СССР. Уфа, 1979; *Лукина В.И., Нехорошков С.Б.* Динамика социальной структуры населения СССР. М. 1982; *Гордон Л.А., Назимова А.К.* Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985; Развитие социальной структуры общества в СССР. М., 1985 и др.

[3] *Терентьев А.А.* Социальная структура российского общества: прошлое и настоящее. Нижний Новгород, 2003. С.29–30.

[4] См., например: *Бляхман Л.С., Шкаратан О.И.* НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973; *Астахова В.И.* Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976; *Руткевич М.Н.* Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977; Социальное развитие советской интеллигенции. М, 1986 и др.

дом, не требующим высокой квалификации) и специалисты – 28,5%. Около 9% приходилось на долю колхозного крестьянства[1].

Экономические реформы, изменения общественных форм многочисленных социальных институтов рубежа XX – XXI вв. с необходимостью повлекли за собой трансформацию социальной структуры российского общества, равно как и природы ее компонентов – групп и общностей[2].

Процесс формирования новой социальной структуры, ее состава происходил под воздействием трех основных факторов:

✓ возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности (работники кооперативов, предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.п.);

✓ трансформация государственной формы собственности, повлекшая за собой изменение положения традиционных классово-групповых общностей (их границ и количественно-качественных характеристик), возникновение пограничных и маргинальных слоев;

✓ появление новых слоев, социоструктурных образований и элиты[3].

В условиях крушения социалистической идеологии публично критикуется доктрина социальной структуры по формуле «два класса – один слой»[4], ставится под сомнение необходимость преимущественного изучения объективных тенденций (научно-технический прогресс, система организации общественного производства, распределительные отношения) ее формирования при практически полном игнорировании субъективных сторон социокультурных процессов. Возникают вопросы: из каких классов, групп и слоев реально состоит российское общество, какова их субординация; что представляют собой критерии социальной дифференциации, динамика социальной структуры

[1] Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М., 1989. С.34.

[2] Подробнее см. Социальные структуры и социальные субъекты. М., 1992; Процессы социального расслоения в современном обществе. М., 1993; Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996 и др.

[3] Социология в России. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1998. С.119.

[4] Подробнее см. *Рывкина Р.В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. М., 1989. С.29–35.

и механизмы ее воспроизводства[1]. Все чаще на повестку дня ставится проблема поиска теории, адекватно объясняющей происходящую трансформацию социальной структуры российского общества.

Многие из предложенных в ту пору концепций не были бесспорными. Вместе с тем они доказывали, что уже к середине 1960-х гг. традиционный «трехчлен» (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция), по сути, утратил свое значение, превратившись в идеологическую догму, умело маскирующую действительную социальную дифференциацию: господствующее положение в обществе партийно-государственного аппарата, ставшего на деле новым высшим классом советского общества.

Постепенно в отечественном обществознании утверждается стратификационная парадигма изучения социального расслоения, согласно которой общество предстает в категориях многомерного иерархически организованного социального пространства, где социальные группы и слои различаются по степени обладания собственностью, властью, доходами, социальным статусом[2]. Требование учета подобной «многомерности» предполагает анализ проблем социальной дифференциации, ориентированный не только на межгрупповые, но и на внутригрупповые различия статуса индивидов. В духе концепции социальной стратификации наряду с экономическим типом социального расслоения, традиционно значимым для марксизма, рассматриваются профессиональный и властный (управляющие и управляемые) статусы, престиж (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки), а также степень адаптации к происходящим переменам.

Выполненные в рамках данного подхода исследования[3] говорят о том, что социальную структуру современного российского общества преждевре-

---

[1] См., например: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992; *Бауман З.* Мыслить социологически. Пер. с англ. М., 1996; *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002 и др.

[2] О зарождении и развитии отечественных стратификационных концепций, а также о социальной стратификации в обществах советского и постсоветского типа см. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1996. С.222–312.

[3] *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // «Социологические исследования». 1991, №1. С.50–61; Социальные структуры и социальные субъекты. М., 1992; Процессы социального расслоения в современном обществе. М., 1993; Формирование социально-структурных общностей городского населения. М., 1994; Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества. М., 1995. Кн. 1, 2; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Соци-

менно оценивать как полностью устоявшуюся. Скорее, речь идет о своеобразном «поляризованном плюрализме». Происходят изменения в системе отношений собственности, распределения, общественной организации труда, в сфере социальной мобильности. Трансформационные процессы способствуют возникновению новых социальных общностей, выходу на общественную сцену отсутствовавших ранее социальных групп и массовых слоев, изменению системы групповых интересов, способов поведения и социальных взаимодействий. На первый план в качестве дифференцирующего их признака выходит порожденная приватизацией и разгосударствлением экономики многоукладность отношений собственности, но еще более обостряющаяся и углубляющаяся имущественная дифференциация, поляризирующая интересы социальных групп[1].

Подобные, казалось бы, разрозненные явления, на самом деле являются разными сторонами единого процесса – социальной трансформации общества. Вот почему их важно изучать не только в отдельности, но с учетом их взаимосвязей. Возникает необходимость в социологическом анализе не только принципов и оснований социального расслоения (дезинтеграции), но и реальных процессов интеграции, становления новой социальной модели современного российского социума.

Процесс трансформации социальной структуры советского социалистического общества в структуру общества капиталистического далек от завершения. Однако как следует из результатов исследований[2], на месте суще-

---

альная стратификация. М., 1996; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996; Социальная стратификация российского общества. М., 2003; Модернизация социальной структуры российского общества. М., 2008 и др.

[1] См., например: *Горшков М.К.* Социальные неравенства как вызов современной России // «Вестник Института социологии». 2010, №1. С.24–47.

[2] Здесь и далее мы будем обращаться к результатам исследований: «Новая Россия: десять лет реформ» (Институт комплексных социальных исследований, 2001 г.); «Богатые и бедные в современной России» (Институт комплексных социальных исследований РАН, 2003 г.); «Социальное неравенство в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Городской средний класс в современной России» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Российская идентичность в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2007 г.); «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (Институт социологии РАН, 2008); «Чего опасаются россияне» (Институт социологии РАН, 2009); «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» (Институт социологии РАН, 2009); «Готово ли российское общество к модернизации?» (Институт социологии РАН, 2010).

ствовавших в Советском Союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции в пореформенном российском обществе сложились 10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны.

Сегодня социологам доступен широкий диапазон разнообразных методов и подходов к выделению и описанию формирующих социальную структуру общества страт или слоев. Используя различные шкалы стратификации, указанные подходы учитывают в качестве составляющих принадлежности к той или иной страте такие критерии, как уровень образования, профессия и квалификация, отношение к собственности, власть, доход, характер внепроизводственной деятельности и другие. Вместе с тем очевидная специфика российского социума проявляется, например, в том, что в условиях современной России уровень образования или занимаемая должность далеко не всегда являются основополагающими в определении размера дохода или социального статуса. Подобное положение вынуждает отечественных исследователей предлагать иные подходы к стратификации, один из которых опирается на критерии уровня жизни и был разработан специалистами Института социологии РАН. С учетом данного подхода стратификация может проводиться на базе критерия жизненных шансов в сфере потребления или так называемого *индекса уровня жизни*, учитывающего широкий спектр не только денежных, но и любых других доступных населению экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т.п.), а также возможности удовлетворения групп потребностей, связанных с различными видами внепроизводственной деятельности людей (в рекреации, развлечениях, медицинской помощи, саморазвитии, общении и т.п.).

Исходной гипотезой при построении индекса выступало предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Тем самым рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации – испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ[1].

В рамках выявленной – на основе описанного выше подхода – модели стратификации выделяются *две* первые нижние *страты*, объединявшие к

[1] Подробнее см. Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009.

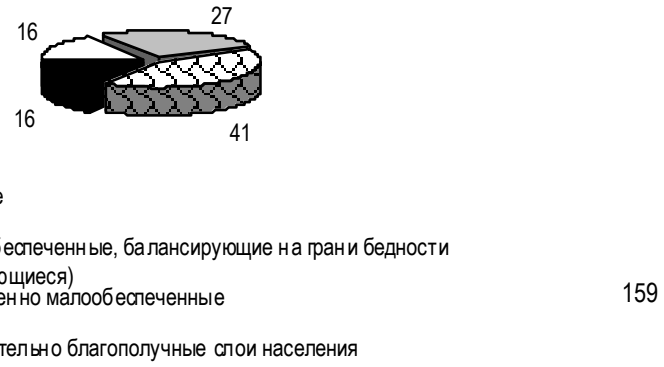
началу 2009 г. (до активной фазы экономического кризиса) 16% россиян. Это именно та доля населения, которая по своему реальному уровню жизни находится *за чертой бедности*.

Третья и четвертая страты представляют малообеспеченное население, в составе которого выделяются две подгруппы. *Третья страта* – первая подгруппа малообеспеченных, носящая промежуточный характер и объединяющая россиян, балансирующих на грани бедности (16%). Данную группу для краткости называют также *нуждающимися*. Во вторую подгруппу малообеспеченных входят представители *четвертой страты*. Последняя охватывает часть российских граждан, живущих, можно сказать, на классическом для России уровне малообеспеченности, и объединяет более четверти населения страны (27%). Уровень жизни, характерный для этой страты, является и «срединным» для конкретного региона проживания, и модальным, т.е. наиболее типичным. Поэтому данную часть населения можно именовать как *собственно малообеспеченные*.

Страты с пятой по восьмую, включающие в себя не менее трети населения страны, представляют *средние слои российского общества*. Заметно различаясь между собой, они могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне. Таковыми являются и представители *девятой и десятой страт*, относимые, по оценкам общественного мнения, к категории *богатых*, однако принадлежащие, по меркам ведущих западных стран, скорее, к верхним слоям среднего класса (6–8%). В России на начало 2009 г. 59% населения характеризовались тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности», тогда как 41% представлял относительно благополучные социальные слои (см. рис. 1).

Рисунок 1

Численность различных социальных слоев в российском обществе
РФ, 2009 г., %



Источник: Институт социологии РАН.

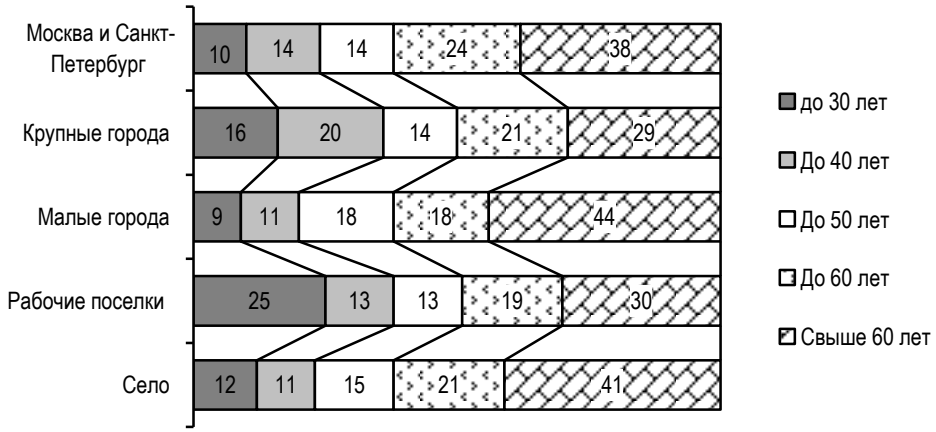
Наиболее тревожными в контексте социальных проблем выступают проблемы бедных слоев населения. При этом особую обеспокоенность вызывает не столько численность бедных, сколько причины попадания в бедность, свидетельствующие как о неадекватности государственной социальной политики, так и о нездоровой ситуации на рынке труда.

Каковы же эти причины с социологической точки зрения?

Во-первых, это специфика поселенческого и возрастного портрета российской бедности (см. рис. 2), где для каждого типа поселений существует своя «группа риска».

Рисунок 2

Распределение бедных по возрастам в разных типах поселений
РФ, 2009 г., %



Источник: Институт социологии РАН.

Российская бедность наделена определенными чертами, формирующими ее общий портрет. Так, до 40% российских бедных – это представители групп в возрасте старше 60 лет.

При рассмотрении поселенческого среза выявляется тенденция концентрации бедности в российской глубинке: если жители крупных городов оказываются в крайней нужде в 11–13% случаев, то в малых городах и на селе крайняя бедность затрагивает 20–30% населения.

Что касается тех, кто *рискует* оказаться в бедности (а это еще 10–15% населения), то в данном случае возрастная и поселенческая ситуация имеет обратный знак: представители молодого и среднего (до 40 лет) поколений составляют более трети группы риска, причем, чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше (например, в мегаполисах доля лиц до 40 лет, пребывающих в «зоне риска» бедности, составляет 54% респондентов).

Результаты исследований демонстрируют, что одними из первых в бедности оказываются люди с низким образовательным и квалификационным уровнем. Так, каждый четвертый бедный не имеет полного среднего образования, и только каждый десятый обладает дипломом вуза. В целом, более половины бедных не имеет никакого специального образования.

Социально-профессиональная структура экономически активного населения, пребывающего за чертой бедности, обладает рядом особенностей (см. табл. 2).

Таблица 2

Социально-профессиональный состав различных социальных слоев

РФ, 2008 г., % от их работающих представителей

Социально-профессиональные группы	Бедные	Нуждающиеся	Собственно малообеспеченные	Благополучные
1. Предприниматели и самозанятые	0	2	2	4
2. Руководители всех уровней	0	3	4	10
3. Специалисты (включая офицерский состав)	13	20	22	30
4. Офисный персонал	10	9	11	11
5. Рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг	14	22	17	12
6. Рабочие	63	44	44	33
6.1 Рабочий, от 5-го разряда	11	14	15	17
6.2 Рабочий, 3-й–4-й разряд	36	24	24	13

6.3 Рабочий, 1-й–2-й разряд и без разряда	16	7	5	4

Источник: Институт социологии РАН.

Таковыми являются, например, крайне низкая доля специалистов при заметном преобладании представителей рабочих профессий не самой высокой квалификации. Относительно выше риск бедности и у работников сферы услуг и торговли низшего звена.

Таким образом, неверно утверждать, что в бедности оказываются в основном экономически неактивные члены российского общества, не способные обеспечить себе нормальный уровень доходов по причине возраста (пенсионеры) или плохого здоровья (инвалиды), а также жители российского села. Бедность, хотя и в разных масштабах, затронула многих работающих россиян, независимо от их возраста и места проживания. Тем самым в России налицо «работающая бедность».

Не менее значимо и имеющее место в последние годы превращение проблемы бедности в проблему андеркласса, социальной исключенности и формирования в российском обществе субкультур бедных, особенно негативных по своим последствиям в молодежной среде. Эта тенденция тем опаснее, что в пореформенной России идет консервация бедности, и на будущее сами бедные не ожидают выхода из своего бедственного положения (см. рис. 3).

Рисунок 3

Оценка представителями различных социальных слоев динамики их жизни в будущем

РФ, 2008 г., %

Источник: Институт социологии РАН.

Среди бедных и особенно той их части, которая опустилась до уровня нищеты, крайне актуализированы не просто проблемы нехватки денежных средств, но и неудовлетворенности базовых, жизненно важных потребностей – в полноценном питании, одежде, жилье. Исходя из этого, они вынуждены сосредотачиваться на проблемах текущего выживания. Более того, исследования показывают, что бедные теряют надежду и сознательно отказываются от удовлетворения многих потребностей, реализация которых стала им недоступна.

Серьезным вызовом государственной социально-экономической политике выступает наличие в стране высокой доли малообеспеченных, значительная часть которых балансирует на грани бедности (нуждающиеся). В условиях кризиса, замедления экономического роста данная группа может «сползти» в бедность, поскольку не имеет достаточных (материальных либо финансовых) ресурсов, способных компенсировать неожиданное ухудшение положения ее представителей – например, при ухудшении здоровья основного кормильца семьи.

В целом, хотя их доходы и дифференцируются в зависимости от численности проживающих и типа населенного пункта, малообеспеченные характеризуются не только более низким уровнем заработной платы, но и большей (по сравнению с относительно благополучными слоями населения) иждивенческой нагрузкой, выступающей в виде соотношения работающих и неработающих членов семьи и приводящей к снижению их душевых доходов (см. табл. 3).

Таблица 3

Среднемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в различных социальных слоях российского общества

РФ, 2008 г., руб.

Доход	Бедные	Малообеспеченные, в том числе нуждающиеся	Относительно благополучные слои населения
Ежемесячный среднедушевой	4449	5789	10279
Собственный (получаемая зарплата, пенсия и т.п.)	5338	7624	13005

Источник: Институт социологии РАН.

Однако главные различия экономического положения этих групп проявляются не столько в уровне доходов, сколько в уровне и качестве их жизни.

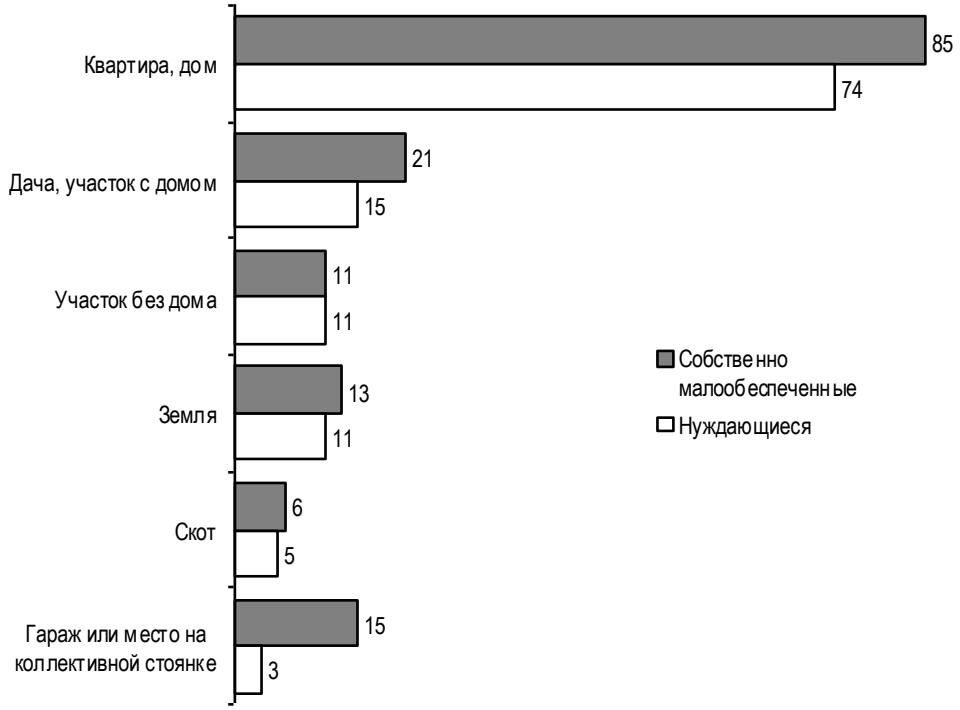
Степень имущественной обеспеченности представителей данных слоев населения более чем скромна. Так, 45% нуждающихся россиян лишены какой-либо относительно дорогостоящей недвижимости, кроме квартиры или дома, где они проживают, а четверть из них не имеет в собственности даже того жилья, в котором живет. Среди остальных малообеспеченных не имеют никакой дорогостоящей недвижимости, кроме квартиры, 40% их представителей. Второе жилье у малообеспеченных россиян вообще отсутствует, хотя в благополучных слоях населения им обладают 8%.

Квартиру, машину и дачу – своего рода набор, свидетельствующий в России о достаточно высоком уровне жизни, – имеют лишь 2% нуждающихся и 7% других малообеспеченных. Ни своего жилья, ни машины, ни дачи не имеет каждый пятый из числа нуждающихся и 9% собственно малообеспеченных.

Рисунок 4

Имущество, находящееся в собственности малообеспеченных и нуждающихся россиян

РФ, 2008 г., %



Источник: Институт социологии РАН.

Что же касается жилищных условий малообеспеченных, то 15% из них не имеют собственного отдельного жилья и проживают в общежитиях, съемных и коммунальных квартирах. У трети представителей данных слоев коммунальные удобства (центральное отопление, электричество, канализация, ванна или душ) отсутствуют или наличествуют лишь частично. Кроме того, среди малообеспеченных россиян имеющаяся жилплощадь оказывается в половине случаев ниже принятого социального стандарта (18 кв. м на человека).

Положение этих людей усугубляется тем фактом, что в последние годы им приходилось постепенно распродавать имевшееся у них ранее недвижимое имущество – дачи, участки, гаражи, места на коллективных стоянках во имя поддержания текущего уровня жизни (см. табл. 4).

Таблица 4

Имущество, находящееся в собственности малообеспеченных

и нуждающихся россиян

РФ, 2003/2008 гг., %

Недвижимость	Нуждающиеся		Собственно малообеспеченные	
	2003	2008	2003	2008
Квартира, дом	69	74	75	85
Дача, садово-огородный участок с домом	23	15	31	21
Садово-огородный участок без дома	23	11	20	11
Земля	12	11	13	13
Скот	10	5	0	6
Гараж или место на коллективной стоянке	18	3	26	15

Источник: Институт социологии РАН.

В то же время за период 2003–2008 гг. доходы малообеспеченных (как, впрочем, и других групп населения) россиян заметно выросли. Увеличилось и общее количество находящихся в их домохозяйствах товаров длительного пользования (ТДП). К предметам, отражающим типичный стандарт жизни малообеспеченных слоев населения, относятся: холодильник, цветной телевизор, ковер или палас, стиральная машина, пылесос, мебельный гарнитур, а также мобильный телефон, вошедший в группу товаров первой необходимости. Перечисленные предметы являются частью своеобразного «джентльменского набора», по обладанию которым малообеспеченные почти не отстают от более благополучных слоев российского населения.

Куда большим оказывается разрыв по другим предметам: так, мелкой бытовой техникой (микроволновой печью, грилем и т.п.) обладают 46% малообеспеченных и 86% благополучных в материальном плане россиян, видеомагнитофоном – 36% и 73%, музыкальным центром – 28% и 69%, видеокамерой или цифровым фотоаппаратом – 6% и 48%, соответственно.

Можно предположить, что значительная часть возросших доходов малообеспеченных россиян была направлена ими на покупку и обновление «домашних» ТДП (что выглядит вполне естественным, учитывая невозможность обновления последних в 1990-е гг.), тогда как оставшиеся средства – на улучшение качества питания и приобретение одежды.

Несмотря на рост доходов, большинство (43%) малообеспеченных россиян считает, что за указанный период их положение осталось без изменений. Еще 40% утверждают, что оно улучшилось (отметим, что доля убеж-

денных в этом в полтора раза ниже аналогичной для более благополучных слоев населения). 17% малообеспеченных (максимальная доля которых приходится на самые старшие возрастные группы) уверены, что за последние пять лет их положение ухудшилось.

Некоторый рост доходов, более позитивные оценки отдельных аспектов собственной жизни, увеличение числа имеющихся в наличии ТДП есть индикаторы значимых *количественных* изменений, произошедших в последние годы в жизни малообеспеченных россиян. Как же обстоят дела с изменениями качественными?

Полученные данные позволяют утверждать, что три четверти нуждающихся и более половины собственно малообеспеченных россиян не сумели добиться за последние годы каких-либо *качественно* значимых изменений в своей жизни (см. рис. 5).

Чаще всего улучшение затрагивало материальное положение малообеспеченных россиян, изменение которого, в сущности, не способствовало качественной трансформации их жизни в целом. Все это свидетельствует о консервации положения вышеупомянутых слоев населения на уровне, не превышающем «относительно стабильного выживания».

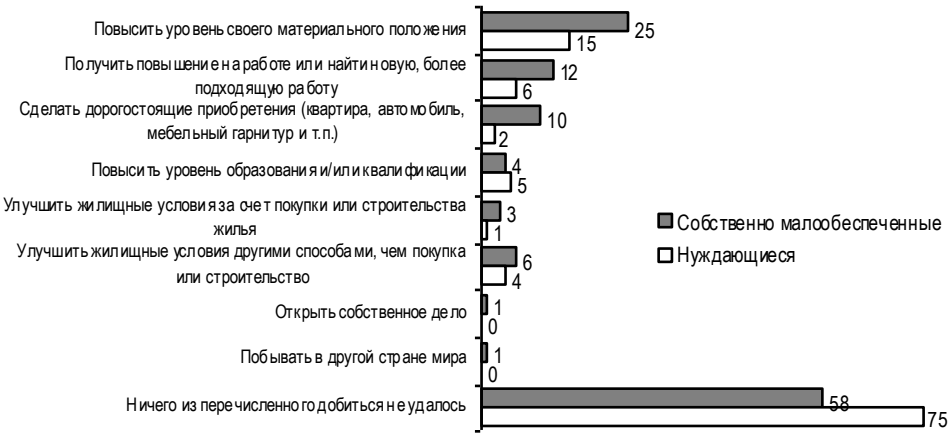
Что это означает? А то, что динамика положения малообеспеченных слоев населения противоречива – с одной стороны, выросли их доходы и обеспеченность наиболее дешевыми товарами длительного пользования, с другой – снизился уровень владения дорогим (хотя бы по их меркам) недвижимым имуществом. Таким образом, по реально значимым для поддержания уровня жизни параметрам их положение в последние годы ухудшилось, а использование необходимых для человеческого капитала социальных услуг сократилось.

Малообеспеченные россияне достаточно редко используют платные социальные услуги, т.е. они не осуществляют инвестиции в себя и своих детей, и за последние годы использование подобных услуг ими снизилось еще больше (см. рис. 6).

Рисунок 5

Чего удалось добиться за период 2006–2008 гг. малообеспеченным и нуждающимся россиянам

РФ, в %

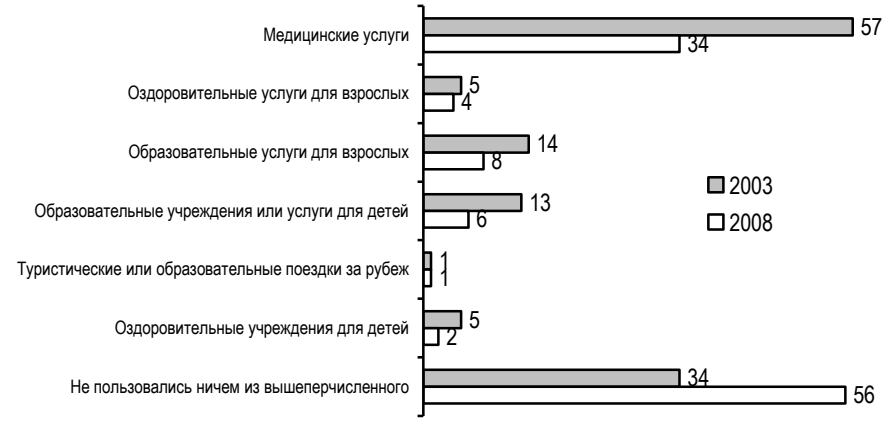


Источник: Институт социологии РАН.

Рисунок 6

Динамика использования платных социальных услуг малообеспеченными россиянами

РФ, 2003/2008 гг., %



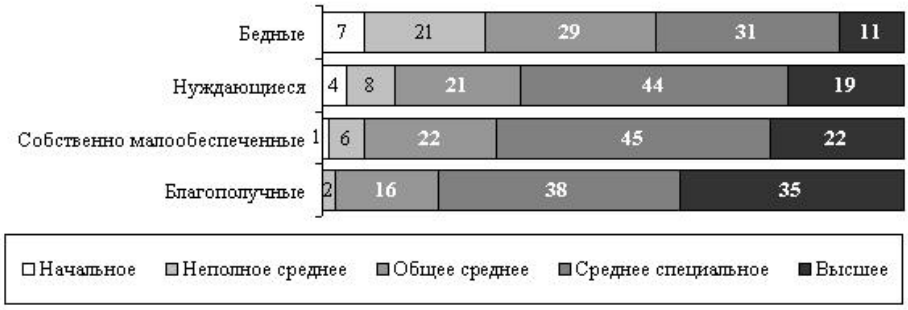
Источник: Институт социологии РАН.

Экономическое поведение малообеспеченных россиян в целом можно охарактеризовать как пассивное. В первую очередь это связано с тем, что вопрос о свободных деньгах вообще не стоит как для большинства нуждающихся, так и для собственно малообеспеченных россиян, и экономически рациональные стратегии распоряжения своими деньгами остаются для них недоступными. Наиболее распространенными среди их представителей способами распоряжения свободными средствами являются откладывание денег на «черный день», в том числе на сберкнижку, и покупка предметов длительного пользования. Такие виды кредитования, как ипотека, покупка автомобиля, медицинские услуги, получение образования пока мало распространены среди малообеспеченных слоев населения. Зато они активно используют потребительские кредиты на покупку бытовой техники, мобильных телефонов, компьютеров.

Чем можно объяснить подобное состояние нынешних малообеспеченных слоев российского общества? Прежде всего, тем, что их представители изначально находятся в худших стартовых условиях: вырастают в менее образованных семьях, в их составе выше доля прошедших первичную социализацию в малых городах и селах. В результате уровень их образования оказывается ниже, чем у представителей благополучных слоев населения (см. рис. 7). И даже при формально равном образовательном уровне они имеют иной объем человеческого капитала – важнейшего ресурса, способного обеспечить его обладателям достаточно благополучную жизнь.

Рисунок 7

Уровень образования представителей различных социальных слоев
РФ, 2008 г., %



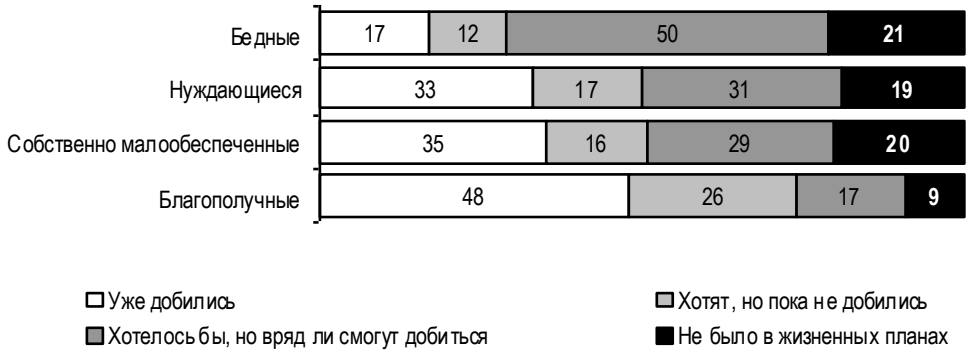
Источник: Институт социологии РАН.

В сложившихся условиях активное освоение новых компетенций (приобретение или совершенствование навыков работы на компьютере, повышение квалификации, изучение иностранных языков, переподготовка по новой специальности и т.п.) оказывается эффективным далеко не для всех малообеспеченных – ведь количество «хороших» рабочих мест ограничено, а представители данного социального слоя изначально находятся в относительно худших – с точки зрения конкуренции за них – стартовых условиях. Отсюда объяснима и меньшая, чем у благополучных слоев населения, их активность в части наращивания собственного человеческого капитала, наблюдаемая на фоне наличия у них установок на получение хорошего образования (см. рис. 8).

Рисунок 8

Наличие установки на получение хорошего образования в различных социальных слоях

РФ, 2008 г., % от работающих их представителей



Источник: Институт социологии РАН.

Негативным фактором, делающим тщетными попытки малообеспеченных слоев населения использовать образование в качестве лифта вертикальной мобильности, является институциональная среда, предъявляющая высокие требования к качеству человеческого капитала, способного принести ощутимые дивиденды хотя бы в долгосрочной перспективе. Получение такого человеческого капитала базируется на двух источниках – социальном происхождении индивида и предпринимаемых им самим действиях. Целесообразность же последних зависит скорее от социально-слоевой принадлежности, чем от индивидуальных амбиций: ведь в условиях современной России просто получение образования не является гарантией изменения уровня жизни.

Социально-профессиональный портрет малообеспеченных слоев населения современной России отличается пестротой. Так, 44% малообеспеченных представлены рабочими, две трети из которых могут быть отнесены к категории рабочих средней и низкой квалификации. Около четверти представителей этого слоя составляют специалисты; остальные – это работники торговли, сферы услуг и служащие. Особенностью большинства распространенных среди малообеспеченных россиян производственных позиций является присущая им неустойчивость и кризисный характер занятости. Так, почти треть рядовых работников торговли и сферы бытового обслуживания опасается потерять работу вследствие наличия жесткой конкуренции за занимаемые ими рабочие места, в том числе и порожденной интенсивной миграцией в страну рабочей силы.

При этом 67% собственно малообеспеченных и 75% нуждающихся из числа работающего населения страны сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения этих городов в общем составе работающего населения, составляет около 60%.

Таким образом, малообеспеченность в России концентрируется сегодня не столько в слоях, различающихся уровнем своей квалификации, сколько в провинциальной России с ее узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и зарплату, которую предлагают, и где развитый человеческий капитал в массовом масштабе пока не востребован. Гораздо ниже здесь и возможности дополнительной занятости, которая могла бы способствовать улучшению материального положения малообеспеченных за счет предпринимаемых ими собственных усилий. Все это провоцирует развитие у данной группы населения пессимистических умонастроений и не стимулирует их к каким-либо активным действиям.

Что же касается значительной части собственно малообеспеченных в крупных городах, то она держится пока «на плаву» и не сползает в бедность только благодаря вторичной занятости, но при любых экономических кризисах (как и при последнем кризисе), сможет пополнить ряды нуждающихся и бедных. Это говорит о неустойчивости стабильности населения даже в крупных и средних городах.

Среди прочих факторов, ведущих к состоянию малообеспеченности, значительную роль играют социально-демографические неравенства, сумевшие за последние шесть лет еще больше усилить свое влияние. Прежде всего, в число этих неравенств входят те, что связаны с *возрастом* (с увеличением которого все большая доля российского населения попадает в число бедных и мало-

обеспеченных) и *состоянием здоровья*. Неудивительно поэтому, что самой незащищенной группой российского населения являются сегодня пенсионеры, половина которых относится к категории малообеспеченных, а еще 30% – бедных.

Помимо индивидуальных характеристик человека, таких, как возраст или состояние здоровья, на риск попадания в зону бедности и малообеспеченности влияет и *семейное положение*. Легче всего решать материальные проблемы холостым и незамужним, как правило, не имеющим уже упоминавшейся выше иждивенческой нагрузки.

Исследования показывают, что риск попадания в зону бедности и малообеспеченности повышает сегодня не столько *иждивенческая нагрузка* как таковая, сколько ее характер. Так, выяснилось, что нагрузка несовершеннолетними детьми менее критична, чем нагрузка пенсионерами, если только семья не является многодетной или неполной. Крайний случай этой тенденции – домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, которые находятся в наихудшем положении. Весьма негативно может сказаться на положении домохозяйства и наличие в его составе хронически больного члена семьи, не имеющего инвалидности I или II группы.

Важное место среди факторов риска малообеспеченности занимают и *особенности социально-экономического развития регионов*. При этом, если регионы, относимые к категории «точек экономического роста», характеризуются более высокой долей относительно благополучных слоев населения, то остальные делятся на две группы. Первые отличаются высокой долей малообеспеченных, тогда как вторые – высокой долей бедных. По всей видимости, социальная политика, проводимая регионами в части решения проблем бедности и малообеспеченности, различается по степени своей эффективности, что также накладывает свой отпечаток на их социальную структуру.

В целом, косвенные причины неблагополучия многих социальных групп лежат в плоскости институциональных условий жизни россиян, таких, как просчеты реформирования системы здравоохранения, неэффективная политика Пенсионного фонда в обеспечении достойного уровня жизни пожилых, ограничения для определенных групп населения возможностей выхода на рынок труда в целом и отдельные его сегменты в частности и т.д. Ликвидация этих факторов малообеспеченности – задача органов, реализующих государственную социальную политику, поскольку преодолеть их только за счет системы взаимопомощи среди самого населения невозможно.

За годы реформ в России сложился массовый средний класс, близкий по своим сущностным чертам к населению в целом, но представляющий ту его часть, в которой сильные достижительные установки способствуют мобилизации всех ресурсов для постоянного профессионального саморазвития, ведущего в итоге к жизненному успеху.

В социологической интерпретации современный российский средний класс – это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоев ниже среднего, чувствуют себя хозяевами собственной судьбы.

Среди подходов, используемых в современной социологии для выделения среднего класса, доминируют четыре основных.

Первый (*маркетинговый*), связанный с бытующим представлением о среднем классе как о таком массовом социальной субъекте, который характеризуется, прежде всего, сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления, а в качестве критерия выделения представителей среднего класса использует уровень душевого дохода и/или наличие определенного набора дорогостоящего имущества. Ключевым предметом дискуссий при этом обычно выступает вопрос о том, «сколько и чего» должен иметь человек, чтобы его можно было рассматривать как представителя среднего класса.

Второй подход предполагает акцент на идентификационно-психологические характеристики индивидов, поскольку именно они в наибольшей степени влияют на социальное самоощущение и социально-политическое настроение и поведение последних. Средний класс выделяется здесь на основе самоидентификаций людей, «самозачисления» ими себя в состав среднего класса или определенных оценок ими своего социального статуса, что позволяет назвать этот подход *субъективным*. Согласно данному подходу, со средним классом себя соотносит почти половина российских граждан (48%).

Третий способ, *ресурсный*, учитывает не только движимое и недвижимое имущество, но и специфику объема, тип и структуру активов (ресурсов), которыми располагает, с точки зрения своего человеческого капитала, тот или иной человек, в том числе характер трудовой деятельности, которой он занят (умственный или физический).

Наконец, четвертый, наиболее широко распространенный как в мире, так и в России, подход связан с попыткой *комплексного* применения в условиях современного российского общества основных из перечисленных выше показателей (профессиональные характеристики, образование, имущественно-доходные характеристики, самоидентификация).

У исследователей нет единства в вопросе о том, какая именно группа показателей должна использоваться в качестве критериев выделения среднего класса. Как следствие, использование различных способов и показателей выделения среднего класса оборачивается разбросом численности его представителей в современном российском обществе в десятки раз – от 2,1%[1] до примерно пятой части населения[2].

Принимая в расчет следующие показатели:

- характеристики социально-профессионального статуса (критерий нефизического характера труда);
- образование (наличие как минимум среднего специального образования);
- уровень благосостояния (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом);
- показатель самоидентификации (интегральная самооценка своего положения в обществе по десятибалльной шкале от 5 баллов и выше),

мы утверждаем, что численность российского среднего класса составляла на конец 2008 г. не менее 30%.

В докризисный период средний класс резко увеличился за счет своей периферии (людей, у которых для принадлежности к нему не хватало одного признака). Однако, несмотря на многочисленность периферии (см. рис. 9) среднего класса, ресурс дальнейшего расширения этого социального образования без осуществления модернизации российского общества практически ограничен, и его численность в ближайшие годы будет варьироваться в пределах 30–35% экономически активного населения страны. Более того, тенденцию роста численности среднего класса нарушил и кризис 2009–2010 гг. Судя по данным исследований, к весне 2009 г. доля среднего класса в населении сократилась с трети до четверти (26%), доля же среднего класса в составе экономически активного городского населения сократилась с 40% до 30%.

---

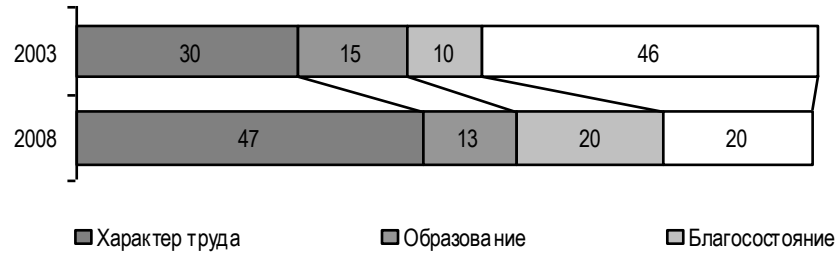
[1] *Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В.* Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. Препринт WP7/2003/06. М., 2003.

[2] См., например: *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001; *Аврамова Е.М., Михайлюк М.В., Ниворожкина Л.И.* и др. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М., 2003.

Рисунок 9

Признаки, которые представители периферии среднего класса «не добирали»

РФ, 2003/2008 гг., %



Источник: Институт социологии РАН.

Как показывают исследования, стандарт жизни российского среднего класса скромен (см. табл. 5), что заставляет усомниться в способности его представителей самостоятельно решать сразу все социальные проблемы (приобретение жилья, обеспечение возросших расходов на ЖКХ, обеспечение платных медицинских и образовательных услуг и т.д.) в случае их одновременной актуализации.

Таблица 5

Ежемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в стратах, представляющих средние слои российского общества

РФ, 2009 г., руб.

Доход ежемесячный среднедушевой	5-я страта	6-я страта	7-я страта	8-я страта
Средний	6994	8203	9712	11786

Источник: Институт социологии РАН.

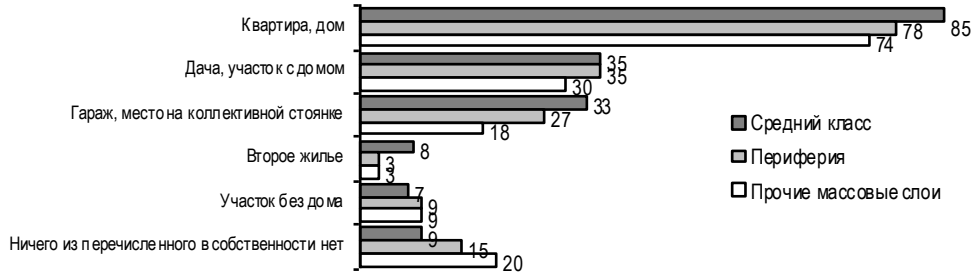
По уровню владения недвижимостью средний класс отличается от других массовых слоев российского населения (см. рис. 10), хотя отличия эти носят скорее количественный, нежели качественный характер, и не слишком значительны.

Вместе с тем в части наличия ТДП отличия реального уровня жизни среднего класса от остального населения весьма наглядны (см. табл. 6).

Рисунок 10

Имущество, находящееся в собственности семей среднего класса и других слоев населения

РФ, 2006 г., %



Источник: Институт социологии РАН.

Таблица 6

Наличие ТДП в различных слоях населения

РФ, 2008 г., %, отранжировано по доле соответствующих ТДП в среднем классе

Предметы обихода	Средний класс	Россияне, не принадлежащие к среднему классу
Телевизор цветной	100	96
Холодильник	99	98
Пылесос	95	84
Стиральная машина	95	83
Мобильный телефон	95	65
Ковер, палас	93	92
Стиральная машина (в том числе полуавтомат)	93	81
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль	79	48
Компьютер	63	24
Видеомагнитофон	62	40
Электродрель, электро- или бензопила, другой инструмент	59	48
Музыкальный центр	58	35
Автомобиль, в том числе: автомобиль-иномарка отечественный автомобиль	57 25 40	34 7 28
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	38	15
Морозильная камера	23	10
Домашний кинотеатр	16	5
Телевизор черно-белый	11	17
Мотоцикл, мотороллер	11	11
Кондиционер	9	3
Антенна спутникового телевидения	8	3
Посудомоечная машина	8	2
Импортный тренажер	5	1

Источник: Институт социологии РАН.

Главным отличием стандарта жизни среднего класса, с точки зрения оснащенности домашним имуществом, является огромный отрыв в обеспеченности его представителей инновационными товарами – компьютерами, видеокамерами и цифровыми аппаратами. Данная тенденция сохраняется и при контроле возраста: даже среди 51–60-летних в среднем классе свыше половины имеют дома компьютер, а среди не входящих в состав среднего класса россиян этой же возрастной группы компьютер дома есть лишь у 15%. Думается, этот факт важен не только для понимания различий в имущественной обеспеченности среднего класса, но и в плане анализа присущих ему потенциальных возможностей распространения инновационных практик.

Существенной особенностью поведенческих практик представителей среднего класса является активное (на фоне остального населения) использование платных социальных услуг. Учитывая тот факт, что платные образовательные, оздоровительные, медицинские и прочие услуги, по сути, представляют собой инвестиции в человеческий капитал, можно утверждать, что средний класс активно инвестирует в себя и своих детей (см. рис. 11).

К числу характерных особенностей российского среднего класса, иллюстрирующих его иные (нежели у остальных массовых слоев населения) жизненные шансы в непроизводственной сфере, относятся и имеющиеся у него реальные возможности изменить свою жизнь к лучшему. Так, если оценить, как различаются реальные достижения представителей разных групп населения за период 2006–2008 гг. в различных областях жизнедеятельности, то средний класс характеризуется положительной динамикой жизни, имеющей к тому же конкретные и осязаемые проявления, в то время как в жизни большинства представителей других социальных групп эти улучшения отсутствуют.

Столь же существенно различаются у представителей среднего класса и других социальных групп показатели по вопросам, связанным с текущим потреблением и возможностями расширения их жизненных шансов «на будущее» (см. табл. 7).

Таким образом, российский средний класс характеризуется явно лучшими, чем остальное население, условиями жизни, и специфика этих условий очевидна даже с учетом разницы в уровне запросов представителей разных социальных слоев.

Еще ярче различия жизненных шансов среднего класса и остальных россиян проявляются в вопросе о достижениях представителей среднего класса с учетом тех жизненных целей, которые они перед собой ставили и в производственной, и в непроизводственной сферах (см. рис. 12).

Рисунок 11

Динамика использования платных социальных услуг средним классом

РФ, 2003/2008 гг., %

Источник: Институт социологии РАН.

Таблица 7

Некоторые особенности жизненных шансов в непроизводственной сфере у различных групп населения

РФ, 2008 г., %

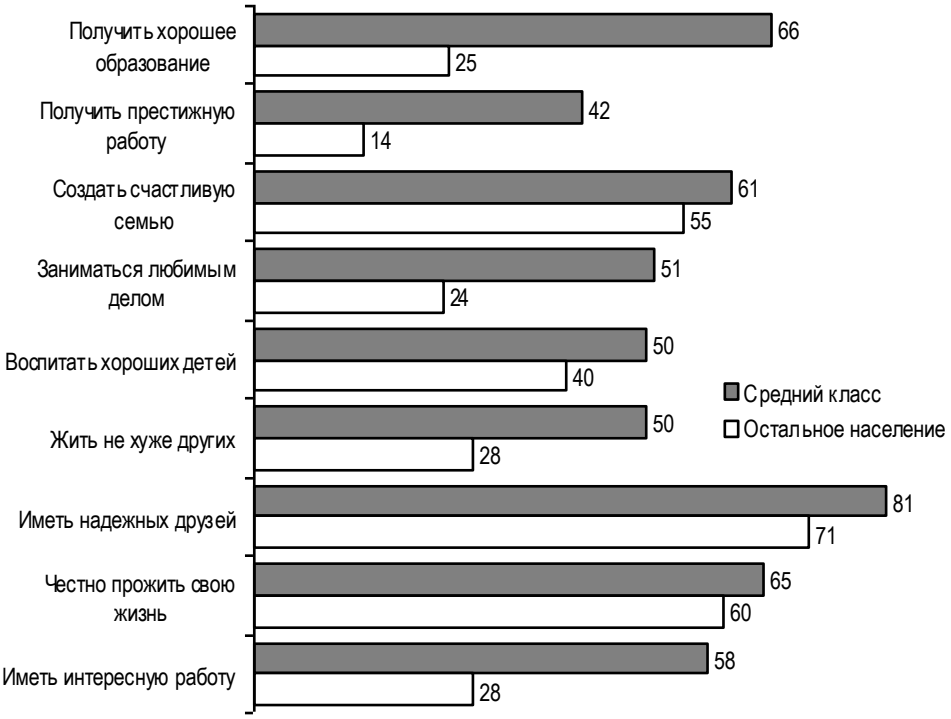
Жизненные шансы и специфика потребления	Средний класс	Другие массовые слои
Считают, что живут не хуже других	50	32
Самооценка материального положения как хорошего	26	12
Самооценка питания как хорошего	56	30
Самооценка ситуации с одеждой как хорошей	41	21
Самооценка жилищных условий как хороших	44	26
Самооценка возможностей проведения досуга как хороших	42	24
Самооценка возможностей проведения отпуска как хороших	31	12
Самооценка возможностей общения с друзьями как хороших	66	53
Наличие недвижимости (дачи, садового участка с домом или без него, гаража, второго жилья)	56	38
Наличие автомобиля, в том числе иномарки	57 25	34 7
Наличие сбережений	39	23
Самооценка своего положения, статуса в обществе как хорошего	41	18

Источник: Институт социологии РАН.

Рисунок 12

Достижение желаемых жизненных целей представителями различных социальных слоев

РФ, 2008 г., % от работающих представителей



Источник: Институт социологии РАН.

Эти отличия связаны, в первую очередь, с главными для граждан нашей страны сферами жизни – профессиональной деятельностью, семьей, образованием и вообще стремлением «жить не хуже других», что для россиян гораздо важнее, чем быть богатым, знаменитым или иметь собственный бизнес.

Как показывают многоразовые социологические замеры ИС РАН, российский средний класс не монолитен. На существующую в нем дифференциацию накладываются значительные различия между мегаполисами и провинциями страны, в условиях которых, например, та же Москва и по уровню жизни, и по структуре занятости, и по ментальности оказывается ближе к за-

падным столицам. Отчетливо выражены поколенческие различия, связанные с тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 1990-е гг., провело рубеж между старшими поколениями и молодежью, которая в целом достаточно успешно освоила «новые правила игры». Во всяком случае, в группах среднего класса до 30 лет, работающих в частном секторе и живущих в мегаполисах, число адаптированных и, соответственно, не проигравших от реформ значительно больше, чем в остальных средних слоях населения.

Важные изменения произошли за последние годы и в социально-профессиональном составе российского среднего класса. Одни из них связаны с общим ростом российской экономики и соответствующим расширением границ среднего класса, другие – с изменением ситуации на рынке труда, позволяющей работникам госсектора относительно быстро улучшать свое положение, третьи – с ростом значимости профессиональных навыков и умений независимо от занимаемой должности. В целом вектор этих изменений имеет положительную направленность[1].

Что касается богатых, то, как свидетельствуют результаты исследований ИС РАН, большинство россиян проявляет к ним толерантное отношение. Во многом это объясняется массовыми представлениями о причинах их материального благополучия. Деловая хватка, наличие связей, умение использовать все шансы, немного везения и готовность работать без оглядки на время и здоровье – вот пять основных слагаемых успеха нынешних богатых россиян с точки зрения основной массы населения.

Вместе с тем выделяя богатых сограждан, россияне имеют в виду не столько элитный круг общества, от которого они очень далеки, и который ассоциируется скорее с понятиями «власть» и «богатство», сколько верхний слой среднего класса, связанный с представлениями о надежной материальной обеспеченности. Результаты исследований свидетельствуют о том, что *в представлениях* большинства россиян богатым является человек с примерным душевым доходом 3–4 тыс. долл. США (в провинции) и 5 тыс. долл. США (в Москве и Санкт-Петербурге) в месяц. На первый взгляд столь заниженная планка в определении богатого человека может удивлять. Однако нельзя забывать, что решающее влияние на представления россиян о том, с какого уровня доходов начинается богатая жизнь, оказывают их собственное, крайне незавидное

[1] Подробнее см. *Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М., 2009.

материальное положение, равно как и тот факт, что большинство российских граждан характеризуется сегодня тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности».

Слой богатых людей в современной России формируется, в первую очередь, из относительно молодых предприимчивых людей. Если средний возраст представителей российского среднего класса – 42 года, то представителей богатых – 33 года.

Как полагают сами богатые, главные отличия их жизни от жизни всех других слоев общества – значительно более высокое качество жилищных условий, возможность получения хорошего образования, проведение отпуска за границей, обеспечение качественного медицинского обслуживания, возможности для детей добиться в жизни намного большего, чем их сверстники. Примечательно, что с такими оценками согласно и российское население в целом (см. табл. 8).

Таблица 8

Чем главным, по мнению различных слоев населения, жизнь богатых семей отличается в настоящее время от всех остальных

РФ, 2008 г., %, допускалось до пяти вариантов ответов

Условия жизни	Население в целом	Богатые	Бедные
Качество жилищных условий	73	75	72
Возможность провести отпуск за границей	62	53	60
Доступность приобретения дорогой мебели и бытовой техники	53	45	53
Уровень медицинского обслуживания	49	46	53
Возможность для детей добиться в жизни намного большего, чем может большинство их сверстников	42	41	41
Возможности получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых	41	53	40
Большая уверенность в завтрашнем дне	35	36	38
Возможности проведения досуга (посещение дорогостоящих концертов, дискотек, ресторанов и т.п.)	27	27	25
Возможность приобретения недвижимости за рубежом	24	23	22
Наличие дорогого автомобиля	24	21	22
Возможность иметь интересную работу	18	21	19
Отношение к ним окружающих	7	9	5

Источник: Институт социологии РАН.

Не отрицая проблем, значимость которых признается сегодня не только научным сообществом, но и широкими слоями общественности, равно как и представителями политических кругов, мы видим, что современная Россия «… уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»[1]. Наиболее яркие примеры духовно-нравственного и психологического обновления российского общества выражают результаты анализа идентификационных характеристик: достаточно высокая и нарастающая внутренняя интегрированность российского общества говорит о возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации.

Еще в начале 1990-х гг. многие не понимали, в какой стране они живут после краха великой державы – СССР. На вопрос: «Что такое Россия?» респонденты четкого ответа дать не могли. Сегодня «простые люди» его дают. Россию считают страной, которая имеет собственные цели развития, может их выражать и защищать, не заискивая перед Западом. С социолого-политологической точки зрения это можно назвать «возрождением державности», новым обретением чувства гордости за свою страну.

За время преодоления системного кризиса в обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением, стала доминировать над долей недовольных им в соотношении 4:1. Мы имеем дело с существенным обстоятельством, являющим собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и значимое для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом. Сегодня можно утверждать: ***социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран***.

Социологический анализ показывает, что изменения в самоощущениях людьми своего места в обществе за последние 10 лет поистине колоссальны. И проявляются они, прежде всего, в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами. И это, безусловно, влияет на укрепление стабильности российского общества. Обнадеживает и то, что в последние годы коренной перелом в социальных самоощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах населения.

---

[1] *Медведев Д.* Россия, вперед! // «Российская газета». Федеральный выпуск. 2009, №4995 (171), 11 сентября.

Начиная с 2001 г. результаты мониторинговых исследований ИС РАН демонстрируют постепенное расширение в массовых умонастроениях позитивного спектра как следствие ослабления ощущений социального дискомфорта и повышения уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества. Это выразилось в снижении доли крайне негативных и тревожных оценок не только общей ситуации в стране, но и собственного бытия, в укреплении уверенности россиян в своем будущем. На протяжении последних 10 лет рост удовлетворенности жизнью сопровождался улучшением общего социально-психологического состояния граждан, которое выражалось, с одной стороны, в сокращении количества людей, переживавших такие негативные настроения, как подавленность и озлобленность, страх и отчаяние, а, с другой, в росте доли россиян, для которых были характерны спокойствие и уравновешенность, бодрость и эмоциональный подъем.

Преодолев системный кризис 1990-х гг., опасный своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества, российское государство вышло на траекторию последовательного и устойчивого развития, что дает основание (несмотря на проявления мирового финансово-экономического кризиса и нарастающее на его фоне ухудшение оценки россиянами своей жизни, фиксируемое социологами с начала 2009 г) утверждать: ***в целом, за 20 лет преобразований, особенно за последние 10 лет, Россия реформирующаяся превратилась в Россию пореформенную с относительно сложившимися и укрепляющимися государственными, политическими и общественными институтами, опирающимися на поддержку гражданского большинства, стабильные общественные умонастроения***.

СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСТЕРИЗМ

Человеческая история породила множество типов организации общества. Представляется, что слово *«кластер»* лучше подходит для обозначения той стратификации общества, о которой сегодня идет речь. Это слово сравнительно недавно вошло в научный лексикон, сначала применительно к совокупности компьютеров, потом применительно к предприятиям и другим объектам. По своему исходному смыслу кластер, или по-русски «пучок», «веник», обозначает множество объектов, которые по тем или иным причинам притянуты друг к другу, их что-то существенное связывает, причем не временно, а на долгий период. Поэтому я беру на себя инициативу называть будущее общество, которое будет конкурировать с капитализмом, *обществом социальных кластеров,* или *социальным кластеризмом.* Это делается, в частности, для того, чтобы уйти от названия «сословное общество», которое может вызывать ненужные ассоциации – хотя бы потому, что в сословном обществе сословия принципиально неравноправны, а в кластерном обществе равноправие социальных кластеров провозглашается в качестве главного принципа. Следует еще заметить, что предыдущие общества назывались, как правило, по доминирующему сословию: рабовладельческое феодальное, капиталистическое. Здесь же важен сам факт разбиения общества на сословия, слои, пучки, кластеры. Не важно, какое слово в конечном счете приживется, важна равная роль.

Итак, в современном обществе мы имеем социальные кластеры, которые было бы неплохо назвать.

Соцкластер предпринимателей, или деловых людей. В него входят не только деловые люди, так сказать, по духу, по призванию, но и те, кого мы называем наемными работниками в этом самом предпринимательском секторе. Наемные работники могут и не иметь духа предпринимательства. Они просто зарабатывают деньги в этом секторе. Им не важно, где работать, главное зарабатывать побольше. Следует иметь в виду, что наемные работники могут быть и в других социальных кластерах. Там они могут получать различные ранги в зависимости от успешности деятельности.

Соцкластер военных (защитников Отечества). Сюда входят и представители спецслужб, ибо они тоже защитники Отечества, для которых главное – обеспечить обороноспособность страны и дать отпор агрессору. Понятно, что между соцкластерами границы размыты. Скажем, между военными и госслужащими.

Соцкластер госслужащих (служителей Отечеству). Он охватывает широкий набор профессий, куда входят и муниципальные служащие, к которым эпитет «государственный» пуристы не стали бы прилагать. Работники судебной системы – бесспорные представители этого соцкластера.

Соцкластер ученых, учителей, врачей. Кто-то спросит, а при чем тут врачи? Представляется, что по своему менталитету, да и по миссии врачи похожи на ученых и учителей.

Соцкластер представителей культуры и искусства. Опять же можно сомневаться, стоит ли разделять творческих работников, так сказать, интеллигенцию, на разные соцкластеры. Действительно общего много, но много и различий. Главное различие – в целевой установке. Ученым важно произвести новое знание, а служителям искусства – произвести эмоциональное воздействие на людей.

Соцкластер священнослужителей. Этот соцкластер должен быть выделен. Его роль совершенно специфична, не сравнима ни с чем другим.

Названия, как мы видим, достаточно условные, не совсем точные, вызывающие естественные вопросы. Границы между соцкластерами размыты, поэтому нужны пояснения, комментарии.

В разные времена существовали и существуют сейчас различные группы людей, которые трудно идентифицировать как представителей названных соцкластеров. Бомжи, представители разных структур гражданского общества, например, правозащитники, люди, обслуживающие формально и неформально политические движения, клубные работники и много еще чего по мелочи остается за пределами соцкластерной классификации. Их можно приписывать к тем или иным соцкластерам в зависимости от менталитета и мотивации к действиям.

А что касается размытости границ между соцкластерами, то это естественно и неизбежно. Более того, переход людей из одного соцкластера в другой упрощается при размытости границ. «Голосование ногами» по Тибу распространяется и на соцкластеры. **Подобно тому, как в теории Тибу полезна смешанная стратегия, т.е. когда человек принадлежит наполовину одной**

юрисдикции, а наполовину – другой, здесь смешанная стратегия так же естественна и конструктивна. «Крейцерова соната» и «Отец Сергий» Л.Н.Толстого есть вклад в продукцию как минимум двух соцкластеров – служителей искусства и служителей церкви.

Из-за размытости границ между соцкластерами технические проблемы, естественно, будут возникать. Но они так же естественно и будут решаться. К примеру, конструктор средств вооружения – одновременно известный ученый, имеющий репутацию и ранг в соцкластере ученых, и военный с какими положено погонами. Такое мы наблюдаем сплошь и рядом, и ничего плохого в этом нет. Другое дело, когда замминистра или депутат парламента щеголяет научным званием, пальцем о палец не ударив для повышения продуктивности соцкластера ученых. Таких случаев быть не должно.

Можно еще размышлять в традиционном направлении, пытаясь предсказать, какой социальный кластер будет доминировать в будущем. Может быть, появится новый соцкластер? Тут спрашивать надо у фантастов. Например, современный популярный французский писатель-фантаст Бернар Вербер намекает на формирование соцкластера наиболее популярных в обществе людей. Он пишет: «Раньше власть принадлежала самым сильным, тем, кто лучше других мог обращаться с дубиной или мечом. Они были выше закона. Потом власть перешла к «хорошо родившимся», к знати. Они имели пожизненную власть над своими рабами или подданными. Затем ею стали обладать богачи и политики. Правосудие не осмеливалось предпринять против них ничего, что бы они ни сделали. Теперь власть принадлежит телеведущим. Они могут убивать, красть, обманывать, никто не осмелится сказать ни слова. Потому что публика их любит»[1].

У каждого соцкластера своя миссия в обществе, но, как нам говорит история, равноправие соцкластеров никогда не достигалось. Более того, едва ли не все исторические периоды характеризуются доминированием одного из соцкластеров, что выражается во многих показателях, в том числе и в самих названиях.

Военные, естественно, доминируют в период тотальных войн. Во времена Александра Македонского, Чингисхана или Наполеона история сохраняла больше имен именно из этого соцкластера. Так что хорошим индикато-

[1] *Вербер Б.* Империя ангелов. М., 2009. С.299.

ром, указывающим на доминирование того или иного соцкластера, является список наиболее сохранившихся имен той поры.

Во времена средневековой инквизиции, очевидно, доминировал соцкластер священнослужителей. Доминирование соцкластера госслужащих обычно не выражается в слишком явной форме. Но, к примеру, в XIX веке в России госслужащие играли более заметную роль, чем представители других соцкластеров. Имена Сперанского, Победоносцева, Бенкендорфа, Витте, Столыпина не менее известны, чем имена великих русских писателей, художников и композиторов, соцкластер которых также претендовал на лидерство в то время. Бесспорное лидерство госслужащие имели в советское время в СССР.

В настоящее время в мире (но не в России) лидерство захватил соцкластер предпринимателей. При лидерстве этого соцкластера можно выделить одну особенность, которая была менее выражена при доминировании других соцкластеров. Речь идет о повышенном уровне агрессивности, стремлении подчинить себе другие соцкластеры.

Эта повышенная агрессивность проявляется прежде всего в идеологической области. Внушается, что только этот соцкластер производителен. Остальные – нахлебники, которых надо содержать. Система ценностей и мотивация к существованию данного соцкластера единственно правильны. Остальные должны следовать за ним.

В стандартных учебниках по экономике, по которым учатся студенты практически всех, университетов, преподносится как непреложная истина более высокая эффективность деятельности соцкластера предпринимателей по сравнению с другими соцкластерами. Рекомендуется, где только можно, передавать обязанности других кластеров предпринимательскому. Пусть госслужащие торгуют государственными услугами, образование и здравоохранение должны быть не просто платными, а, так сказать, рыночно платными, тогда якобы качество будет выше. О культуре и искусстве уже и говорить не приходится. Успех там давно принято мерить чисто коммерческими показателями. Появляются частные тюрьмы, охранная деятельность приносит большие прибыли и привлекает непомерно много молодежи. К чему это приводит, можно судить по показателям, измеряющим уровень качества населения, в частности его интеллектуальный уровень.

Возьмем для примера соцкластер ученых и учителей. На нем особенно отчетливо видно, как предпринимательская идеология захватывает представителей этого соцкластера и, в конечном счете, уводит их от целей, ради которых они существуют. В последнее время получил распространение тер-

мин «экономика знаний», обозначающий новый тип экономики, где знания являются рыночным продуктом, т.е. продаются и покупаются и являются главной движущей силой для дальнейшего экономического развития общества. Отсюда как бы автоматически следует, что знания нужны человечеству только для того, чтобы их коммерциализировать, использовать в производстве других нужных для жизни продуктов. И следовательно, ученые – это придаток соцкластера предпринимателей, они нужны только тогда, когда предприниматели предъявляют на их услуги спрос. Самостоятельной ценности знания, стало быть, не имеют. Понятно, что это в высшей степени примитивная, а на самом деле вредная и опасная точка зрения.

Соцкластер бизнеса стремится:

• сделать экономику знаний *главным* мотивом производства знаний;

• заменить знания новшествами;

• отделить прикладные знания от фундаментальных;

• спасти общество потребления с помощью перехода от экономики масштабов (economics of scale) к экономике разнообразия (economics of scope).

Собственно, первое положение уже сидит в головах у большинства людей, включая представителей власти. Главный лозунг: перейти от экономики эксплуатации природных ресурсов к инновационной экономике. В принципе лозунг совершенно правильный, но соцкластер предпринимателей обратил его в свою пользу. Ученые, по их представлениям, существуют только для того, чтобы придумывать новшества. А дальше бизнес эти новшества продаст и получит прибыль. Отсюда часто звучащие в обществе претензии к ученым, что они приносят мало пользы экономике.

Второе положение развивает первое. Знания в новой экономике это поставщики новшеств, и по существу отождествляются с новшествами. А новшества в этой экономике либо внедряются в головы потребителей, что без их использования человек неполноценен, либо используются в производстве, чтобы повысить эффективность и увеличить прибыль. Второй тип новшеств не вызывает сомнений в их полезности. На этом стоит технический прогресс. А вот первый тип новшеств в какой-то, иногда большой, мере является искусственным и бесполезным для развития человечества. Собственно переход от экономики масштабов к экономике разнообразия, о которой пишут многие экономисты как о доминирующей тенденции экономического развития, базируется именно на этом, на придумывании и внедрении в массовое сознание новшеств. Никто не спорит, что потребительские новшества нужны. Женщина счастливее, если ее платье отличается от платьев других женщин. Да и муж-

чина счастливее, если его машина в чем-то круче. Но превращать это в главный двигатель экономики значит понижать интеллектуальный уровень человечества, толкать его в тупик.

Как раз положение о ненужности фундаментальных знаний как якобы знаний, которые никому, кроме самих ученых, не понадобятся, которые бесполезны для экономики, иллюстрирует тупиковость пути в направлении тотальности общества потребления. Вера в то, что человечество стремится к самопознанию, к познанию окружающего мира и своему месту в нем, должна рано или поздно переломить чисто потребительскую тенденцию и вернуть соцкластер предпринимателей на его законное место равного среди равных.

О различных сторонах отрицательного влияния доминирования соцкластера деловых людей можно говорить много. Тонкость состоит в том, что некоторые вроде бы позитивные свойства в конечном счете наносят большой вред.

Для иллюстрации этого приведу пример, который многих может шокировать. Во всех получивших распространение учебниках по экономике публичного сектора говорится, что передача некоторых функций государства частному сектору приводит к повышению эффективности. Это положение стало чуть ли не аксиомой. Недавний шедевр нашего военного ведомства: передать частным фирмам заботу о солдатском быте вплоть до мытья полов, чистки картошки и заправки кроватей. На самом деле ничего нового тут не изобретено. Чейни и Рамсфелд, управлявшие американской армией во время войны в Ираке, тотально использовали этот метод, обогащая компанию Halliburton и ей подобные. В результате появился даже специальный термин «капитализм катастроф»[1]. То есть получили распространение и успешно процветают компании, наживающиеся на катастрофах, локальных войнах и прочих конфликтах. И, стало быть, они заинтересованы в создании спроса на катастрофы.

Лидерство того или иного соцкластера можно определять по количеству исторических личностей, принадлежащих данному соцкластеру. Другой, еще более значимый индикатор это набор показателей развития общества, принятый в данную эпоху. Я напоминаю о подобных показателях, которые сохранила нам история, чтобы подчеркнуть сложность проблемы измерения результатов деятельности каждого соцкластера. По существу, первым соцкластером, который по-настоящему озаботился проблемой измерения результа-

[1] См. *Кляйн Н.* Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М., 2009.

тов своей деятельности, оказался соцкластер предпринимателей. Мы сейчас наблюдаем, можно сказать, вакханалию экономических, точнее рыночных, показателей. Толстые справочники, электронные базы данных, каналы телевидения полны самой детальной информацией и деятельности соцкластера предпринимателей. Валовый Внутренний Продукт (ВВП) стоит в центре. А далее – доходы корпораций и населения, фондовые индексы, инфляция, курсы валют, стоимость активов, долги и прибыли, объемы торговли и много чего еще из этой области. Нас постоянно убеждают, что это самое главное. Кризис, с упоминания о котором начинается данная книга, выражается именно этими показателями.

Но это еще полбеды. Хуже другое. Деятельность всех других соцкластеров оценивается через призму этих рыночных показателей. Это ли не признак доминирования бизнес-соцкластера?

Поэтому задача, которая стоит в первую очередь перед учеными, а потом и перед практиками – научиться измерять деятельность всех соцкластеров, а не только предпринимательского.

Тезис о том, что все на свете измеряемо, вероятно, правилен и добавляет оптимизма, но ничуть не подсказывает, как измерять. Первое, что приходит на ум, это четко выделить виды деятельности (занятий) человека и измерять время, в точение которого человек занимается тем или иным видом деятельности. Частично это имеет место. Например, подсчитывается, сколько времени преподаватель читает лекции, ведет консультации и т.д. Фиксируется время присутствия на работе для многих профессий. Также можно подсчитывать, сколько времени человек провел в церкви, слушая проповедь. Короче говоря, такие подсчеты делать не так уж сложно. И сколько времени ушло на театры, выставки, музеи, оказание услуг гражданам, занятия по вождению истребителя.

Что общего в таких измерениях? Затратность. Сколько потрачено времени на то или иное занятие. Много труднее измерять результаты деятельности. Кстати, здесь появляются те же трудности, что и при измерениях результатов рыночной экономики. Рынок хорошо измеряет то, что на нем непосредственно торгуется. Это так называемые частные блага. Но к коллективным благам прямой рыночный механизм неприменим. Публичные блага, клубные блага, даже инфраструктуру типа дорог измерять гораздо труднее.

Поэтому измерение результатов – это особая наука, о которой надо говорить отдельно. Мерить результативность по спросу, по нужности людям правильно лишь частично. Вроде бы логично считать оперу «Пиковая дама», по-

ставленную в Большом театре, выше по результату, чем, скажем, творческий вечер поэта, если на нее пришло больше народу. Но на концерт Мадонны пришло еще больше. А уровень духовности при этом скорее снизился. Такая же ситуация со знаниями. То, что сейчас востребовано, не обязательно дает прирост результатов деятельности соцкластера ученых.

Возвращаясь к влиянию одних соцкластеров на другие, можно вспомнить различные негативные явления в теперешнем обществе, с которыми не находится эффективных методов борьбы. Например, можно отметить такие явления в сфере образования, как следствия доминирования соцкластера деловых людей:

- покупка символов (дипломов и пр.), а не получение знаний, компетенций, опыта;
- диктат профессий, приносящих большие деньги;
- создание искаженного и узкого представления о мире, примитивизация сознания.

Применительно к негативному влиянию на здравоохранение можно отметить:

- расширение спектра алкоголя и наркотиков;
- поддельные лекарства (плацебо и пр.);
- ненужные процедуры и операции;
- реклама и вообще навязывание нездоровых действий;
- опасность расслоения человечества (создание новой породы людей).

Соцкластер культуры и искусства тоже не избежал отрицательного влияния. Можно отметить, например, такое:

- игра на низменных чувствах;
- распространение «клипового сознания»;
- падение нравственности;
- примитивизация (доминирование поп-музыки и пр.);
- навязывание виртуальных миров, другой призрачной жизни с сомнительными идеалами.

Понятно, что можно так же провести анализ избыточного влияния других соцкластеров. К примеру, доминирование соцкластера госслужащих оказывает следующее влияние:

- на соцкластер деловых людей: тотальная неэффективность, идущая от власти бюрократии, коррупция;

• на соцкластер военных: гипертрофия сектора в целом и снова неэффективность;

• на соцкластер науки, образования, здравоохранения: внедрение принципа: *главное не результат, а отчет;*

• на соцкластер культуры и искусства: сдвиг в содержании, прославление личностей, того не заслуживающих.

Поскольку принцип равноправия социальных кластеров никогда не поддерживался никакими институтами, можно ожидать, что соцкластеры боролись друг с другом за лидерство. Историки, несомненно, найдут массу свидетельств этому. Я же здесь приведу суперсвежий пример соперничества соцкластеров деловых людей и госслужащих в России. Речь идет о новом законе о бюджетных организациях, который является сильным ходом соцкластера деловых людей, пожалуй, посильнее истории с известным законом №122-ФЗ о монетизации льгот.

Этот новый закон как бы протягивает руку соцкластеру госслужащих. Деловые люди говорят: давайте вместе управлять бюджетным (публичным, по другой терминологии) сектором. Будет лучше и вам и нам. Влияние бюрократов возрастет, поскольку они будут формировать и контролировать госзаказ, от которого теперь зависит судьба бюджетного учреждения. Влияние бизнеса возрастет также, ибо он будет определять спрос и покупать продукцию публичного сектора. «Прекрасный альянс», но не поднимается рука написать: «двух соцкластеров». Это прекрасный альянс темных сил в этих соцкластерах. Сами соцкластеры по определению ни в чем не виноваты. Они созданы для осуществления важнейших функций. Но существующая жизнь подталкивает к не свойственным им действиям, которые осуществляют те силы, которые легко предают правила, нормы, клятвы, лежащие в основе соцкластеров. Потому эти силы и называются здесь темными.

Социальный кластер удобно, с научной точки зрения, рассматривать как своеобразную юрисдикцию. В современной литературе понятие юрисдикции успешно применяется к отдельным территориальным единицам – странам, губерниям, штатам, муниципалитетам – где действуют свои правила, устанавливаемые своим (локальным) правительством. Упоминавшаяся уже теория, идущая от Чарлза Тибу, ставит во главу угла два принципа: достаточное разнообразие и свобода передвижения («голосование ногами»). Соцкластер священнослужителей. Этот соцкластер, безусловно, должен быть выделен. Его роль совершенно специфична, не сравнима ни с чем другим. Ничто не мешает распространить данную идею на кластерное общество. Вместо территориальных

единиц здесь – социальные кластеры, свобода передвижения остается, отличия начинаются при интерпретации локального правительства.

Итак, социальный кластер – это юрисдикция со своей этикой, правилами поведения, своими законами, своей валютой. В частности, существенны нормы, соблюдение которых принципиально для принадлежности к соцкластеру. Назову некоторые:

- военная присяга;
- клятва Гиппократа;
- кодекс чести ученого;
- религиозные нормы;
- предпринимательская этика, например этика российского купца (слово, пожертвования).

При этом, естественно, совокупность соцкластеров образует единое общество, в котором действуют общие законы, обязательные для исполнения всеми. Например, существенным элементом правовой системы является право наследования. Что и как наследуется – тонкий и сложный вопрос.

Проще всего понять права наследования в кластере предпринимателей. Принцип частной собственности изучен досконально. На нем держится классический капитализм, он обеспечивает главный мотив, главный стимул предпринимательской деятельности. Идеология либерализма внушила, чуть ли не повсеместно, что справедливо передавать по наследству именно частную собственность в форме того или иного вида капитала. При передаче чего-то другого есть элемент несправедливости.

Вдумчивому человеку ясно, что это упрощенчество. Просто – не значит правильно. История человечества подсказывает, что можно передавать по наследству много чего: власть, привилегии, социальное положение, должности. Возьмем среднестатистического родителя. Его задача – передать детям то, чего он добился в жизни, причем с максимальной надежностью, чтобы не отняли.

В соцкластере предпринимателей доминирует наследование частной собственности, в частности бизнеса. Но это не значит, что данный принцип должен быть тотальным, все должны гоняться за этой самой собственностью, умножать ее. Возникает противоречие, наблюдаемое ныне. В других соцкластерах мотивация, идеалы, устремления отличны от предпринимательских, а приходится зарабатывать деньги, ибо уровень и качество жизни зависят именно от количества денег. Иметь хорошие жилищные условия, проводить отпуск, где хочется, не отказывать себе в предметах потребления, обеспечивающих повседневную жизнь и хобби, все это деньги. Поэтому не удивительно, что

социальные кластеры неравноправны, предприниматели доминируют, ибо количество денег у них прямо зависит от успешности их деятельности.

Соцкластер государственных служащих, естественно, испытывает зависть, или ревность, или чувство несправедливости, не знаю, как лучше это назвать, по отношению к предпринимателям. Рычаги воздействия госслужащих на предпринимателей имеются, что приводит к коррупции. Зато в результате этой коррупции госслужащие обеспечивают себе достойный уровень жизни и им не стыдно перед домочадцами, друзьями и предпринимателями. Цивилизованно коррупцию можно ликвидировать только с помощью изменения механизма получения благ в других социальных кластерах. Принцип *равноправия соцкластеров* означает, в частности, что уровень и качество жизни в разных соцкластерах должны быть примерно одинаковыми. Не может быть того потрясающего неравенства, которое мы наблюдаем сейчас практически во всех странах мира.

Еще раз обращаю внимание на принцип равноправия социальных кластеров. Это крайне важный пункт. Согласно классической концепции либерализма, ставящей во главу угла индивидуума, главное – это равноправие индивидуумов. Общество по этой концепции должно быть устроено так, чтобы у всех членов общества были равные права на все, что это самое общество предоставляет.

Простая логика подсказывает, что принцип равноправия индивидуумов – это чистая фантастика. Равные права в чем? Бог создал людей как раз не равными, а разными. Одни талантливы в музыке, другие в беге. Одни имеют богатых родителей, другие нет. Одни родились в пустыне, другие в тундре и т.д., можно долго перечислять. Говорят, главное – равенство перед законом. В истории человечества не найдется примера воплощения в жизнь данного принципа. Надо хотя бы иметь в виду, что сама формулировка принципа относится разве что к современности. Закон, право, общественная норма – институты, постоянно меняющиеся, считается – совершенствующиеся. Мировые религии гораздо более глубоко понимают сложность формулировки принципа равноправия между людьми.

Вся история человечества – это гимн неравенству. И в первую очередь, неравенству индивидуумов. Сложнее ситуация с группами. Групповое поведение есть и в животном мире, но в человеческой среде оно доминирует. Не случайно во всех языках наблюдается потрясающее разнообразие названий групп, т.е. совокупности людей. Это группа, стая, стадо, коалиция, ватага, этнос, класс, сословие, юрисдикция, мафия, бригада, клуб, коммуна, община, хунта, и еще с десятка два наберется.

В основе марксовой теории классов как раз лежит неравенство между классами. Один класс эксплуатирует другой. Сословия, которые играли важную роль в устройстве общества на протяжении длительного времени, также, по определению, неравноправны. В Индии они есть до сих пор, и о равноправии людей, принадлежащим к разным кастам, там не может быть и речи. В мире процветает так называемая теория двойных стандартов. То есть в одном сообществе (групп людей, стран, чего хотите) действуют одни нормы, в другом – другие.

Неравноправие возникает естественным образом, или, лучше сказать, чисто технологически. Больше достается тому, у кого концентрируется прибыль. Рыбаки отдают свою добычу за бесценок перекупщикам. Те снабжают рыбзаводы и рестораны, также отнюдь не обогащаясь при этом. Основные деньги идут от конечных потребителей готовой рыбной продукции. Поэтому процветает розничная торговля, а бедные рыбаки, от которых все зависит, получают крохи. Сделать механизм распределения прибыли в длинной цепочке переработки полуфабрикатов справедливым еще никому не удавалось. Ссылка на рыночный механизм совершенной конкуренции не подходит хотя бы потому, что совершенная конкуренция существует лишь в головах последователей Адама Смита.

Задача справедливого распределения прибыли между социальными кластерами имеет похожую природу, но еще запутаннее. Соцкластер предпринимателей получает эту самую прибыль. Представителям других соцкластеров достаются крохи. И если госслужащий, или ученый, или военный и т.д. будут гоняться за прибылью, то они превратятся в предпринимателей, и не надо дальше говорить, во что превратится такое общество. Общество, если оно дозрело до понимания, что предпринимательская прибыль создается только тогда, когда эффективно работают все соцкластеры без исключения, рано или поздно придумает механизм справедливого распределения этой самой прибыли. Сформулированный выше принцип равноправия социальных классов должен быть расшифрован, разъяснен как можно подробнее. В частности, сопоставлены рыночный механизм и механизм рационирования. Где больше равноправия?

Механизм распределения благ, называемый рационированием, столь же хорошо известен, как и рыночный. Он стар как мир, но его возможности далеко не исчерпаны, и глубину его мы еще до конца не понимаем. Это *рационирование* и *нормирование*. На самом деле и современный рыночный механизм весь опутан всевозможными нормами и ограничениями.

Вспомним хотя бы пожарный, санитарный, экологический, градостроительный и прочие контроли, где главное – это соблюдение правил и норм. Но когда мы говорим о механизме рационирования, то имеем в виду, что он определяет сам результат, а не ставит условия для получения результата. Возьмем карточную систему, классический пример использования механизма рационирования. Карточка персонифицирована и указывает в точности, сколько и какого блага можно получить. Кое-какое пространство выбора здесь есть. Можно не пользоваться карточкой вообще, можно растянуть процесс во времени. Социальная карта москвича дает право бесплатного проезда на метро, но не каждому это нужно. Поэтому главная отличительная особенность механизма рационирования от рыночного механизма состоит в его адресности. Указывается социальная группа, для которой соответствующая норма установлена. Для инвалидов может быть одно, для героев социалистического труда – другое. Но принципиально важно, что доминирует здесь не зарабатывание денег, а попадание в соответствующую категорию.

Люди всех социальных кластеров хотят жить достойно. Поэтому общество должно создать для них условия, при которых выполнение своей миссии, своих целей приводит к этой самой достойной жизни. Госслужащий, военный, священник, ученый, врач не должны стремиться к зарабатыванию денег. Если устройство общества толкает их к этому, то такое общество как минимум нестабильно. В нем, пусть неосознанно, неформально, доминирует один вид деятельности – предпринимательство. Когда на карту была поставлена судьба России и главным был воин, цари и их советники придумали дворянство. Это уж потом дворяне тоже не брезговали бизнесом.

К сожалению, наука *(теория) рационирования* развита не так детально и глубоко, как наука о рынке. Ее как целостного раздела науки просто не существует. Поскольку рыночные отношения, особенно в современную эпоху, нуждаются в серьезном рационировании, то последнее рассматривается как часть рыночного механизма, а отнюдь не как что-то отдельное и не менее важное, чем сам рынок.

Был, правда, в истории человечества короткий период, когда доминировало рационирование, а рынок был дополнением. Это плановая экономика советского типа, которую, как известно, взял на вооружение не только Советский Союз, но и так называемые страны народной демократии, а также Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба. Пытались использовать и другие. Везде имелись свои особенности, но принцип плановой экономики стоял во главе. Тотальный план, когда планируется все и вся, был неким идеалом, скорее лож-

ным, но он устойчиво сидел в головах плановиков как, пусть и недостижимая, цель. Из-за этого, кстати, плановая экономика подвергалась такой едкой и талантливой критике поклонниками либерализма, начиная с Мизеса и Хаека. Это вдохновляло и писателей, скажем, Замятина и Оруэлла. Но все можно довести до абсурда. План имеет свои границы, свой ареал применения. В больших корпорациях без плана просто не обойтись. В известной экономической теории благосостояния, где общество стремится достичь максимума некоей функции всеобщего благосостояния, даже наличествует мифический персонаж. Это так называемый «социальный плановик», который толкает общество к этому самому максимуму. Это не знаменитая невидимая рука Адама Смита, это нечто другое, и в чем-то более глобальное. Л.В.Канторович сопоставлял это с принципом минимальной энергии Ферма, распространенным с физического мира на общество.

Теория рационирования включает в себя планирование как социальный механизм. Но в ней главное не это, главное, как общество формирует правила, формирует нормы, каков механизм такого формирования. Уполномоченный правительством Госплан может калькулировать планы, а потом навязывать их действующим лицам экономики только в мифическом тоталитарном государстве. В реально существующих государствах эффективен тот механизм, который приводит к равновесию всех влиятельных политических сил. Подчеркиваю – всех, а не каких-то избранных.

Считается, и формально это совершенно правильно, что цены начинаются снизу, а уж потом принимаются и закрепляются обществом. Нормативы же идут в обратном направлении. Сначала их устанавливает государство или верховный правитель. А потом общество к ним привыкает и далее считает их вполне естественными. В жизни, конечно, все устроено сложнее, не так однозначно. Многое зависит от конкретного общества, его веками сложившихся норм, традиций и пр. Поэтому ожидать идеальной теории порождения нормативов не приходится. Математическая экономика внесла весьма небольшой вклад в теорию рационирования. Там упор был сделан на то, как нормативы искажают рыночное равновесие. Намного важнее вопрос, как нормативы порождаются обществом.

В большинстве социальных кластеров – у военных, госслужащих, служителей науки и искусства, священников, врачей – сложились системы ранжирования, причем ранжирования в разных кластерах весьма схожи. Когда Петр I вводил свои 14 рангов для военных и госслужащих, в Указе прямо говорилось о соответствии одних другим, только названия были разными. Воинские звания наиболее известны публике и привычны. Одним словом, во

всех из перечисленных социальных кластеров ранжирование существует. Оно законодательно оформлено, и в отдельных случаях прямо указывается на соответствие между рангами в разных кластерах. Например, советник первого класса у госслужащих соответствует генералу армии у военных. Однако в других случаях такого формального соответствия нет. Скажем, как соотносятся звания профессора, епископа, генерала, неясно. Насколько необходимо такие соответствия устанавливать законодательно или хотя бы в порядке разъяснений или комментариев, требует специального исследования.

В принципе такое соответствие помогает справедливо устанавливать нормативы для различных социальных кластеров и рангов внутри них. Возьмем наиболее острую проблему жилья. Существующие рыночные цены на жилье таковы, что покупка квартир и домов по карману только кластеру предпринимателей. У других нет таких доходов, если доходы праведные. Поэтому согласно принципам справедливости жилье должно распределяться не рыночным, а, следовательно, нормативным способом. Вспомните, в царское время профессору были положены квартира из нескольких комнат, служанка, карета и прочие мелкие блага. В советские времена нормативный подход был едва ли не тотальным. Нормировалась даже высота дачного домика, не говоря уж о командировочных, пайках, служебных автомобилях, участках под огород. В России накоплен немалый практический опыт, как и где устанавливать нормативы и, что особенно важно в теперешнее время, как им следовать. Правда, теперь мы имеем другой общественный строй, и выработка механизма и технологии исчисления нормативов и контроля над их соблюдением представляет собой непростую и не решенную проблему.

Следует еще раз подчеркнуть, что принцип равноправия соцкластеров должен стать тотальным, пронизывающим все сферы общества. Пока до этого далеко. Взять, к примеру, сектор средств массовой информации. В теперешней жизни практически во всех странах мы наблюдаем засилье двух соцкластеров: предпринимателей и, чуть меньше, госслужащих. Главные новости – только из жизни этих соцкластеров. Популярные артисты позиционируются как представители деловых людей. Все население втягивается в обсуждение именно их жизни, их проблем. Внушается, что они, и только они, главные. Если есть достижения, скажем, в искусстве или науке, то гражданам это подается обязательно как предпринимательское достижение. Важно, какой доход принес тот или иной фильм, сколько заработал великий певец или спортсмен. А ведь публика вполне может с удовольствием и знанием дела обсуждать, каковы правильные, справедливые нормы для тех или иных соцкластеров и рангов в них.

Возможно, с не меньшим энтузиазмом, чем сейчас обсуждается жизнь богатеев и вообще популярных личностей.

Кто-то напомнит, что скрупулезное соблюдение этого принципа приведет в конечном счете к убийству конкуренции, являющейся, как известно, двигателем прогресса и создателем мотивации. Как можно на это возразить? Равноправие ведь не достигается колдовством высших сил или, на худой конец, приказом всесильного самодержца. Равноправие это баланс, это равновесие, которое как раз и достигается в процессе конкуренции соцкластеров. Короче, конкуренция является тем механизмом, с помощью которого принцип равноправия внедряется в жизнь. Надо «лишь» (такая малость!) позаботиться о том, чтобы правила и условия приводили к справедливой конкуренции.

Здесь я возвращаюсь к понятию смешанной экономики, когда говорилось о двух слоях – мягком, рыночном, и жестком, рационируемом или планируемом сверху. Теперь пришло время уточнить, как же все-таки понимать экономику второго, жесткого, слоя в соцкластерном обществе. Провозглашенный выше принцип равноправия соцкластеров вынуждает все соцкластеры заниматься экономикой. В противном случае соцкластер предпринимателей естественным образом, незаметно, займет лидирующее положение. Поскольку у каждого соцкластера своя субвалюта, распознавать подэкономики, обслуживающие соцкластеры, легко. Вопрос, каков тип этих экономик, какой механизм лежит в их основе? Понятно, что механизм не чисто рыночный, хоть и с рыночными элементами, раз есть валюта, цены.

Не хочется называть этот механизм плановым, поскольку в литературе и в умах людей уже сложилось представление о том, что такое плановая экономика. Это экономика советского типа, эффективно и не очень работавшая в течение более 70 лет. **Будем использовать здесь термины «проектный механизм», «проектная экономика», ибо проектный принцип, пожалуй, доминирует в организации экономик, обслуживающих все соцкластеры, кроме предпринимательского.** Главной отличительной чертой проекта является цель, ради осуществления которой проект и создается. В предпринимательском соцкластере проекты, безусловно, присутствуют и часто играют решающую роль. Но цель таких проектов – практически всегда прибыль. В других же соцкластерах цели проектов могут быть самыми разными. Кто и как формирует цели – это отдельный разговор, но, как правило, способ определения цели учитывает мнения всего соцкластера, а то и всего общества, т.е. цели проектов по своей природе носят общественный характер.

Проекты заведомо лучше других институтов могут:

- дать народу главные, в том числе идеологические, ориентиры;
- проекты должны обеспечивать выполнение и обеспечение норм & нормативов, предписанных всем рангам соцкластеров;
- поддерживать экономику знаний в ее правильном понимании;
- мобилизовывать население на великие дела.

Проектная экономика обеспечивает жизнедеятельность и желательное для общества функционирование всех соцкластеров, кроме разве что предпринимательского, где проект является лишь одним из используемых механизмов. Ясно, что проектная экономика – это экономика особого рода, которая, к сожалению, еще мало изучена в теоретическом плане, хотя практика демонстрирует нам достаточное количество примеров, дающих материал для изучения и обобщения.

Проекты должны гарантировать выполнение и обеспечение норм, положенных всем рангам соцкластеров. Например, молодые ученые, учителя, врачи по установленным нормам должны быть обеспечены жильем соответствующего класса. Проект (естественно, долговременный) осуществляет эту цель. При этом проект исполняется в рамках проектной экономики, т.е. функционирует по законам проектной экономики, главный из которых – четкое и безусловное достижение поставленной цели.

Вопрос о прибылях и убытках является второстепенным, хотя и важным. Проектная экономика может функционировать достаточно долго только тогда, когда она эффективна, т.е. когда проекты выполняются по всем позициям, в том числе и по финансовым показателям. При этом, так сказать, по существу или, лучше сказать, по природе проектной экономики исполнителям проекта прописываются в самом проекте поощрения всех типов, зависящие, естественно, от качества результатов. Как видно, при таком механизме нет места коррупции, наживе и прочим прелестям современной рыночной экономики. Насколько такие стимулы слабее или сильнее рыночных, может показать только практика и, соответственно, уровень развития соцкластерного общества.

Проектная экономика и общество социального кластеризма хорошо вписываются друг в друга. Это приятно осознавать, поскольку в основе такого содружества лежат российские особенности, российский менталитет. Индивидуализм и коллективизм смешиваются в российской солидарности в существенно иной пропорции, чем это принято трактовать на Западе. Реализация сложных проектов нам, россиянам, по душе. Мы сплачиваемся здесь в

едином порыве, не обращая внимания на жизненные трудности, на собственное место в проекте. Не потому ли наши «стройки коммунизма» показывали чудеса скорости и вообще эффективности? А что говорить об атомном и космическом проектах, где была особенно велика интеллектуальная и патриотическая составляющая!

Понятие общественных интересов в обществе социальных кластеров расширяется. Связь между личными и общественными интересами становится теснее. А именно нормативы индивидуального потребления устанавливает общество. Это означает, что спрос на базовые блага, в частности на блага, необходимые для жизни, формируется под прямым контролем общества. При классическом рыночном капитализме спрос в основном определяется индивидуальными действиями потребителей, т.е. подвержен стихийным колебаниям и моде. Да еще на спрос влияют действия отдельных производителей, навязывающих сомнительные новшества. Таким образом, соцкластерное общество уходит от пресловутого общества потребления, формируя спрос сообща и тем самым мудрее и стабильнее.

Проект должен удовлетворять следующим условиям, которые формулируются частично формально, частично содержательно:

(а) выполнять содержательную миссию, которая формулируется в неформальных терминах, по существу;

(б) быть принятым обществом;

(в) быть сбалансированной частью всей совокупности проектов.

Технология разработки проектов должна иметь совершенно новую компоненту, опирающуюся на сетевое общество. А именно: проекты выкладываются в Интернете, и каждый может давать свои комментарии, предложения по улучшению, возможные подводные камни и пр. Одним словом, проект превращается в известной степени в творчество масс, как это уже отработано применительно к программному обеспечению (Открытый код) и к некоторым базам данных (Википедия и др.).

Теперь о следующей стадии. Проект создан, и он вступает в конкурентную борьбу с другими (созданными) проектами за то, чтобы быть принятым к реализации. Критериев принятия проектов несколько. Главное – органично вписаться в совокупность уже реализующихся проектов (системный подход) и оценить, насколько прирастает общее благосостояние. Во-вторых, немаловажной является оценка вероятности реализации всего проекта и отдельных его стадий, ибо стопроцентной уверенности нет почти никогда, хотя и по разным причинам. Здесь важно подчеркнуть, что пресловутое явление,

называемое финансированием проекта, просто не возникает. Все прописано до мелочей, в том числе и форма оплаты на любой стадии. Здесь, кстати сказать, может пригодиться опыт исламских банков с их технологией финансирования проектов. Все это я говорю в порядке доказательства тезиса о том, что в проектной экономике условия для коррупции сводятся к минимуму.

Ее можно называть моделью проектной экономики тогда, когда экспериментатор имитирует процесс формирования проектов. Имитирует то, что должно делать общество с помощью некоторого разумного механизма. Характерным признаком проектной экономики является приоритет формирования проектов (обществом). Это первый и главный шаг. Скрепляющие экономику проекты – это жесткая составляющая. Мелкие проекты – что-то промежуточное. А потом дается свобода предпринимательскому соцкластеру делать что хочешь, лишь бы проекты при этом были выполнены. Не случайно слово (обществом) взято в скобки. Дело в том, что механизм формирования проектов и их принятия остается здесь за кадром. Какие институты общества здесь играют определяющую роль – не рассматривается. Это отдельный принципиальный вопрос, практически не разработанный. Поэтому мы и говорим, что теория проектной экономики находится еще в самом начале своего развития. Многое зависит, естественно, от политического устройства общества, в котором будет функционировать проектная экономика.

Итак, основная гипотеза о природе мотивации индивидуума состоит в том, что он стремится повысить совой социальный статус, в данном случае ранг. Переход из ранга в ранг осуществляется за заслуги перед обществом, которые в рассматриваемой модели выражаются в приросте продукции своего соцкластера. Напомним, что продукция соцкластера есть обобщенный уровень его развития. Индивидуум в соцкластере предпринимателей ведет себя как при стандартной рыночной экономике. То есть он старается заработать как можно больше денег.

Каждый соцкластер имеет результат своей деятельности, свою продукцию. Общество научилось хорошо измерять эту продукцию для соцкластера бизнес-людей и хуже в разной степени – для остальных соцкластеров. Задача измерения стоит на повестке дня, но не остро. Для военных и госслужащих чуть острее, для остальных – не очень. Хотя косвенных показателей, имеющих отношение к проблеме, набирается достаточно. Кстати сказать, наше правительство время от времени предпринимает попытки найти измерители работы госаппарата. Это уже шаг в правильном направлении.

Существует оптимальное (сбалансированное) соотношение между объемами произведенной продукции соцкластеров. Чем больше нарушение этого соотношения, тем сильнее это сказывается на уровне развития общества. Если один из соцкластеров начинает доминировать, развиваться быстрее других, это негативно сказывается на других соцкластерах. Это, кстати, мы воочию наблюдаем в существующем мире. Гипертрофированное влияние соцкластера деловых людей в большей или меньшей степени тормозит развитие других соцкластеров.

В современной России доминирует соцкластер госслужащих, а не деловых людей. Он – хозяин жизни. Предприниматели должны идти к нему на поклон, должны служить ему. И потому госслужащие заинтересованы, чтобы выросла группа богатых («олигархов»). Впрочем, самые крупные и успешные компании госслужащие предпочитают возглавлять сами. Все это приводит к известному в литературе феномену, называемому феноменом Левиафана. Это когда бюрократия имеет главную цель работать на себя и воспроизводить саму себя в максимальной степени. Производится немыслимое количество инструкций, правил, законов, которые надо исполнять и самое главное – контролировать. В результате имеем неэффективное государство. В неэффективном государстве, если ученому нужно оборудование или химикаты для проведения экспериментов, то он не может пойти в магазин и купить их в течение дня. Он должен подать заявку и через несколько месяцев получить заказ. В неэффективном государстве дом строится за полгода, а разрешение на его постройку добывается в течение двух лет – в лучшем случае. Поэтому в обществе с доминирующим предпринимательским соцкластером производительность труда в разы выше, чем в обществе с доминирующим соцкластером госслужащих.

Вопрос: а откуда тогда взялись успехи нашего советского периода? Ведь там также доминировал соцкластер госслужащих. Объяснение простое. Это были не просто госслужащие, а партийные работники, т.е. люди с идеологией. И кроме того, что особенно важно, рыночный механизм тогда не был тотальным, превалировал механизм рационирования. А при использовании механизма рационирования госслужащим выгодно, чтобы государство было эффективным. Их интересы совпадают с интересами государства в целом.

Нужны тщательные исторические и теоретические исследования, отвечающие на вопрос: при доминировании каких соцкластеров мотивация к труду высокая, при каких – низкая? Из общих соображений представляется, что соцкластер деловых людей понуждает к интенсивному труду, чего нельзя

сказать о соцкластере священнослужителей, работников культуры, да и военных. Но только оптимальная сбалансированность приводит гармоничному развитию общества.

Чтобы прийти к искомой сбалансированности, к принципу равноправия соцкластеров, необходимо внедрить в повседневную жизнь общества измерители работы всех соцкластеров. Уже отмечалось не раз, что в теперешней повседневной жизни доминируют показатели рыночной экономики. В дошкольное и школьное образование все больше вкрапляются пособия, комиксы, игры с названиями «денежка», «банк», «цена» и тому подобные. Правда, в современной экономической науке понемногу начинает расти понимание, что надо изучать мотивацию людей, связанную со смыслом жизни. Стала развиваться «экономика счастья» (economics of happiness), в основе которой лежит измерение так называемого индекса счастья. Пока этот индекс измеряется неточно, с большой долей субъективности. Но начало положено. Индекс счастья по определению интегрален. В его формировании участвуют все соцкластеры. Будем ожидать, что наибольшее значение индекса счастья обеспечит соцкластерное общество, естественно, с тщательным учетом особенностей каждой страны.

Что касается проектной экономики, которую правильнее следовало бы называть **проектно-договорной**, то в ней много особенностей, нюансов, деталей, которые при первом знакомстве остаются невидимыми. А они, эти детали, принципиально важны. Пожалуй, главное – это определение, что есть проект. Проще объяснить, что проектом не является. Конкурсы, тендеры, которые проводятся в соответствии с законом №94-ФЗ, формально требуют предоставления проекта. Часто фигурируют термины: «национальный проект», «региональный проект» и т.п. Но все это рядом не лежит с тем, что следует называть проектом, настоящим проектом.

Формально проект представляет собой детальный сетевой график, в котором указаны все промежуточные цели, все виды работ и четко прописана конечная цель. Конечная цель должна быть общепонятна, проверяема, контролируема. Если говорится, что индекс счастья должен повыситься на столько-то пунктов, то должна быть четкая методика, как это проверить. Работы и промежуточные цели не могут иметь пропусков или чего-то само собой разумеющегося. Например, получения визы начальника или разрешения от мелкой организации. Но самое главное, работы должны быть обеспечены юридическими договорами с организациями-исполнителями. Такие договора составляются по всей форме – с прописыванием форс-мажорных обстоятельств,

штрафов за нарушение сроков, и тем более за неисполнение. Желательна проработка запасных вариантов на случай неисполнения договора, которые также включаются в сетевой график. Естественно, что составной частью является организационное оформление управления проектом. Кто руководитель, какую ответственность он несет, какова его команда, как это оформлено юридически, в частности какова форма юридического лица. В проектной экономике должен существовать развитый консультационный сектор, продукция которого – проекты, готовые к употреблению. Качество проекта – репутация компании.

В заключение следует сказать о формировании правильных образов в глазах общества, образов представителей соцкластеров, находящихся в том или ином ранге. Без этого соцкластерное общество существовать не сможет. Люди должны понимать более или менее однозначно, что такое, скажем, профессор, каков его общественный статус, каков его образ жизни, какие ему положены привилегии. Ступеньки общественной лестницы, по которым взбираются граждане, должны быть понятными, здесь не должно быть двусмысленности.

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ ОБЩЕСТВА

Любые социальные реформы, которые начинает государство и на которые соглашается общество, имеют своей политической целью изменение, переустройство общественных условий, институтов и отношений с целью улучшения качества жизни для как можно большего числа граждан. Данные социологических исследований показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения продолжает медленно снижаться (см. табл. 1)[1].

В структуре тревожности сознания социума к декабрю 2010 г. на первом месте по-прежнему находится «дороговизна жизни» (53%). Наибольший уровень тревог (70%) наблюдался в начале 90-х гг. – на старте либеральных реформ, наименьший (41%) – накануне дефолта 1998 г. Новую структуру тревожностей по поводу дороговизны жизни вызвали проявившиеся факторы мирового экономического кризиса, который пришел. Он и выстроил к концу 2010 г. рейтинг остальных факторов экономической жизни: повышение тарифов на услуги ЖКХ (43%), повышение цен на продукты питания (39%), произвол чиновников (35%), экологическая обстановка (33%), преступность (30%), безработица (29%), падение нравов, культуры (27%), безопасность (27%), «наркомании» (22%), «алкоголизма» (20%), разделение общества на бедных и богатых (18%), «терроризм» (15%), закрытие, простой предприятий (11%), высокая инфляция (11%), обострения межнациональных отношений (9%), мировой экономический кризис (7%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (7%), монетизация льгот (2%).

[1] Исследования проведены при поддержке РФФИ (проект №10-06-00200-а Социологический мониторинг «Социально-политическая устойчивость российского общества в условиях выхода из мирового экономического кризиса: тенденции и стратегии (2010–2012 гг.)») и РГНФ (проект «Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг»).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов

РФ, % от числа опрошенных

	1992, август	1993, ноябрь	1994, февраль	1995, январь	1997, январь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2005, сентябрь	2006, июнь	2007, июль	2008, июнь	2009, декабрь	2010, декабрь
Дороговизна жизни	-	70	58	60	41	66	67	60	60	62	50	58	48	53
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	44	46	45	39	42	31	43
Повышение цен на продукты питания	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40	32	39
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	32	27	29	29	32	29	29	33	35
Экологическая обстановка	22	26	34	31	24	33	32	33	29	36	42	38	32	33
Преступность	44	51	50	43	28	51	49	44	32	40	41	32	34	30
Безработица	-	24	24	21	14	31	29	25	22	27	21	16	25	29
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	32	27	25	26	30	33	27	31	27
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	31	33	32	28	27	25	27
Наркомания	-	-	-	-	-	42	26	32	29	31	34	27	26	22
Алкоголизм	-	-	-	-	-	17	17	18	20	23	28	22	25	20
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	-	33	33	22	23	30	26	22	19	18
Терроризм	-	-	-	-	-	27	29	31	26	20	21	12	17	15
Закрытие простой предприятий	-	-	32	30	22	28	19	16	14	14	10	8	14	11
Высокая инфляция												25	14	11
Обострение меж-национальных отношений	26	11	10	10	7	21	15	8	8	11	10	9	9	9
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	7
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	7	5	7	7
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	13	4	4	2	2	2

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Структура тревожности сознания общества остается в основном стабильной в последние годы, хотя динамика отдельных факторов заметна и

протекала она под воздействием мирового экономического кризиса. На второе место в 2007 г. выходила тревожность по поводу «экологической обстановки» (42%), на третье – «преступность» (41%). К декабрю 2009 г. «триада» факторов тревожности сформировалась в следующем порядке: «дороговизна жизни» (48%), «преступность» (34%), «произвол чиновников» (33%). Через год, в декабре 2010 г. лидировали факторы материального положения: «дороговизна жизни» (53%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (43%) и «повышение цен на продукты питания» (39%). Флуктуируют тревоги по поводу «наркомании» (22%), «падения нравов, культуры» (27%). Вновь ожила тревожность общества по поводу «алкоголизма» (20%), «терроризма» (15%).

В 2008–2010 гг. флуктуировали, но остались на прежнем уровне тревоги граждан по поводу безопасности, разделения общества на бедных и богатых, обострения межнациональных отношений.

В свете реализации в стране антикризисной программы Правительства РФ необходимо указать, что актуальными и резонансными в обществе в ближайшее время будут темы, связанные с экономическим положением граждан. Проблемы дороговизны жизни, повышения тарифов, низких зарплат и достойных заработков продолжают оставаться в эпицентре массовых тревог. **Комплекс социально-экономических проблем результируется в стойком ощущении у граждан дефицита системного качества общественных отношений – социальной справедливости. Качества, наличие которого в необходимой мере в конечном итоге и делает общество устойчиво консолидированным.**

Социальная справедливость как норма политической культуры и образ жизни общества возникает в том случае, когда общество в своем большинстве состоит из свободных граждан, эффективно контролирующих государство и, в первую очередь, законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Преступность, алкоголизм, наркомания, падение нравов и культуры – актуальные тревоги общества и одновременно – дисфункции государственной власти. Более того, в число наиболее тревожных проблем граждане включают произвол чиновников. По существу, в стране присутствует проблема девиации проводимой государством политики. Одной из неэффективно реализованных составляющих этой политики, по мнению граждан, является охрана окружающей среды. Вскрытая структура тревожности массового сознания дает ориентиры для политической практики государства и политическим партиям для программ и эффективных пропагандистских кампаний. Конечно, они должны выстраиваться с учетом складывающейся информацион-